
ОГОНЁК
№ 42 ОКТЯБРЬ 1982
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
БУДНИ ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ
Новые стихи Аркадия Кулешова
Анатолий Калинин: ВЕШЕНСКОЕ ЛЕТО
Пришельцы из космоса
ДВЕ СКАЗКИ Сергея Михалкова

ТАМ, ГДЕ СРАЖАЛСЯ ВЫШ

Строится Киевская-комсомольская.

Сварка арматуры — дело ответственное.

Передовая бригада монтажников А. Шавра.

Фото Н. Козловского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 42 (1843)

14 ОКТЯБРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ГОРОД

На этот раз строители Большого Днепра обосновались у поселения древнего, почти легендарного. Гидроэлектростанцию, получившую название Киевская-комсомольская, они сооружают у стен Вышгорода, там, где правый берег реки круто забирает вверх.

В давние времена тут стояла крепость, по свидетельству историков,— чуть не ровесница Киева. Вышгород был как бы ключом к стольному городу, и кочевники, вороги Киевской Руси, не раз пытались захватить его. Орды грозного Батыя сломили все же этот сильный заслон. Город был разорен и запустел.

Ныне Вышгород обретает новую, индустриальную славу: на пятой по счету электростанции днепровского каскада идет укладка «большого бетона».

Гидростанция, которую возводит управление «Кременчуггэсстрой», будет не совсем обычной. Сборный железобетон, этот прочнейший искусственный камень, широко применяется на стройке. Немало хлопот причиняет обычно строительство машинного зала. Тут его нет. Двадцать два агрегата с генераторами в металлических защитных колпаках будут работать под основанием ГЭС, в низвергающемся потоке.

Неподалеку от ГЭС расположится гидроаккумулирующая электростанция с четырьмя агрегатами. Во время малых нагрузок энергетической системы водохранилище на днепровской круче примет по трубопроводам скопившиеся воды. В часы «пик» они под большим напором хлынут обратно к ГЭС, по пути вырабатывая электроэнергию.

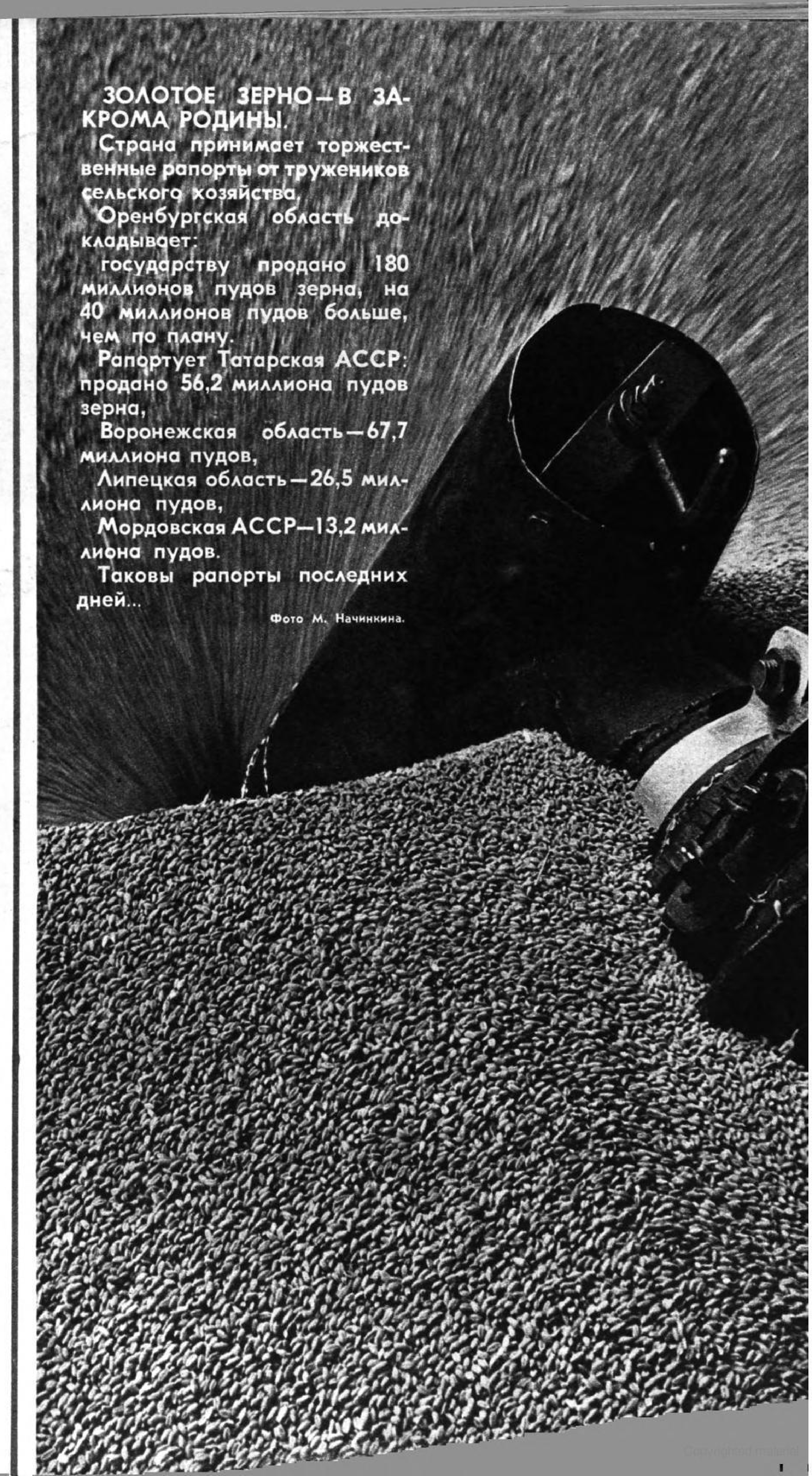
Но это будущее, хотя и близкое. Ныне возводятся шлюзы и основание ГЭС. Намыты и бетонируются защитные перемычки основных гидросооружений, проложены железнодорожная линия и бетонированная автомобильная дорога. Завершены основные работы по сооружению опорной линии электропередачи, которая протянулась на левый берег Днепра.

О поселке ударной комсомольской стройки можно пока сказать: заложен, растет. Черты городского пейзажа уже видны. Поселок создается, как говорится, с загадом. Водохранилище ГЭС — Киевское море — обозначено пока лишь в проекте, но в районе малого волнолома уже облюбовано место для яхт-клуба. Большая котловина приглянулась легкоатлетам, волейболистам, футболистам. «Быть тут стадиону»,— порешили они. Молодые специалисты из Академии строительства и архитектуры Украинской ССР составили проект спортивного сооружения. Осуществить его взялись молодые строители, жизнерадостный, трудолюбивый народ.

Стройка, как говорится, идет ходко, она у всех на виду. Приметил ее и приезжавший как-то в Вышгород ревизор Стройбанка. «Что еще за стадион? — вопросил он.— Нет такого объекта в титульном списке. Кто разрешил?» Ответ был таков: «Разрешило комсомольское собрание. Работаем бесплатно, в свободное время».

А ведь и жить-то здесь новоселам лишь несколько лет. Потом снимутся они с места и перекочуют на новую стройку. Казалось бы, ну какой смысл заботиться о тех неведомых людях, которые придут в эти места после тебя? Но тут действует правило, почерпнутое из морального кодекса строителей коммунизма: «Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат». Сила этого товарищества и преображает ныне древний Вышгород.

Ан. ВЕТРОВ

ЗОЛОТОЕ ЗЕРНО — В ЗАКРОМА РОДИНЫ.

Страна принимает торжественные рапорты от тружеников сельского хозяйства.

Оренбургская область докладывает:

государству продано 180 миллионов пудов зерна, на 40 миллионов пудов больше, чем по плану.

Рапортует Татарская АССР: продано 56,2 миллиона пудов зерна,

Воронежская область — 67,7 миллиона пудов,

Липецкая область — 26,5 миллиона пудов,

Мордовская АССР — 13,2 миллиона пудов.

Таковы рапорты последних дней...

Фото М. Начинкина.

КОММУНИЗМ СТРОИТСЯ ТРУДОМ МИЛЛИОНОВ

Фото специального корреспондента «Огонька» М. САВИНА.

Митинг трудящихся в Алмалыке.

Щедрая осень пришла на землю Таджикистана. По всей республике дехкане собирают богатые дары земли. В эти радостные дни в гости к трудящимся Таджикистана приехал Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.

В Душанбе Никита Сергеевич осмотрел выставку, на которой представлены промышленные изделия, образцы полезных ископаемых, продукция сельского хозяйства Таджикистана.

И в Душанбе и в солнечной Гиссарской долине Никита Сергеевич Хрущев встретился с людьми, которые своим трудом создают славу своей республики, с людьми, строящими коммунизм.

Из Душанбе Н. С. Хрущев самолетом вылетел в Ташкент. В первый же день пребывания в столице Узбекистана Н. С. Хрущев вместе с руководителями хлопкосеющих республик посетил Всесоюзный научно-исследовательский институт хлопководства и выставку экспонатов сельскохозяйственных культур.

Очень тепло встретили главу Советского правительства покорители Голодной степи — труженики сельского хозяйства, строители.

Так же сердечно и радостно принимали Н. С. Хрущева и в юном городе Алмалыке, центре цветной металлургии Узбекистана, и на Ташкентском машиностроительном заводе. Выступая на митинге, посвященном вводу в строй первой очереди меднообогатительной фабрики в Алмалыке, мастер М. Махмудов сказал:

— Мы безгранично рады, что вы, Никита Сергеевич, посетили нас в этот торжественный день. Мы хорошо помним ваши слова, что коммунизм можно построить трудом, трудом и только трудом миллионов.

В Ташкенте Никита Сергеевич Хрущев принял участие в совещании руководителей хлопкосеющих республик, организаторов и передовиков сельскохозяйственного производства и в собрании партийного актива Узбекистана.

Самолет прилетел в Ташкент...

Щедрые дары узбекской земли представлены на сельскохозяйственной выставке в Ташкенте.

НАБАТ МИРА

Герой этого фильма — Человечество.

Нет сегодня такого уголка на земном шаре, где не поднимались бы на благородную борьбу за мир люди доброй воли. Дальними дорогами, пройденными участниками походов за мир, митингами и демонстрациями, взволнованными словами плакатов и жаром сердец миллионы и миллионы людей говорят «Нет!» — войне, «Да!» — миру.

О незабываемых днях, когда в Москве, во Дворце съездов, проходила великая ассамблея миролюбивого человечества, Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир, рассказывает выпущенная Центральной студией документальных фильмов кинокартина «Набат мира» (авторы сценария — Алексей Сурков, Илья Копалин. Режиссер — Илья Копалин. Композитор — Арам Хачатурян).

На экране — страшные кадры военных лет. Руины, смерть, горе... Неужели возможно повторение всего, что было?! Мы видим тех, кто вновь хотел бы ввергнуть нашу планету во всемирную бойню. Генералы НАТО, недобитые гитлеровцы. Они готовы бросить на чашу весов судьбы человечества, лишь бы добиться своих целей.

Чтобы не начался военный пожар, чтобы мир не стал жертвой ядерной катастрофы, собрались в Москву посланцы более ста государств. Здесь разные люди. Фильм знакомит нас с выдающимися борцами за мир, чьи имена с благодарностью повторяют всюду, и с рядовыми великой армии мира. Разные профессии, разные политические взгляды. И одна общая забота — не допустить войны.

...Гнев и горечь на лицах людей. Только что стало известно, что Соединенные Штаты взорвали ядерную бомбу на большой высоте над островом Джонстон. Слова просит руководитель американской делегации. «Мы считаем священной обязанностью осудить эту акцию нашего правительства»,— заявляет он.

Накануне конгресса Международный подготовительный комитет обратился к главам правительств с просьбой изложить свои взгляды на проблему разоружения. Президент Кеннеди не ответил на посланное ему письмо. Высотный ядерный взрыв — вот он, ответ американских правящих кругов!

И каждый, кто находился в зале заседаний конгресса, каждый, кто следил за его работой по сообщениям газет и радио, не мог не противопоставить провокационной американской политике игры с огнем ясный и твердый курс Советского правительства, неустанно отстаивающего дело мира. Мы слышим выступление на конгрессе Никиты Сергеевича Хрущева, видим, с каким воодушевлением, с какой огромной симпатией встречают его слова делегаты из разных стран...

Фильм «Набат мира» — волнующий кинодокумент, который войдет в летопись истории наших дней. Великих дней, когда в суровых битвах против сил войны выковывается Солидарность Человечества.

Г. ГРИГОРЬЕВ

Кадры из фильма.

ЗАЧИНАТЕЛЬ КИРГИЗСКОГО РОМАНА

Исполнилось 50 лет со дня рождения известного киргизского писателя Тугельбая Сыдыкбекова, которого справедливо называют зачинателем современной киргизской прозы. Его двухтомный роман, написанный в 30-х годах, «Кен-Су» («Широкая река») был благодарно встречен и достойно оценен киргизским читателем, увидевшим в нем яркую панораму кипучей народной жизни. Большим успехом пользовались также романы Т. Сыдыкбекова «Темир», «Люди наших дней» и «Дети гор».

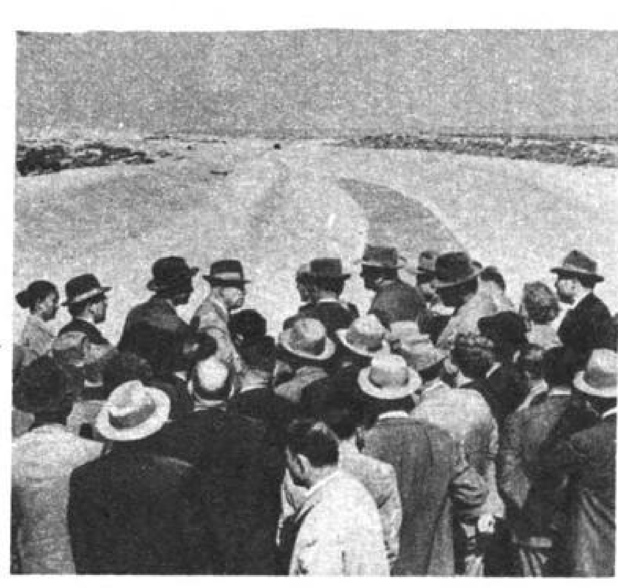
Свой юбилей Т. Сыдыкбеков встретил в полном расцвете творческих сил. Совсем недавно он закончил первую книгу романа «Женщины», охватывающего полувековой период истории киргизского народа.

Н. С. Хрущев беседует с Героем Социалистического Труда, бригадиром колхоза имени Кирова Турсуной Ахуновой

На Южно-Голодностепском канале.

Алмалык. Герой Социалистического Труда, флотатор медноообогатительной фабрики Н. Е. Воспитанникова вручила Н. С. Хрущеву шкатулку с минералами, которые перерабатывают на фабрике.

«ЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ» ПРОТИВ ДЕМОКРАТИИ

Франция бурлит. Правительство Жоржа Помпиду пало под ударом Национального собрания. И само Национальное собрание распущено под ответным ударом президента де Голля. На 28 октября назначен референдум по реформе конституции, а затем будут предложены новые парламентские выборы. События развернулись с калейдоскопической быстротой. Газеты выходят с громадными заголовками: «Невиданный политический кризис», «Де Голль хочет поставить парламент на колени». Руководящие органы всех партий заседают почти непрерывно. Накал политических страстей растет буквально с каждым днем...

«Никогда еще с момента установления Пятой республики,— констатирует влиятельная парижская газета «Монд»,— наша страна не переживала такого острого и открытого столкновения де Голля с общественным мнением, как сейчас, когда идет борьба вокруг вопроса о реформе конституции».

Что вызвало такой резкий протест французской общественности? В чем антидемократический, антиконституционный характер замышляемой де Голлем реформы основного закона Франции? Мы попросили ответить на этот вопрос известного французского специалиста в области права Шарля Ледермана.

— По действующей конституции,— сказал Шарль Ледерман,— президент избирается так называемой «избирательной коллегией». Туда входят члены обеих палат парламента, члены генеральных советов, представители муниципальных советов — всего в выборах участвует около 80 тысяч человек. Де Голль же хочет, чтобы президент избирался всеобщим голосованием, то есть примерно 27—28 миллионами французов. Внешне — но только внешне — это выглядит даже «демократично»: президент получает власть от народа. Однако совершенно правы те, кто сейчас заявляет, что генерал де Голль или его преемник, получив такую большую власть, мог бы пользоваться ею фактически бесконтрольно, творить произвол и при этом всегда ссылаться на то, что-де «народ его поставил у власти».

Но это лишь одна сторона дела. Тот способ, которым генерал де Голль намеревается осуществить конституционную реформу, противоречит нынешней конституции. Речь идет о референдуме 28 октября. Ведь в 89-й статье конституции четко сказано, что до референдума проект пересмотра конституции должен быть одобрен парламентом. Де Голль же ставит свой проект конституционной реформы на референдум через голову парламента. Если уже сейчас президент республики действует, игнорируя парламент, то можно себе представить, как он будет вести себя, получив «освященные народом» широчайшие полномочия...

Ну, а как откликается на этот животрепещущий вопрос рядовой француз?

Французский народ не равнодушен. Всюду, где только собирается несколько человек — дома ли, на работе, на улице,— только и слышны разговоры о том, что переживает сейчас страна. Разговоры о дамокловом мече, нависшем над республикой, над демократией. Заявление, которое сделала Французская коммунистическая партия, резко осудившая и референдум и деголлевский замысел изменения конституции, отражает мнение миллионов французских трудящихся.

Перед лицом серьезной угрозы сплачиваются те, кого сравнительно недавно не так-то просто можно было видеть шагающими в одной шеренге. Речь идет об объединении всех республиканских сил страны.

Недавно 1 500 рабочих, занятых на стройках города Гавра, забастовали и вышли на уличную демонстрацию, протестуя против замыслов де Голля. А среди этих 1 500 трудящихся, подчеркивает печать, есть коммунисты и социалисты, католики и атеисты, люди, входящие в различные профсоюзы.

Организация социалистической партии в департаменте Ардены ответила на призыв Коммунистической и Объединенной социалистической партий выступить вместе, плечом к плечу против угрозы, нависшей над демократией.

И таких примеров можно приводить много. С каждым днем они становятся все более характерными для политического положения в сегодняшней Франции.

Г. ДРАГУНОВ

Париж (по телефону).

ЕЩЕ ОДНО УТРО

Борис **ИВАНОВ**

Утром сквозь тонкую дымку тумана пробилось солнце. Москва окрасилась в мягкий розовый цвет. Воздух был легким и теплым, а дома города — каменные громады, будто парили над землей. И казалось, все окрест оделось в праздничное платье — яркое и нарядное.

Вы видели это фантастическое утро? Оно вот уже вторую неделю встает над Москвой — октябрьское утро 1962 года.

И было другое октябрьское утро — утро 1961 года. Оно стало как бы еще одной вехой в истории советского народа. Тогда в новом Кремлевском дворце — простом, ясном и величественном, как и вся наша жизнь,— открылся XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, положивший начало огромному этапу в строительстве нашей страны — созданию материальной базы коммунизма. Лучшие представители народа, посланцы героической партии Ленина, пробившей в октябре 1917 года дорогу к светлому будущему, приняли свою третью Программу, справедливо названную Коммунистическим манифестом современной эпохи.

История не тихая река без порогов и перекатов. Советский народ прошел не легкий путь от октября 1917-го до октября 1961-го. Пот смешался с кровью. Счастье побед и горечь утрат. Все было на этом пути — и радость и слезы. Мы не только строили города, заводы, поднимали к солнцу целинные степи, перековывали разум и сердца людей. Мы воевали: стреляли из пушек, высаживали десанты, бомбили вражеские части и взламывали его оборону. Сокрушив врага, принялись вновь строить. Молот и граната, граната и молот были верными спутниками советского народа на протяжении сорока четырех лет его свободной, героической жизни.

И вот минул еще год. Наступило октябрьское утро 1962 года.

Годы не близнецы, хотя любой отрезок времени в 365 дней мы называем одинаково — годом. Каждый прожитый нами год имеет свой облик, свой характер, но одно неутомимое сердце борца и созидателя. Неповторим и 1962-й — первый год после XXII съезда. Вдохновленные программой строительства коммунизма, программой, как сказал Никита Сергеевич Хрущев, нашей жизни и надежд, труда и борьбы за светлое будущее, все советские люди с еще большей энергией и подъемом взялись за дело, чтобы скорее приблизить Великий Час.

Чтобы еще вернее идти вперед, нужно иногда оглянуться назад. Сделаем это и мы. Остановимся, бросим взгляд на пройденное. Даже в большой книге не расскажешь обо всем том, что построили, вырастили, изобрели рабочие, колхозники, ученые — люди смелой мысли, высокого трудового замаха — лишь за один год!

Вновь героями мира стали два советских человека — Андриян Николаев и Павел Попович. Теперь уже не нужно писать, кто они и что совершили. Об этом знает, как говорится, всяк сущий на земле язык. Но чтобы к двум первым космическим полетам прибавить еще два, невиданных по своей продолжительности и научным открытиям, нужно было как следует приготовить стартовую площадку. А стартовая площадка — это не только уникальная техника, электроника, исполинской силы горючее. Стартовая площадка — это и тонны металла, и ливень электроэнергии, и полные закрома хлеба, и свобода мысли и действия.

Материальная мощь Советского государства в 1962 году снова возросла. Духовное богатство советского народа стало шире.

Не так давно журнал «Огонек» рассказывал о Сибири нынешнего года. В одном небольшом репортаже приводились такие цифры:

Сибирь за один час производит 600 тонн стали;
14 тысяч тонн угля;
5 миллионов киловатт-часов электроэнергии;
21 тысячу квадратных метров хлопчатобумажной ткани;
строит 15 квартир.

Заметьте: это только за **один** час и **одна** Сибирь. А помножьте-ка все это на 8 760 часов да прикиньте к полученному результату экономические показатели остальной части Советского Союза, которые значительно больше, и вы как бы воочию увидите наши шаги саженьи.

Вот все это и позволило советским людям так успешно прокладывать дороги к звездам — к звездам, чтобы лучше было на Земле.

Минул год. Первый после XXII съезда. Каждый советский человек может сказать: мы прожили его в труде, в большой радости, ибо каждый наш трудовой день — эта минута на циферблате двадцатилетней стройки — не пропал даром, приблизил нас к заветной цели.

Не потому ли такое светлое, такое сказочное встает октябрьское утро над Москвой!

РЕШИЛИ — ДЕЛАЕМ

УНИКАЛЬН

О. КУПРИН, К. ЧЕРЕВКОВ

Ленинград. Дворцовая площадь. От арки Главного штаба к Зимнему дворцу медленно идет седой старик, окруженный группой мальчишек. Всего несколько сот шагов, а воспоминаний — целая жизнь. Здесь человечество стартовало в другую эпоху — коммунизм.

Мы идем следом за стариком и мальчишками и слышим их разговор. Они говорят о прошлом. О том времени, когда старику было столько же лет, сколько сейчас мальчишкам.

Старик и мальчишки — с одного завода. Только он пришел на него в 1915-м, а они — в 1962-м.

— Был у нас в семнадцатом отряд по охране завода,— рассказывает старик.— Молокососом считали меня, однако взяли... Приходит однажды какой-то товарищ и говорит: «Приезжает Владимир Ильич Ленин. Встречать кто пойдет?» И смотрит на меня, потому что я был самый молодой из всех. А я только головой киваю, а сказать ничего не могу: волнуюсь очень.

— И вы видели Ленина?

— Видел. Недалеко от броневика стоял. И речь его слышал: «Да здравствует социалистическая революция!»

— И Зимний вы брали?

— Нет, не брал. А вот Коротков из вашего цеха — тот брал. Тут, по этой площади, бежал с пулеметом. Я молод был. Наши с завода на машине уезжали, меня прогнали. Я бегом за ними. Отстал, конечно. Помню, у Литейного, кажется, выстрел услышал. Не догадывался я тогда, что это был за выстрел.

— «Аврора», да? — перебил один из мальчишек.

— Да, она самая.

Они шагали дальше к Зимнему. Мы видели, как ребята с завистью смотрели на старика, начавшего свою трудовую жизнь в такое историческое время. И зависть эту нетрудно было понять: столько великих событий видел этот человек за один только год! А что сейчас? Будни?..

— Партийное собрание объявляю открытым. На повестке дня...

Эти слова мы слышали дважды, потому что были на двух партийных собраниях на Ленинградском металлическом заводе имени XXII съезда КПСС, в двух цехах: гидротурбинном и паротурбинном. Повестка дня одинаковая: что сделано за год, прошедший после исторического съезда партии.

Речь шла о цеховых делах, о новом оборудовании и партийной учебе, о громадных турбинах и

ЫЕ БУДНИ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

новой раздевалке для рабочих. Речь шла о вещах очень будничных. Но до чего же грандиозны и увлекательны эти будничные дела! Как грандиозен и как масштабен год турбостроителей!

В красном уголке собираются коммунисты. Пришли гости из других цехов, с других заводов. Все как обычно: сцена, трибуна, стол, покрытый красной скатертью... Нет, не все обычно. На специальных стендах — чертежи новых турбин, большая белая карта нашей страны, а на ней хитросплетения различных линий, стрелок, кружков. На этой карте энергетическое настоящее и будущее нашей Родины. И чуть ли не к каждому кружку люди, сидящие в зале, имеют самое прямое отношение. Кружки — это электростанции, те, которые уже есть, и те, которые будут. Турбины для многих из них сделаны или делаются здесь, на Металлическом заводе имени XXII съезда КПСС.

Говорят о цеховых проблемах. Цех гремит за стенкой красного уголка. Рядом. А докладчик — начальник гидротурбинного цеха Николай Иванович Кондрашин — говорит о Братске и Бухтарме, Волге и Енисее, об электростанциях Индии и Польши. Там хорошо знают этот цех и людей, что сидят рядом с нами на партийном собрании.

За окном красного уголка назойливый дождь. В Индии, наверное, жара. Сибиряки, должно быть, готовят валенки к зиме. И везде ждут ленинградские турбины. Поэтому цеховое партийное собрание — предметный урок географии.

Цеховая география с каждым годом расширяется. В цеховой арифметике тоже большие изменения. За время, прошедшее после XXII съезда партии, цех выпустил почти в два раза больше турбин, чем за такой же период времени два года назад. А по мощности—в два с половиной раза больше. Начальник паротурбинного цеха Григорий Семенович Вольфовский сделал другие расчеты. Оказалось, что паротурбинный цех за полгода выпустил турбины, общая мощность которых равнялась той, которую предусматривал план ГОЭЛРО, рассчитанный, как известно, на 10—15 лет.

— Ваш цех существует с 1924 года, а машин он выпустил больше иных зарубежных фирм, справивших полувековой юбилей,— говорил на собрании гидротурбинщиков начальник конструкторского бюро Лев Николаевич Петров.— А сейчас...

Мы были в конструкторском бюро водяных турбин. Зал напоминает строительную площадку с десятками башенных кранов. Это чертежные агрегаты вздели к потолку свои железные стрелы. На белых листах ватмана рождается уникальная турбина мощностью в 500 тысяч киловатт. Она одна равна по мощности почти восьми Волховским ГЭС. Будет установлена на Красноярской гидроэлектростанции.

А пока энергетическая рекордсменка прописана здесь, в конструкторском бюро. Несколькими этажами ниже конструкторы уже проверяют ее будущее здоровье и выдержку. Макет турбины, сделанный из органического стекла, опутан сетью проводков, как тело космонавта на тренировке. Будущая красноярская новоселка испытывается на прочность.

А ленинградцы на партийном собрании волнуются: как поедет ее величество турбина домой, в Красноярск? Каждая из ее куйбышевских сестер требовала себе по 60 железнодорожных вагонов. Для красноярской этого мало. Для нее построят на Неве специальный пирс, погрузят на специальное судно, и поплывет она следом за ледоколом Северным морским путем прямо к плотине электростанции.

С первой водяной турбиной, выпущенной цехом, дело было куда как проще: она уехала с завода на трех подводах.

«Уникальный», «гигантский», «...единственный в мире» — эти слова как будто бы несовместимы со словом «будни». А здесь они стояли рядом и говорили об одном и том же. Быть может, потому, что речь шла о гигантских и уникальных буднях.

Когда на трибуне появился токарь гидротурбинного цеха Василий Яковлевич Гавриш, уже по одному его виду можно было понять, что сейчас грянет бой. И он грянул.

— Наш крупномеханический участок мог работать лучше. Это точно. А почему мало было этого «лучше»? А? — И обрушился на руководителей завода, цеха и даже на кладовщика, у которого нет каких-то очень нужных валиков.

Мы смотрели на токаря, вошед-

шего в критический азарт, и как-то не верили, что этот человек умеет улыбаться, но в конце своей речи он улыбнулся и доложил по-военному, потому что не так давно был офицером:

— Но будьте уверены, первый механический участок и впредь готов выполнить любые задания партии!

Участок, на котором работает В. Я. Гавриш, обрабатывает исполинские детали гидротурбин, и мостовые краны уносят эти детали дальше, на другие участки, минуя ОТК. Многим рабочим на крупномеханическом доверены личные клейма. Рабочие несут личную ответственность за энергетическую мощь своей страны. Потому так часто упоминалось имя украинской колхозницы Надежды Григорьевны Заглады. Всякий труд почетен, всякий труд ответствен, потому что из малого складывается великое: из деталей — турбины, из турбин — энергетическая мощь страны, историческое «плюс электрификация», без которого немыслим коммунизм.

Поэтому так много говорилось на собраниях о рабочей чести и рабочей гордости. Главный конструктор бюро паровых и газовых турбин Василий Константинович Наумов тоже говорил об этом:

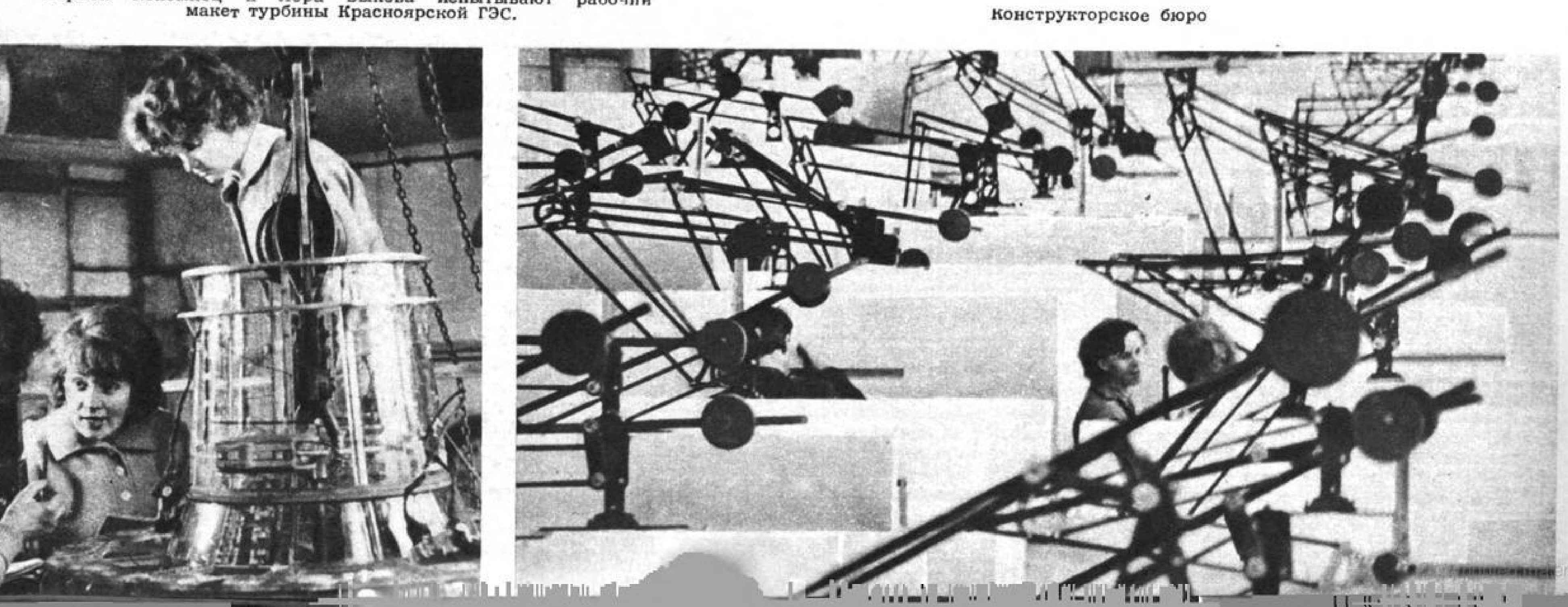
— Мы можем гордиться машинами, которые выпускаем. Но не забывайте: чем больше их мощность, тем ощутимее каждый самый маленький дефект. Мы сейчас работаем над турбиной в 800 тысяч киловатт. Представьте, что значит остановить ее дней на десять. Это значит пустить на ветер средства, на которые можно было бы содержать тысячи таких конструкторских бюро, как наше, в течение месяца. Я говорю о тех потерях, к которым привел бы простой турбины за эти десять дней. Так что рядом с гордостью должна шагать ответственность. А машины наши первоклассные.

Одну любопытную историю рассказал нам начальник цеха Г. С. Вольфовский. Выпустил цех паровую турбину мощностью 200 тысяч киловатт. Примерно такую же сделала одна знаменитая французская фирма. Документацию отправили на Выставку достижений народного хозяйства. Там сравнили экономичность двух турбин и остались недовольны. Ну как же: французы гарантируют расход тепла на один киловатт-час 1 950 килокалорий, а ленинградцы — целых 2 тысячи. Но в работе фран-

Слово взял старший мастер Г. И. Иванов.

Трое из конструкторского. Все студентки. Студентки — вечером, а сейчас — инженер Кира Федорова и старшие техники Лариса Коломиец и Лора Быкова испытывают рабочий макет турбины Красноярской ГЭС.

Конструкторское бюро

цузская турбина оказалась чуточку менее экономичной, зато ленинградская внесла солидную поправку — 1 925 килокалорий на киловатт-час.

Партгрупорг 2-го механического участка, бригадир токарей Виктор Горбунов говорил о своих друзьях. Говорил очень скупо. О том, что есть на участке школа обмена опытом коммунистического труда. О том, что 32 человека на участке учатся в различных учебных заведениях. Однажды во время обеденного перерыва мы встретили Виктора Горбунова в конструкторском бюро. Он пришел на консультацию. Бригада конструкторов Галины Хорьковой взяла шефство над студентами участка.

Тысячи событий произошли в цехе за год, большие и маленькие, известные всей стране и такие, о которых знают очень немногие. Но эти маленькие тоже очень важные. Ведь не каждый день из цеха выходят турбины с «мировым именем», но каждый день — труд, на первый взгляд очень обычный, и масса всяческих дел. Что это за дела?

На собрании несколько раз называли бригаду коммунистического труда имени XXII съезда партии. Какие большие и маленькие дела произошли за год в этой бригаде?

Всех не перечислишь. Вот некоторые. Накануне XXII съезда партии бригадир Иван Романов и два его товарища приняты кандидатами в члены КПСС. Бригаде присвоено звание коммунистической. Рабочие — частые гости в подшефном классе 148-й школы. Экскурсия на Волжскую ГЭС имени Ленина. Начали соревноваться с волжанами — с бригадой Виктора Лазаренко. Женя Шель опоздал на 4 минуты, ребята сильно возмущались. Ходили на субботник в соседний цех. У Юры Хромова родился сын. Приезжала в гости бригада Виктора Лазаренко. Делали детали турбин для Братска. Взяли повышенное обязательство в честь годовщины XXII съезда КПСС. Первое занятие школы обмена опытом коммунистического труда. У Ивана Романова кончился кандидатский стаж, подал заявление о приеме в члены КПСС...

Вот так, в больших и малых заботах, прошел год. Рядовой год исторической двадцатилетки.

— Год был хороший,— говорит старший мастер гидротурбинного цеха Григорий Иванович Иванов.— Для цеха нашего хороший. Для всех. Был я на Ново-Краматорском заводе. Они наши заказы выполняют. Привет им передал и спасибо наше, рабочее. Не подведут они нас. А мы строителей электростанций не подведем, а от тех вся страна зависит. Они тоже в долгу не останутся. Смотрите, сколько турбинок-то наших крутится на земле! Теплее, светлее становится от них. И еще важная на нас с вами обязанность лежит: мозги человеческие тоже реконструировать надо. В цехе у нас сто тридцать человек — дружинники. Это, я вам скажу,—великое дело. Совесть рабочую надо в людях пробуждать, если у кого заснула она. Тут умение тоже нужно. И не обязательно забирать и штрафовать, а еще и с чувством за ушко подергать. Дел у нас много. Надо засучить рукава и бороться за звание цеха коммунистического труда.

...Идет партийное собрание. Сменяются на трибуне один за другим ораторы. Коротко говорят об успехах, долго и подробно — о недостатках. И буквально в двух словах о планах: решили — делаем. Партия дала наказ — турбостроители не подведут.

В красный уголок доносится дыхание цеха. Там работает вечерняя смена. Крутятся громадные карусельные станки. Мостовые краны таскают исполинские короны статоров. На испытательном стенде стоит турбина. Не уникальная. Самая что ни на есть серийная — 50 тысяч киловатт. Рядом шкала регулирования режима — маленький домик с окнами в несколько этажей. Все окна темные, светится только одно. Из него выглядывают два слова: «Так держать!»

* * *

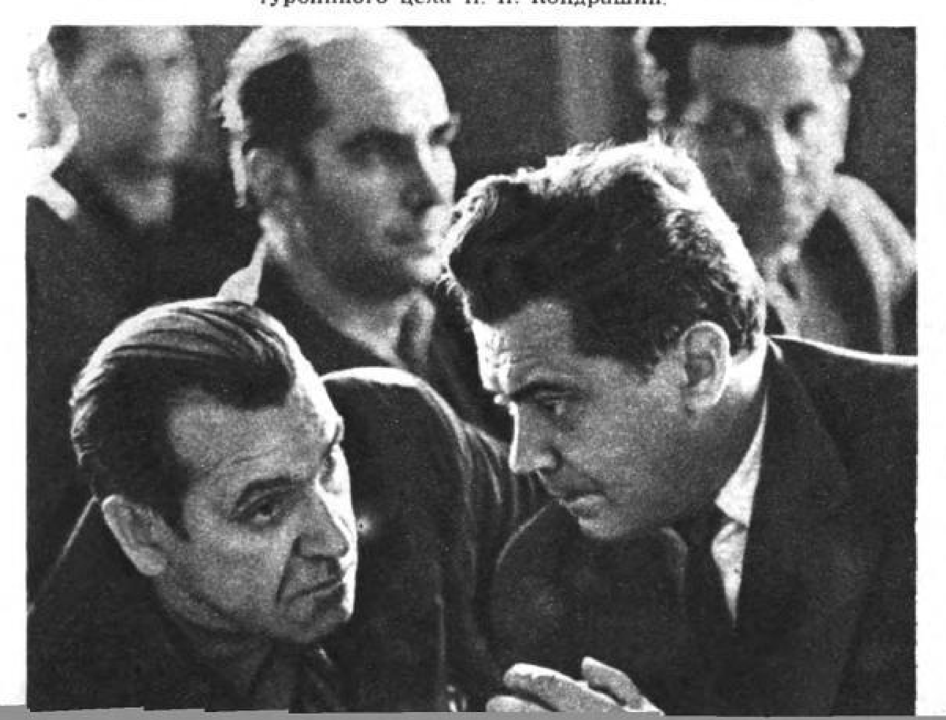
Нам опять вспоминается Дворцовая площадь, седой старик Семен Николаевич Чистяков, окруженный мальчишками. Он ветеран Металлического завода имени XXII съезда КПСС, они — самая молодая бригада. Бригадиру Владимиру Сынкову 16 лет, а самому старшему — 17. Мальчишки завидуют старику, слышавшему залп «Авроры», а старик — мальчишкам, которым выпадет счастье жить и работать при коммунизме.

И старик и мальчишки начали свою трудовую жизнь в историческое время, хотя разделяют их четыре с половиной десятилетия — время уникальных будней.

Перед собранием.

Беседа в «кулуарах». Главный инженер завода Герой Социалистического Труда П. С. Чернышев (справа) и начальник гидротурбинного цеха Н. И. Кондрашин.

Ротор турбины требует ювелирной работы. Турбинные ювелиры Михаил Купцов и Александр Серго.

«ТАЛАНТ ЯРКИЙ, ЗДОРОВЫЙ»

Эти слова Горького приводит А. Волков в своей книге о Куприне. Они написаны в 1925 году и очень точно характеризуют природу творчества А. И. Куприна, одного из лучших русских писателей-реалистов конца прошлого столетия и первых десятилетий нашего века.

Читая книгу А. Волкова — большую исследовательскую монографию, обстоятельно освещающую наследие писателя,— шаг за шагом убеждаешься в том, как прав был Горький в своей оценке.

Работа А. Волкова — труд в высшей степени серьезный, творчески самостоятельный, подлинное исследование. Опираясь на многочисленные источники (в том числе и новонайденные архивные), с полной основательностью «отстраняя» некоторые неверные суждения, установившиеся в литературе о Куприне, А. Волков внимательно следит за этапами большого пути писателя, рисует его творческий портрет.

Куприн — один из любимых наших писателей. Он классик русского реализма, его произведения увлекают огромной любовью к людям, к Родине, глубоким демократизмом и гуманизмом. Читателю интересно узнать обстоятельства жизни Куприна, познакомиться с его творческой биографией, с анализом его произведений. Этим читательским запросам вполне отвечает книга А. Волкова. В ней мы видим Куприна в борьбе с самодержавной реакцией, среди писателей-друзей, литераторов горьковского, «знаньевского» круга, в работе над такими произведениями, как повести «Молох», «Олеся», «Поединок», «Суламифь».

В книге А. Волкова чувствуется большой исследовательский опыт автора, отличного знатока изучаемой эпохи, написавшего до своей монографии о Куприне несколько солидных книг: о Горьком и литературном движении предреволюционной поры, о Серафимовиче, о русской литературе конца XIX и начала XX века. Серьезная научная подготовка помогла А. Волкову ярко выписать литературный фон эпохи, верно оценить ряд спорных произведений писателя, тактично, с позиций строгого историзма, осветить колебания и срывы, имевшие место в идейном развитии Куприна. Не скрывая слабостей в таких произведениях Куприна, как «Яма», «Юнкера», «Жанета», А. Волков сумел осветить их отдельные сильные стороны.

Книга А. Волкова написана с хорошим знанием предмета и с большой любовью к Куприну, к его романам, повестям, рассказам. Она обогащает читателя интересными сведениями, ценными мыслями, учит его еще больше любить литературное наследие художника слова.

Ал. ДЫМШИЦ

А. Волков. Творчество А. И. Куприна. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1962. 432 стр.

ТВОРЧЕСТВО — ПЕСНЯ

Семену Афанасьевичу Чуйкову исполняется 60 лет. Его картины, большие и маленькие по размеру, поражают содержанием. Все средства художественной выразительности художник подчиняет замыслу, разработке большой гуманистической темы. В поисках жизненной правды и красоты он всегда обращается к народу.

Русский по рождению, Чуйков вырос в Киргизии, среди ее могучей природы, среди ее народа. Отец Чуйкова во время службы в царской армии попал в Киргизию да так и остался там, поступив писарем в военный лазарет. Нужда заставила мать работать прачкой в том же лазарете; воспитанием ребенка заниматься было некому. «Кто знает,—говорит сам художник,— может быть, чем беднее, неказистее быт, тем сильнее тяга к прекрасному и высокому? От нищенского, скудного и убогого окружения я стремился уйти куда-нибудь. Созерцание природы наполняло меня счастьем».

Мальчик любил ночевать в юртах кочевников, сидеть ночью у костра, слушая народные песни. Подолгу не засыпая потом, любовался он звездами, которые всегда можно было увидеть сквозь дыры в юрте. С детства запах старого войлока юрт, как и дым костра, притягивал его.

Выучившись грамоте, Чуйков стал читать буквально запоем. Особенно увлекала его романтика лермонтовских образов. Родные горы, их снеговые вершины, голубые просторы неба, пылающие закаты, киргизы, поющие о лучшей доле,— во всем этом чудилось ему «лермонтовское». Книги навсегда стали верными друзьями. Из них узнал он о профессии художника и начал самостоятельно учиться живописи.

Палитрой служил осколок. На маленьких, аккуратно нарезанных кусках старой клеенки запечатлевал юноша все, что видел вокруг, что становилось дорого его сердцу. Эти первые этюды художник бережно хранит. С пятнадцатилетнего возраста Чуйков начал зарабатывать на жизнь. Работал гримером в самодеятельном театральном коллективе. Путевка комсомола открыла ему двери в Ташкентскую художественную школу. Но, обладая хорошим голосом, Чуйков попытался поступить в Ташкентскую консерваторию и был принят. Занятия шли успешно, впереди соблазнительная перспектива — оперный театр. И все же любовь к живописи одержала верх. Чуйков поехал в Москву учиться этому, как он сам говорит, кровному искусству.

Его самобытный талант развивался в русле русской национальной художественной школы. Органически воспринял он также и гуманистические традиции зарубежного реалистического искусства. И все же своеобразие его произведений определила сама жизнь. Не эпизодические поездки или отдельные командировки питали его творческие поиски,— тесная, никогда не порывавшаяся связь с трудовой жизнью народа определяла его художественное развитие. На глазах Чуйкова поднялась новая, Советская Киргизия, которую художник воспел в своем широко известном произведении «Дочь Советской Киргизии». Он стал активным помощником в строительстве национальной культуры братского народа, зачинателем профессиональной станковой живописи Киргизии.

Творческая зрелость С. А. Чуйкова отмечена созданием многих произведений, составивших «Киргизскую колхозную сюиту». В них в полную меру раскрылось своеобразие его таланта — поэтичность, музыкальность образов, тонкое чувство колорита, стремление к четкой пластической форме. И главное — любовь к человеку и умение раскрыть в людях высокие стороны души. Чуткость к новым проявлениям духовной жизни народа помогла ему написать такие значительные по идейно-эмоциональному содержанию полотна, как «Песня», «Утро», «Полдень», «Вечер», «Юность» (названная потом «Дочь Советской Киргизии»). Центральное место в этих картинах занимает образ человека, овеянного романтикой свободного труда.

Создавая прекрасное в искусстве, художник лишь возвращает людям то значительное, доброе, что открыл в них.

Стремление к гармоническому развитию, к полноте физического и духовного бытия всегда было свойственно народу. Мечты свои он передавал в народных песнях.

Тема песни, выражающей думы и чаяния трудовых людей, проходит через все творчество Чуйкова. Эта тема получила живописную поэтическую разработку и в «Киргизской колхозной сюите» и в картинах, посвященных Индии.

В Индии природа и люди — эти два вечных источника живого поэтического чувства — вызвали у художника подъем творческих сил. Написанные здесь работы (как и ранние произведения Киргизской серии), связанные единством идейного замысла, решенные в общем эмоциональном ключе, составили «Индийскую сюиту». Чуйков в этих картинах выразил глубокое сочувствие народу Индии, пережившему тяжкую пору угнетения, и запечатлел красоту людей, поднявшихся на создание новых, справедливых норм жизни. Образы рождались в сутолоке улиц, у дверей жилищ и отсюда начинали силою творчества свое восхождение до высот художественного обобщения. Так был создан известный триптих «О простых людях Индии». Особенно долго работал художник над центральной частью — «Песней кули». В мастерской во время работы часто звучала «Ария» Баха. Слушая гениальную музыку, художник упорно добивался, чтобы в картине звучала величайшая правда — мечта людей о полноте жизни, о счастье.

Догорает вечерняя заря. В светло-бирюзовом небе зажглась уже первая звездочка. Она сияет подобно мечте, затаившейся в глубине человеческого сердца. Кули весь отдался игре на тростниковой флейте. Звуки словно плывут над городом, простершимся далеко к горизонту. Лицо, голова, плечи, руки играющего могуче вылеплены цветом, освещены последними лучами солнца. Луч упал и на лицо его подруги, озаренное внутренним светом.

В правой части триптиха изображены женщины, встретившиеся солнечным утром у источника. Левая часть также отличается характерной для художника простотой сюжета: люди вышли отдохнуть и подышать воздухом в наступающей вечерней прохладе. Все эти обычные сцены жизни наполнены высоким чувством прекрасного, о котором и поет флейта кули.

И, как всегда, образы, созданные художником, перерастают национальные рамки, поднимаясь до общечеловеческих.

Недавно Чуйков написал картину «Черная мадонна». Это произведение — отклик художника на борьбу колониальных народов за свободу и независимость. Вновь раскрыто прекрасное в человеке и утверждается право на счастье всех людей на земле.

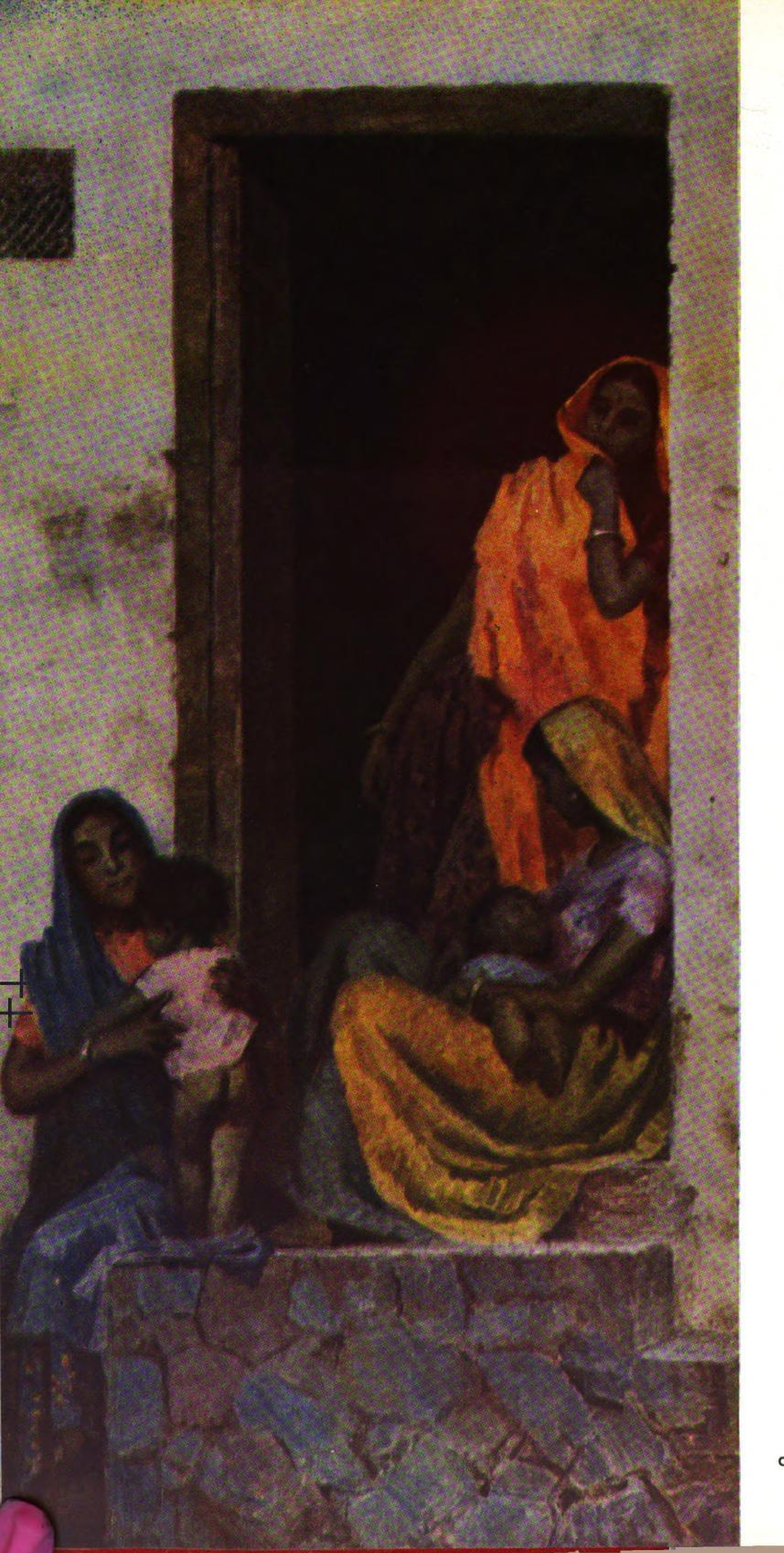
Художник работает самозабвенно, отдаваясь впечатлениям жизни, забывая себя, не щадя сил. И в этом секрет его поэтического искусства.

Е. ЖИТКОВА

УТРО НОВОЙ ЖИЗНИ.

Из серии «Старая и новая Киргизия», исполненной С. Чуйковым в соавторстве с Е. Малеиной.

С. Чуйков. ВЕЧЕРНЕЕ РАЗДУМЬЕ. 1957—1958.

«ОСМОТРЕЛ И ОДОБРИЛ...»

Перед вами фотография памятника в городе Кобленце (Западная Германия). В 1812 году, когда наполеоновская армия выступила в поход против России, рейнские княжества, как известно, примкнули к Наполеону. Переправившись через Рейн, завоеватели сочли, что с Россией уже покончено, и в 1812 году соорудили в Кобленце памятник, на котором написали: «Воздвигнут в честь похода против России».

Русская армия, преследуя наполеоновские войска, заняла рейнские провинции. Русский комендант города Кобленца, ознакомившись с памятником, приказал высечь на нем ироническую надпись на французском языке: «Осмотрел и одобрил. Русский комендант города Кобленца, 1 января 1814 года». Эти слова на монументе сохранились по сей день. Однако так и осталось неизвестным, кто был комендантом Кобленца. Может быть, историки подскажут его имя?

На старой Смоленской...

До наших дней сохранились боевые знамена Отечественной войны 1812 года, под которыми русские солдаты и офицеры героически сражались с наполеоновскими полчищами.

На многих знаменах — надписи о боевых подвигах. Лейб-гвардии Уланский полк по представлению генерал-фельдмаршала Кутузова был награжден георгиевским штандартом — высшей наградой полка. На штандарте сохранилась надпись: «За взятие под Красным неприятельского знамя. За отличие при поражении и изгнании неприятеля из России. 1812 год».

В сражении под Красным 5 ноября улан Датченко, «увидев в среди толпы неприятеля знамя, мужественно бросился и исторгнул оное, в ту же минуту лошадь под сим храбрым солдатом была убита». Этот подвиг и увековечен надписью на штандарте уланских гвардейцев. В сражении под Красным полк овладел неприятельской батареей. Корпус маршала Нея был истреблен. В руки победителей попало 12 тысяч военнопленных и 27 орудий. Уланский полк, принявший участие во всех крупных сражениях Отечественной войны, покрыл себя неувядаемой славой. Подвиги гвардейских улан в Отечественной войне были записаны на юбилейной ленте и скобе на древке, которые были даны штандарту полка в 1838 году.

Георгиевское знамя Фанагорийского полка.

В собрании Государственного Исторического музея есть георгиевское знамя знаменитого Фанагорийского полка, созданного Суворовым.

Особенно отличился полк в Бородинском сражении. Фанагорийцы в составе 2-й Гренадерской дивизии, которой командовал Багратион, занимали позицию около деревни Семеновской. Это была одна из самых важных позиций Бородинского сражения, куда Наполеон бросил свои основные силы.

В числе славных имен отличившихся в бою было названо имя портупей-прапорщика Арсения Звездова, который был тяжело ранен осколком гранаты, но, не показав ни малейшего замешательства, выстоял со знаменем в руках. Он понимал, что значит для его товарищей знамя на поле сражения.

Во время боев был ранен командир Фанагорийского полка, многие офицеры убиты, тяжело раненного Багратиона вынесли с поля боя. От Фанагорийского полка осталось лишь около 300 человек. После Бородина полк принимал участие в войне в составе одного батальона, при этом 3-я шеренга состояла из ополченцев. Фанагорийцы сражались под Тарутином, в Малоярославце, участвовали в преследовании неприятеля по старой Смоленской дороге, вместе с другими полками русской армии победоносно вступили в Париж.

В Историческом музее хранятся и трофейные знамена.

Наполеоновская армия потеряла на полях битв в России 75 знамен. Великая армия, вобравшая в себя военные силы многих европейских государств, разноплеменная и разноязыкая, вторглась в пределы России под самыми разными знаменами: французскими, вестфальскими, австрийскими, баварскими, неаполитанскими, саксонскими...

В музее есть французский штандарт 1-го Кирасирского полка, взятый в Тарутинском сражении. На штандарте длинная надпись. В ней перечисляются европейские города, в сражениях при которых отличился этот полк: Ульм, Аустерлиц, Иена, Эйлау, Ваграм... В России захватчики надеялись удлинить эту наградную запись. Но французские знамена стали достоянием наших музеев.

Т. СИДОРОВА

ПОПЛЯШИ ПОД НАШУ ДУДКУ!

К столетию Отечественной войны московский издатель С. Васильев выпустил серию из 50 открыток — репродукции карикатур русских и иностранных художников 1812—1814 годов. «Произведения их,— писал библиограф В. А. Верещагин о карикатурах Теребенева, Венецианова, Иванова,— знакомят нас с уровнем развития эпохи, ее страстями и заблуждениями, негодованием и горем и дают верное выражение современного общественного настроения — живую страницу этого незабвенного исторического времени, которое грозило перевернуть все судьбы русского народа».

В народной картинке «Попляши под нашу дудку» Наполеон с маршалом пляшут вприсядку. Один крестьянин подстегивает Наполеона кнутом, другой подгоняет маршала розгами. Танец пришелся не по душе Наполеону, и он признается:

Ах, скучно мне
На чужой стороне!

...В журнале «Сын Отечества» за 1812 год приведен отрывок из письма одного смоленского помещика к приятелю: «Пишут из армии, что несколько казаков, стоявших на часах при опушке леса, привязали на веревку барана, а сами притаились за кустарником. Откуда ни возьмись

французские гусары, бросили оружие и начали делить барана. В ту же минуту казаки выскочили из засады и забрали их в плен без всякого труда». Это происшествие легло в основу народной картинки «Французы голодные волки терзают барана».

Любопытна и работа И. Иванова «Хлебосольство отличная черта в характере народа русского». Ненавидя врага в бою, народ не питал злобы к пленным, проявлял свое благородство и великодушие.

Названия карикатур говорят о том, что художники брали самые характерные и острые эпизоды войны: «Французские гвардейцы под конвоем бабушки Спиридоновны» (А. Венецианов), «Смотр французским войскам на обратном их походе чрез Смоленск» (И. Теребенев), «Триумфальное прибытие в Париж Наполеона» (А. Венецианов)...

Народные картинки пользовались большой популярностью. Антинаполеоновские карикатуры А. Венецианова, И. Теребенева копировались за рубежом. Рисунок «Смотр французским войскам на обратном их походе чрез Смоленск» был перегравирован английским графиком Джорджем Крукшенком.

Э. ФАЙНШТЕЙН

СТРЕЛЯНЫЕ ГИЛЬЗЫ

Э. ДУБРОВСКИЙ

Рассказ

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

Мазарчук сидел на средней банке, мял в пальцах незажженную сигарету и смотрел прямо перед собой. Байда шла вдоль тростников. Мазарчуку не нравилось, как шла его байда. Вовка неуклюже работал шестом, байда дергалась и вертела носом. Шест то стукался о борт, то булькал водой далеко от лодки, и тогда Вовка быстро переступал ногами по дну байды и приседал, чтобы не упасть. Не нравилось Мазарчуку, как Вовка управляется с шестом. Разучился в городе. Не нравилась Мазарчуку и эта круглая белая сигарета, которой угостил его сын. То ли дело привычный «Прибой»! Хотелось курить, но сигарету раскуривать было противно. А свои закурить — сына обидишь.

Не нравилось все это Мазарчуку, и сама поездка не нравилась. Однако он молчал и не оборачивался.

Отчитать надо Вовку за то, что разучился гонять байду, оттаскать бы за уши за то, что курит всякую ерунду. Но поди попробуй оттаскай: вымахал парень выше отца, говорит басом и смотрит снисходительно, дескать, старички, что с вас возьмешь, живете тут в глуши! Да и не тот стал характер у Мазарчука. То ли возраст свое берет, то ли работа сказывается. Пятнадцать лет работает Мазарчук бухгалтером на рыбзаводе, почти с самой войны. Работа действительно к аккуратности приучает, к неторопливости, к осторожности, но и не в самой даже работе дело. Директор на рыбзаводе крутой. Ох, крутой мужик Истягин, непреклонный! Все чтоб по нему было. А кто против — в два счета рога обломает. Правда, и дело знает, план всегда в лучшем виде, премиальные не переводятся, да уж больно крут.

Верно, через Истягина и стал у Мазарчука характер меняться. Хорошая была жизнь, когда с Петро Нефедовым вместе работали! Ни перед кем не склонялись, все по самой большой правде делали. Как думали, так и жили.

Погиб в войну Петро Нефедов. А Мазарчук, хоть и раненый, но вернулся. Остался бы жив Петро, неизвестно, как бы у них жизнь пошла. Может, и не склонились бы они перед Истягиным.

Если бы да кабы... А факт тот, что изменился за эти годы Мазарчук. Сам видит, что изменился. Тихий стал, послушный. Вперед не лезет, свое мнение не высказывает. И теперь ему даже приятно, что Истягин с ним ласков да обходителен. И не то что приятно, а спокойней так.

Байда врезалась в тростниковую стенку, накренилась на борт.

— Шест скользкий!..— сказал Вовка.

— Ладно, ты садись, а я потолкаюсь. Устал я сидеть.

Мазарчук перешел на корму, а Вовка сел на банку. Вытер пот с лица и шеи, достал из лежащих на носу штанов расческу, стал причесываться. Неторопливо проводил расческой и сверху слегка приглаживал ладонью, наклоняя голову набок. Жарко ему. Небось, не рад, что такую гриву отрастил.

Мазарчук не спеша, но сильно отталкивался. Шест плавно скользил по борту, направляя байду вдоль тростника. Вовка сидел лицом к отцу, курил. Мазарчук смотрел на его загорелую безволосую грудь. Мускулов полно, а толку мало. Говорит, спортом занимается. На снарядах. А что с тех снарядов проку, если шестом разучился работать! И вообще не нравится ему, как сын живет. Уехал в город, в институт не попал и работает черт знает где — в фотографии! Так бы, казалось, ничего плохого: надо кому-то и фотографии делать. Но почему все же туда пошел Вовка? Почему не на завод, почему не на фабрику консервную?

В другое время, прежде, стукнул бы кулаком по столу да заставил бы взяться за ум. А сейчас не получается, разучился даже руку в кулак сжимать, не то что по столу стукать. Да и неизвестно, как сын к такому делу отнесется. Непонятный он какой-то, непривычный, и что у него за душой, не видать. Начнешь на него кричать, так он еще, чего доброго, сам по столу трахнет, да и укатит в город. И весь разговор.

Пробовал Мазарчук осторожно да полегоньку подходить, так тот только усмехается да насвистывает. «Ты,— говорит,— отец, сидишь тут у моря и жизни не видишь. Какой,— говорит,— разговор у нас может быть?..» Отец... Раньше батей называл.

Пришлось придумать эту поездку, чтоб на приволье порыбачить, а вечером у костра распить пол-литра и вызвать сына на разговор. В такой обстановке как-то сподручней.

Нет у Мазарчука особой надежды, что предстоящий разговор поможет делу, но нельзя не попытаться: последнее средство. Не поможет — неизвестно, что и делать.

Лежит на носу толстый пучок удилищ, а в корзине — завернутая матерью в холстину бутылка водки.

Вот положение — собственного сына обхаживать приходится! Все равно как инспектора из управления: и на заводе к нему, и дома, и с хитрецой, и напрямую, лишь бы узнать, с чем приехал да кто сигнал послал.

Ерик кончился, и байда вышла в лиман. Они шли уже больше трех часов, но Мазарчук и не думал останавливаться. Он решил рыбачить в Грековом гирле, что за Баштовым лиманом. Места там глухие, колхозные рыбаки туда не заглядывают, и любители попадают редко: лиманы густо заросли водорослями, и на моторе не пройдешь. Рыбалка там хорошая.

Солнце поднялось уже совсем высоко и жгло в полную силу. Вовка накинул на плечи рубашку и завязал рукава на шее.

— А что же, тут поближе-то нет рыбы, что ли?

Мазарчук усмехнулся:

— Это какая рыба смотря. Никак устал?

— Еще чего! Мне такая нагрузка — ерунда. Ты-то вот трудишься. Дай-ка шест!

— Посиди, сынок. Успеешь еще намахаться. А мне только приятно: давно не ходил на байде.

— Ничего себе удовольствие! В такси приятней.

— Ты вот говоришь, на снарядах любишь упражняться...

— Ну, так там польза: фигура в порядке, разряд можно получить. А тут!.. Не мешало бы тебе мотор заиметь. У всех есть, а ты, ей-богу, как негр, на жаре вкалываешь!

Мазарчук ввел байду в узкий ерик, не видимый с лимана. Справа и слева, шурша по бортам, потекли назад хрустящие тростники. Байду сразу словно обволокло звуками: стук шеста о лодку, журчание воды вдоль бортов стали громкими и гулкими.

Резко закричала невидимая камышовка. Что-то завозилось в зарослях. Низко пролетела ворона, оглушительно каркнула над лодкой и скрылась. Солнце не попадало в ерик, и байда шла в полумраке. В темной, прозрачной до дна воде черными стрелами метались окуни. Длинные водоросли мягко изгибались навстречу байде, замирали с ней рядом и быстро выгибались вслед, словно кланялись.

— Тут бы перегородить сеточкой,— сказал Вовка, свесившись за борт.— Полную лодку набрать можно.

— Водичка хороша,— сказал Мазарчук,— самая чистая из всех лиманов.

— Ей-богу, тут накомарник поставить — вся рыба накрылась бы!

— Запрещено это.

— Тю! На уху! Слышь, давай попробуем!

— Погоди. Вот в Грековом гирле — судаки! На-ка, помахай, я отдохну.

Баштовой лиман открылся сразу. Вовка навалился на шест, поворачивая, байда заскрипела по тростникам и вдруг выскользнула из тени на солнце. Под днищем захлопали мелкие волны, байда словно чмокала от удовольствия, покачиваясь на чистой воде.

Лиман был большой, длинный и загнутый — дальний конец его терялся за тростниковым мысом. Вода была густо-синяя с белыми мазками волн. Местами на ней, как проплешины, блестели гладкие озерки: водоросли там не давали волнам хода. От воды тянуло свежестью.

— Погоди,— сказал Вовка,— искупаюсь.

Он положил шест и прыгнул с кормы.

«Самому, что ль, искупаться?» — подумал Мазарчук, но остался в байде, вытащил пачку «Прибоя» и закурил, наконец.

— Эге-ге-гей! — закричал Вовка.— Давай сюда!

— Доплывешь,— тихо сказал Мазарчук.— Нашел дружка гоняться за тобой!..

— Оте-е-ец! — кричал Вовка.— Подгони байду! Не слышишь, что ли!

Мазарчук пригляделся: Вовка торчал на одном месте и вроде бы пытался что-то достать из воды. Когда байда подошла, Вовка захохотал и хлопнул рукой по воде:

— Порядочек! Уха будет! Сдались нам эти удочки!

И он потянул из воды кусок сети.

— Видал?

Мазарчук ухватился за сеть. Капроновая трехперстовка, новая...

— Хороша? — Вовка опять захохотал.

— Ладно, лезь в байду,— сказал Мазарчук.

— Зачем? С воды помогать буду. Мало ли — зацепится!

— Залазь, говорю.

Вовка перестал ухмыляться, влез в байду и посмотрел на отца.

— Ты чего?

Мазарчук не ответил, курил, глядя на воду.

— Даровая же рыбка...— сказал Вовка.

Мазарчук молчал.

— Нечего думать! Это же запретная сетка, так? Браконьерская. Никто ничего не скажет. Не было бы Вовки, пожалуй, и взял бы Мазарчук из этой сети пару сазанов. Больше-то зачем! Снимать сеть, везти в инспекцию не стал бы — канительное дело. И рискованно. Один все-таки. А так, может, оттащил бы в сторону, да и затопил.

Вовка тут. Вот сложность. Обобрать сеть невозможно. Хорош пример! Затопить? Зачем, скажет, пустое дело делать. Верно — пустое: хозяин все равно найдет, кошкой зацепит. Снять сеть, рыбу выпустить — значит, сразу вертаться домой, до инспектора. А поездка-то для чего? Чтоб с Вовкой поговорить как следует. Что же делать?

Мазарчук машинально вел байду вдоль лимана. Вовка с презрительным видом дымил сигаретой.

— Вон еще! — сказал Вовка и мотнул головой.

У самых тростников лежала на воде короткая палка, перевязанная посредине веревкой,— поплавок. Сеть стояла поперек лимана.

— Как дома понаставили,— усмехнулся Вовка и взглянул на отца.— Небось, не рад, что и попали сюда? И хочется и колется!

Лицо у Мазарчука побурело, но он промолчал.

— А то неверно? Что, может, неправ я? — Вовка длинным щелчком выбросил окурок и сплюнул за борт.

В этот момент байда вышла из-за тростникового мыса, и открылась не видимая раньше часть лимана. Мазарчук выбросил вперед шест и навалился на него, тормозя.

— Они? — громко спросил Вовка.

— Тихо ты!..— прошипел Мазарчук. Он и сам не знал, чего испугался.

Байда была большая, с мачтой, с уложенным на носу парусом. Двое в байде, обиравшие сеть, враз подняли головы и замерли. Лиц их не было видно за дальностью.

Мазарчук уже остановил байду и теперь не знал, что делать. Прятаться уже не имело смысла. Вовка с интересом смотрел на него.

— И как это ты в атаки ходил? — усмехнулся он и опять сплюнул.

Один из тех встал на корме и несколькими сильными толчками шеста вогнал байду в тростники.

— У вас тут, в лиманах, одни герои живут,— сказал Вовка.— Я прямо ухихикался.

Греково гирло находилось в стороне, и пройти к нему можно было, почти не приближаясь к той байде. Мазарчук повернул к гирлу и вздохнул. Вопрос решался сам собой: они плывут к Грекову гирлу, будут там рыбачить, вечером посидят у костра. По дороге видели чудаков, спрятавшихся в камыши. Их дело. Нравится в камышах сидеть — пожалуйста!

Мазарчук перестал хмуриться и сильно заработал шестом. Вода у бортов возбужденно взбулькивала.

— Зайцы,— сказал Вовка, глядя на тростники.— Зайчишки!

Он развеселился, закурил и швырнул пустой коробок в сторону тростников. Коробок отлетел недалеко, мягко упал на воду и заплясал на волнах.

— Небось, штаны стирают! — захохотал Вовка.

Мазарчук усмехнулся и посмотрел на сына. Может, и ничего это, что он в фотографии работает? Вон Федька Бакай — тоже по этой части работал, а как воевал! И тоже посмеяться любил.

И впервые появилась у Мазарчука уверенность, что вечерний разговор, такой важный и для сына, и для него самого, и для всей их семьи, что разговор этот кончится хорошо.

А он еще раздумывал над сетками! Что же важней: сетки эти дурацкие или судьба человеческая, его сына неясная судьба?!

— На, поработай! — сказал Мазарчук.

— И-и-и раз! И-и-и раз! — приговаривал Вовка.

Дело у него наладилось, байда шла ходко. Вдруг он качнулся, ухватился рукой за борт и чуть не выпустил шест. Байда крутнулась. Плоский железный конец шеста тащил из воды зацепившуюся сеть.

— Черт его!..— Мазарчук привстал.— Быстрей отцепляй!

Тростники, где скрылась та байда, были еще близко.

— Не беда, если и порвется,— сказал Вовка, покрутил шест и освободил его.— Вон сазан сидит, видно...

В этот момент в воздухе над головами словно булькнуло что-то, и сразу вслед прокатился над водой негромкий хлопок. Вовка удивленно посмотрел на тростники, откуда хлопнуло, потом на отца и тогда только стал торопливо и бестолково толкаться шестом. Байда завертелась.

— А ну, сядь,— незнакомым голосом сказал Мазарчук и взял у Вовки шест.— На дно садись.

Вовка сел на банку и почему-то начал надевать рубашку. Он не попадал в рукав.

Мазарчук вкладывал в толчок всю силу руки и корпуса, и байда, приподняв нос, с ровным шумом резала воду. Греково гирло было хорошо видно, Мазарчук вел байду прямо в устье и не оглядывался.

За кормой, метрах в тридцати, остро взвизгнуло и затрещало по тростникам: пуля срикошетила от воды.

— Мелкушка,— хрипло сказал Мазарчук.— Пугают.

Вовка сел на дно. Мазарчук посмотрел в его застывшие глаза и неожиданно для себя приказал:

— Встань!

Сын, не понимая, смотрел на него и не двинулся. Мазарчук отвел глаза и последним, длинным толчком вогнал байду в узкое гирло. Стена тростника закрыла лиман, и Мазарчук опустился на банку. Вовка облизал сухие губы, зачерпнул рукой воды и напился. На небритом подбородке заблестели крупные капли.

— Бороду вытри,— сказал Мазарчук и поморщился.

Лодка потеряла ход и приткнулась к тростникам.

— Догнать могут,— сказал Вовка.

— Хотели б, давно догнали.

— Все-таки не место тут стоять.

— Ну так бери шест и работай! Или ноги не держат?!

Вовка молча перелез на корму и повел байду по ерику.

— Эх, винтовки нет! — вдруг сказал он.— Или ружья хотя бы...

— И что бы ты с той винтовкой делал?

— Чесанул бы раз-другой по камышам, те бы живо присмирели.

— А потом?

— Что потом? Больше б не сунулись.

— И все? Дюже сильная твоя программа!

— Чего ты злишься, отец? Кому охота ни за что погибать?!

— А за что — ты бы согласился?

— Пустые все разговоры! Сам-то ты перестрелял бы их, что ли?

— Задержать надо,— сказал Мазарчук,— и сдать куда следует.

— Во-во! — Вовка зло усмехнулся.— Может, поплывем да задержим?!

Мазарчук промолчал и так, насупясь, и сидел, пока Вовка вел лодку через Греково гирло.

— Где ловить будем? — спросил Вовка, когда они вышли в лиман.

— Ловить в гирле надо. Только вот та байда...

— Чего?

— Они этим гирлом уходить будут.

— Интересное кино!

— Ладно, поворачивай налево, тут гряда есть. Там переждем.

Они проплыли немного по чистому, потом Мазарчук взял у Вовки шест и повел байду через тростники. Желтоватые стебли оглушительно хрустели, воняло илом и гнилью.

— Местечко!..— Вовка выругался.

Тростник поредел, и открылась узкая, со всех сторон окруженная зарослями полоса земли. Байда с глухим шорохом проползла мелководье и, дернувшись, остановилась.

— Корзину вытащи, там бутылка — в воду поставишь. А я тростник соберу.

Мазарчук шел по гряде и думал о сыне. Вот, значит, каким вырос Владимир Мазарчук! И кто же виноват в этом? Сам-то он, бухгалтер Мазарчук, правая рука Истягина, он-то всегда правильно поступает? Вот и верно: яблочко от яблони...

Гряду пересекала неглубокая узкая яма со сглаженными, заросшими травой краями. Мазарчук сел на край, свесил ноги. Земля была горячая, от нее шел душный жар, горький от полынного запаха. В жесткой, горячей траве монотонно кричали кузнечики. Они, наверно, тоже были горячие, как и все вокруг.

В траве что-то поблескивало... Мазарчук вгляделся, ковырнул пальцем. Круглое ржавое донышко, пробитый капсюль, позеленевший по краям. Гильза. Стреляная гильза от боевой винтовки. Старая, окислившаяся, забитая землей гильза от трехлинейки. А вот вторая лежит, третья... Значит, яма эта — окоп, а Мазарчук сидит на бруствере, спустив в окоп ноги.

— Тррр... Тррр... Тррр...— надрывались кузнечики. Может, так же стрекотали они в тот день, два десятка лет назад. Лежал грудью на этом бруствере русский парень, глаза ему щипало от полынной горечи и кислого дыма. При каждом выстреле кузнечики замолкали и сразу вновь начинали трещать. Он все лежал и стрелял, а за спиной уходили по тростнику его товарищи. Потом парень уронил голову в траву, и кузнечики затрещали безостановочно. Мог это быть и Петро Нефедов...

Когда Мазарчук вернулся к байде, Вовка уже вытащил из корзины еду, разложил на расстеленной газете. Потер руки:

— Злодейку сейчас истреблять будем?

— Нет,— сказал Мазарчук,— не сейчас.

— Правильно. В такую жару вредно.

Поели молча. Вовка поднялся и, насвистывая, ушел по гряде.

Мазарчук думал о Грековом гирле. Узкое, извилистое... Если байду на повороте загнать в тростник, с воды видно не будет, а любая другая байда пройдет на расстоянии вытянутой руки. Винтовка будет лежать на дне или на банке, не в руках же они ее держат. Дотянуться не успеют... Рискованно все же!

Подошел Вовка, показал гильзу.

— Вон добро какое. Только присел, смотрю — кругом... С войны, наверно.

Он подбросил гильзу и ловко ударил ее ногой. Вертясь, она полетела в тростник.

Что ему эта гильза? Старая железка. Оберем, говорит, сетку, никто ничего не скажет... На дно сел, руки тряслись, рубаху надеть не мог. А на эти гильзы нужду справляет! И как же теперь все будет, вся жизнь?.. И Вовкина и его? Так что же ты сидишь, бухгалтер Мазарчук, рядовой второго взвода?! Когда еще можно узнать, что такое есть настоящая жизнь, как не сегодня?!

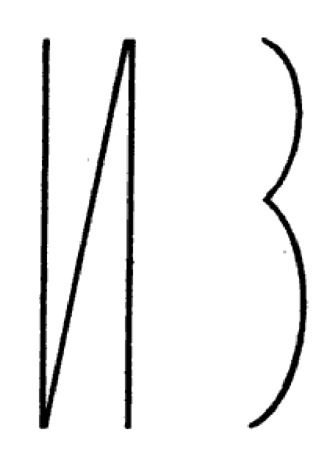
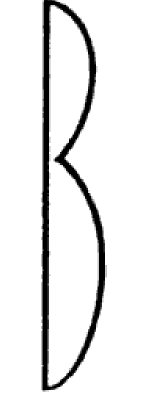
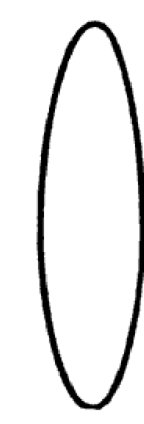
— Собери вещи в байду.— Мазарчук встал.— Пойдем в Греково гирло.

— Чего ради?

— Собери все в байду!..— закричал Мазарчук и сжал кулаки. Потом тихо добавил: — Пойдем проверять, что мы с тобой за люди есть...

Аркадий КУЛЕШОВ

ИЗ НОВО

* * *

От счастья сердце скачет, как дитя,
Как мельница, оно шумит ночами,
Ворочая камнями-жерновами,
Всем горестям житейским счет ведя.

Но время измерять ему не гоже.
Часы умолкнут — их не завести.
Секунды сердце отбивать не сможет,
Коль смерть меня подкосит на пути.

Его в ремонт, с кончиной грозной споря,
Я не отдам умелым мастерам.
И, как часы, на рынке не продам
За корку хлеба в дни нужды и горя.

Зато я с ним и дальше свой поход
Продолжу, весь охвачен жизни жаждой,
Пока в пути не кончится однажды
На весь мой срок рассчитанный завод.

* * *

Товарищ соснам, короедам враг,
Мой стих, как дятел, осененный бором,
С рассвета до заката на ногах,
Торопится помочь деревьям хворым.

Он, ввинчиваясь в небо по стволам,
Врачует их, в свое влюбленный дело,
Больных выстукивает и умело
Смолу кладет на раны, как бальзам.

О людях он печется, чтобы стены
Домов их новых не точила гниль.
Подумай, сколько тысяч птичьих миль
Он прошагал без отдыха и смены.

А сколько тысяч — сосчитать изволь —
Ветвей он излечил в бору сосновом?
А сколько странствовать ему, чтоб словом
Унять хотя б одну людскую боль?

* * *

Когда в полет, как мирные снаряды,
Отправятся большие корабли,
Мы, люди, будем размышлять: а надо ль
Искать иные земли для Земли?

И нужно ль, совершая круг прощальный,
На нас взирать пилотам с вышины,
Как будто фильм смотреть документальный
В печальный миг, уже со стороны.

Пусть им, по неизвестной нам причине
Вернуться не дано на космодром,
Объятым сном космическим в кабине
Иль где-то отыскавшим новый дом,—

Но подтвердят полетов безупречность
Наш век двадцатый и грядущий век.
И будет фильм земли смотреть не вечность
Глазами звезд своих, а человек.

* * *

Века погасят Солнце. Но не сгинет
Наш род людской — команда корабля.
Он мачтовые сосны не покинет,
Пока им будет палубой Земля.

Их не убьет всесветной стужи время,
Метель не заметет их след живой.
Мы, спрятав в трюм дерев погибших семя,
Наземный мир устроим под землей.

Планеты курс изменит наша сила,
И в поединке с черным забытьем
Мы в поиск устремимся и найдем
В просторах ночи новые светила.

Растопим льды, и вырвутся на свет
Родные реки из глухого плена.
Засеяв землю, разум во вселенной
Вновь утвердим на миллиарды лет.

* * *

Земля не вечна. Спорить с тем не будем.
Пусть так. Но разве мало молодых
Планет и звезд? Кто помешает людям
На склоне дней своих проведать их?

Мы, сил земных в полете не растратив,
Достигнем самых отдаленных сфер.
Нас встретят обитатели пещер
Не как своих богов — как старших братьев.

И в памяти храня язык старинный
Исхоженных дорог, наверняка
Мы младшим сократим наполовину
Все беды, что готовят им века.

Чтоб мир, где войны, рабство и лишенья,
Для них уже не повторился вновь.
Пусть в жилах их струится наша кровь —
Неугасимой жизни продолженье.

* * *

Свидетель время: жизни всей на смену
Приходит смерть. Наступит срок такой,
Когда на склоне дней, подвластный тлену,
С лица земли исчезнет род людской.

Знак восклицанья ты ставишь, время!
Я — знак вопроса. Ну, а если твой
Закон мы, люди, сбросим, словно бремя,
И наконец найдем белок живой
И племенем бессмертным и могучим
Его расселим на материках?

А что, коль мы потом его научим
Мир понимать, ходить на двух ногах,
Дадим ему топор и молот в руки,
Разумные учебники дадим —
Весь опыт созиданья и науки?

...Тогда попробуй потягаться с ним!

* * *

Любовь моя, уже немало лет,
Нарушив все законы притяженья,
Живем мы, как взаимоисключенье,
Как мир и антимир среди планет.

Не ходим никогда одной орбитой,
Не делим хлеб, а делим только соль.
И ты смеешься над моей обидой,
Грустишь, когда моя проходит боль.

Со мной не соглашаешься жестоко
Ни в чем. И все оспариваешь сплошь.
И стоит повернуться мне к востоку,
Как тут же ты на запад повернешь.

А все ж земля б моя осиротела,
Вселенная заволоклась бы мглой,
Когда б ты, гневно вспыхнув, улетела,
Со скоростью исчезла световой.

* * *

Мне снился сон: ты в вечность отлетела
И там звездой средь звезд горишь сама.
А я — извечный спор души и тела —
Живу, не умер, не сошел с ума.

Как прежде, сердце ходит на свиданье,
Таясь от всех, разлуке вопреки,
Пытается шептать слова признанья,
Чтобы спастись от стужи и тоски...

Оно ни платьям девичьим, ни косам
Заветного тепла не отдает,
А все глядит с укором и с вопросом
На звездный, на холодный небосвод.

И все ему свиданий тайных мало,
И света не хватает и тепла.
Зачем, когда ты Землю покидала,
Его в свои владенья не взяла?

* * *

Лет через десять ты из межпланетья
Вернешься вновь в родимые места.
А здесь у нас пройдет тысячелетье,
Как подсчитала дерзкая мечта.

Ты Землю всю окинешь новым взглядом.
Не знаю, что на ней увидишь ты.
Но только не ищи, искать не надо
Среди могильных плит моей плиты.

Ты повяжи любимую косынку,
Что соткана из солнечных щедрот,
И пусть тебя, как легкую былинку,
Крылатое бессмертье понесет,—

Туда, на место встречи предрассветной,
Что для меня не повторится вновь.
Там будет почивать моя любовь,
Чей век был прожит без любви ответной.

* * *

Нет, звезд я не хватаю с небосклона,
В лугах не рву весенние цветы,
Чтоб от меня, как дар души влюбленной,
Их благосклонно принимала ты.

Пускай цветы пестреют на поляне,
Чтоб мы с тобой бродили среди них.
Они увянут к вечеру в стакане,
Как мы без солнца среди стен немых.

Путь к звездам долог — за тысячелетья
До них и резвый конь не довезет.
За ними я помчался бы в ракете,
Да поздно отправляться мне в полет.

Нагрузки сердце выдержать не сможет,
В груди заглохнуть мой мотор готов...
Глотал он пыль дорог и бездорожий,
Прими его без звезд и без цветов!

* * *

Просторы неба, с океаном встретясь,
На горы волн кладут густой туман.
Мне хорошо. Меня не океан
Качает вновь, а колыбель столетий.

Я слушаю — уже не человек —
В безмолвном и безмерном восхищенье
Тот гул протяжный водоизмещеньем
В мильярды миллиардов шумных рек.

Я чувствую: меня навстречу сушам
Несут былых тысячелетий дни.
Из рук своих передают они
Меня другим ветрам, просторам, стужам.

Дитя воды, ползу я в глубь лесов,
Чтоб человеком в мире первозданном
Встать из пещерной глубины веков
И снова повстречаться с океаном.

* * *

Не обижайся, океан! Когда я
Сойду на землю ту, что так люблю,
Свое «прощай», по трапу вниз сбегая,
Я не тебе пошлю, а кораблю.

Ты не лови тогда мой взгляд прощальный,
Растроганный, напрасных слез не лей.
Еще нескоро шторм десятибалльный
Меня покинет на земле моей.

Еще нескоро я прощусь с тобою,
Еще не раз измерю мир живой
Твоих глубин, что скрыты под водою,
Равнин, что схожи с далью полевой.

Как в раковине, будешь ты таиться
В душе моей, суров и величав,
Чтоб голос твой цветы, колосья, птицы
Услышали, к моей груди припав.

* * *

Чужой любви я не завидую.
Тут со своей — одна беда.
Я в сердце ей жилплощадь выделил,
Да в нем уютно не всегда.

Неужто волею капризной
Мой дар отвергнут без труда?
Неужто он забыт, не признан?
Тогда прощай. Прощай тогда.

Прощай! Любовь — не рай под крышей
Над гладью сонного пруда.
Любовь сама меня пропишет
В надежном сердце навсегда.

* * *

Я писал бы о мирах далеких,
Я в мечтах бы залетал на Марс,
Если б не давнишние упреки:
А Земля? А жизнь мильонных масс?

Ныне трассы на Луну открыты.
У поэтов с космосом союз.
Марс, идя привычною орбитой,
Приближается к созвездью Муз.

А они поклонника встречают,
С песнями вступившего в родство,
И по всей вселенной прославляют
Спутников искусственных его.

Только я не посвящаю оды
Тем загадкам, что на нем видны.
Мнится Марс пустынный и безводный
Мне зловещим спутником войны.

На челе планеты — злая мета
Смертных бурь, кровавых непогод.
Кто же слово нашего привета
На язык пустынь переведет?

* * *

Человек юбилейной поры
И речей величальных
Всю былую судьбу свою
Переиначил всерьез.
Кто твердил, что отправился в гости он
К сказочным пальмам,
Кто шутил, что на поиски
Вечнозеленых берез.

Что, однако, стряслось?
Может, муха его укусила?
Может, пятку ему обожгла
Хлопотунья-пчела?
Может, он от дремоты спасался,
А может, осина
Где-то в тихом болоте
По нем тосковать начала?

Вспышки молний ночных
Озаряли почтенную проседь.
И, отвергнув спокойные годы
Без бурь и помех,
Он внезапно вернулся
Ответом живым на вопросы,
Загорелый, улыбчивый
И непонятный для всех.

Да, вернулся домой он
Укором живым и ответом,
Он смущал засидевшихся,
Благополучных пугал.
С незлобивой улыбкою
Слушая злые наветы,
Словно аист лягушек,
Обиды он молча глотал.

И вздыхали соседи:
Себя загубил непоседа.
Сам он тоже вздыхал,
Но отнюдь не о прошлых годах.
Он жалел домоседов,
Что, трудных дорог не изведав,
Сыто квохчут, как клушки,
Сидящие на «болтунах».

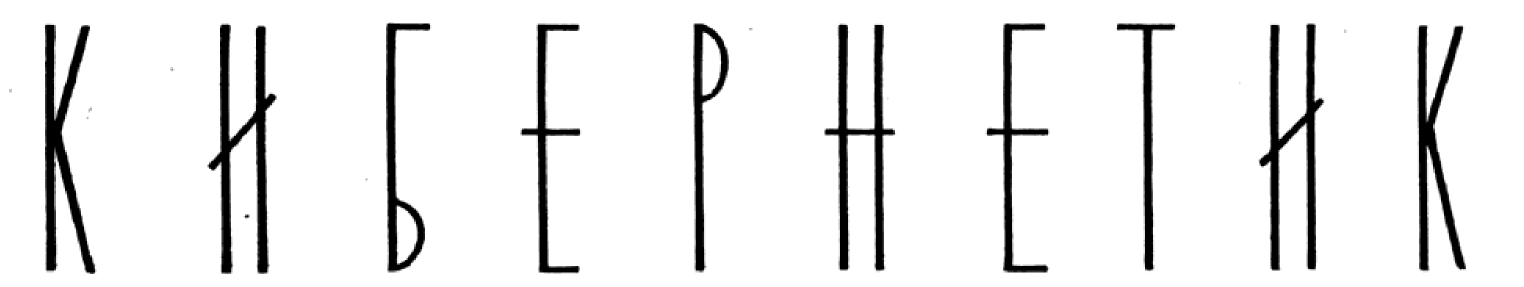
Пусть известна им
Истин, знакомых давно, безупречность.
Знал он истины тоже,
Но в сердце проснувшемся нес
Он и вечнозеленую
Пальмы беспечной невечность
И надежную вечность
Не вечнозеленых берез.

Он узнал не из книг,
Сам постиг эту повесть желаний,
И тревог, и дерзаний.
Еще он им не дал имен.
Позабывший чернила,
Горячею кровью исканий
На древесной коре
Начертал свою летопись он.

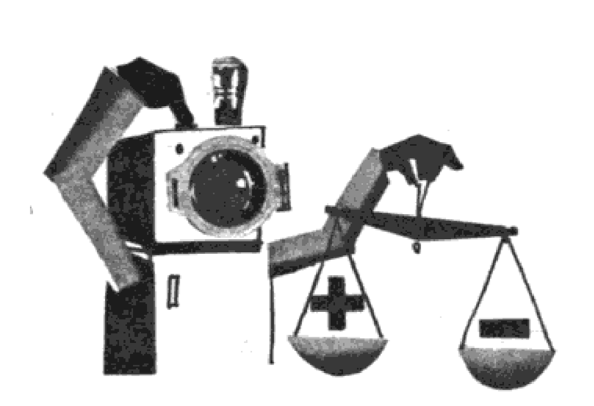
Он найдет имена
Всем желаньям, дерзаньям, тревогам,
Шумный выводок свой
Типографским отдаст мастерам.
Жирным квочкам отдаст «болтуны»,
Домоседам — берлогу,
Песням — лучшие помыслы,
Сердце — все тем же путям.

Авторизованный перевод с белорусского Якова Хелемского.

РАССКАЗЫ О НОВЫХ НАУКАХ

Как вы думаете: если крысе показать шишкинский пейзаж с медведями или «Лунную ночь на Днепре» Куинджи, отличит она одну картину от другой? А электронная машина — этот грубый прообраз мозга,— сумеет ли она отличить кошку от собаки или, скажем, букву «а» от «б»? Похоже ли вообще «машинное мышление» на человеческое?

Все эти, казалось бы, необычные, вопросы обсуждались на специальной сессии Академии наук, посвященной биологической кибернетике. Биокибернетика — кибернетика живого организма — совсем новая наука. Она возникла недавно, когда принципы работы кибернетических машин попытались применить к живому организму.

Начало было многообещающим: внутри нас обнаружились многочисленные «нервные автоматы», связанные с центральным пультом управления прямыми и обратными линиями связи. Наше тело словно насквозь пронизано кибернетикой: самоуправляющиеся устройства обнаружены не только в центральной нервной системе, но и в каждой составляющей нас клеточке. Сто триллионов таких крошечных кибернетических автоматов работает внутри нас.

Автоматические регуляторы поддерживают в нашем теле нормальное давление крови, состав желудочного сока, следят за ритмическими сокращениями сердца, легких...

Но самое интересное то, что кибернетика, запрятанная природой внутри нас, оказалась гораздо сложнее, чем самые совершенные электронные машины. Так биология стала подсказывать технике новые средства решения.

Вот некоторые из них, те, о которых рассказывали на сессии ученые.

«Шаги по оврагу»

Наш мозг — сложнейший нервный агрегат, управляющий разнообразными действиями организма. Удивительно ли, что его сравнивают с кибернетической машиной?

Многих это почему-то обижает. А почему, собственно? Почему нас не смущало «вульгарное» сравнение мозга с телефонной станцией, которое часто использовал физиолог Павлов?

Во времена Павлова наиболее схожей с действиями мозга казалась работа телефонной станции. В наши дни горизонт научного видения расширился: ближе всего к мозгу оказались кибернетические машины, машины, которые получают от приборов сообщения, перерабатывают, анализируют содержащиеся в них сведения и выдают ответ, что нужно сделать в данную минуту или секунду.

К мозгу тоже со всех сторон стекаются сведения о положении дел на местах. Он должен разобраться в них и решить, как поступить. Прежде чем принять решение, какие именно управляющие приказы и куда послать, мозг должен произвести настоящие вычисления.

Когда, например, исследовали, как мозг изменяет размер глазного зрачка, то выяснилось, что это, казалось бы, несложное действие, считавшееся почти автоматическим, требует громадной предварительной вычислительной работы.

В мозг поступают сведения о степени освещенности комнаты и того предмета, который надо рассмотреть. Он же определяет, какой величины должен быть зрачок, чтобы глаза ясно различили картину на стене или книгу на столе. Затем сравнивает вычисленную величину с действительным размером зрачка и устанавливает, насколько его надо, предположим, сократить. И только тогда отдает приказ мышцам глаза.

Расчет производится настолько точно, что диаметр зрачка может по мере надобности уменьшаться или увеличиваться на ничтожную долю миллиметра. А ведь такой черновой вычислительной работой мозг занимается почти ежесекундно.

Но, изучая задачи, которые приходится решать мозгу, математики пришли к выводу, что наша нервная система ни за что не успела бы справиться с ними, если бы действительно занималась вычислениями.

А в ряде случаев «вычислить» многие движения просто невозможно. Слишком изменчива обстановка, в которой приходится организму действовать. Значит, надо прибегнуть к обходному пути: найти нужное значение напряжений мышц из опыта.

Этот поиск можно производить разными способами. Прежде всего его можно вести «вслепую», наугад просматривая все участвующие в задаче величины. Поиск будет продолжаться до тех пор, пока случайно не подвернутся нужные значения величин.

Перебирая подряд все имеющиеся в его распоряжении цифры, управляющий механизм как бы совершает бесконечные пробы, учась на ошибках. Именно этот метод, метко названный методом «проб и ошибок», и лежит в основе действия кибернетических машин. Они находят правильный ответ, молниеносно перебирая сотни и тысячи цифр, слов, нот.

Но можно прибегнуть к более интересному поиску нужных величин.

Прежде всего надо их рассортировать на главные и второстепенные. Предположим, вы хотите коснуться рукой кончика носа. Малейшее отклонение плеча или локтевого сустава смещает руку в сторону. А положение кисти не так существенно, его легко можно подправить, чтобы палец попал точно в цель.

Определив, какие мышцы и суставы значительно влияют на ход движения, а какие нет, можно приступать к поиску наилучшей комбинации их. Как это сделать?

Сначала наугад выбирают какую-либо комбинацию мышечных напряжений, как это бывает при случайном поиске. Потом то же самое проделывается еще раз: также наугад выбирают новую группу величин, но не лежащих поблизости от первых.

Теперь наступает самый важный этап — сравнивают оба варианта. Так удается определить, какой из них оказался ближе к заданному. И в соответствии с этим выбирают третью комбинацию мышечных напряжений и суставных узлов. Эта комбинация взята уже не случайно, а как бы предсказана всем ходом предыдущих событий, выведена на основе анализа более простых фактов.

Так повторяется много раз: случайный выбор первой попавшейся комбинации величин. Затем сразу большой скачок в сторону. Разведка здесь. И в зависимости от результатов сравнения — снова гигантский скачок влево или вправо и так далее.

Такой способ поиска нужной величины напоминает обследование неизвестного оврага. Он так и называется — «шаги по оврагу». Метод этот разработан математиками, но существует пока лишь в теории. И тем не менее, оказывается, есть «механизмы», которые, образно говоря, «ходят по оврагу». Это мы с вами.

Наш мозг скорей всего не вычислительная, а какая-то иная «машина». Какая же? По-видимому, он больше похож на те кибернетические устройства, которые в технике называют моделирующими. Моделирующим машинам не переводят задание на язык цифр и не заставляют их вычислять, сколько кирпича надо привезти на стройку, чтобы дом был закончен к сроку.

Таким машинам сообщают, например, температуру внутри домны, давление воздуха, состав шихты и целый ряд других данных и предлагают найти на их основе наилучший режим работы плавильной печи. Или им задают скорость самолета и силу встречного ветра. А от них требуется определить наилучший режим полета.

В этих случаях машины ничего не вычисляют. Они имеют дело не с цифрами, а с физическими величинами. Разумеется, не с действительной температурой или давлением, а с условными обозначениями их. Температуру, предположим, изображает сила тока, возникающего в электронном нутре машины, а давление обозначается электрическим напряжением.

Машине поручается построить своего рода электронную копию тех процессов, которые происходят в домне или в атмосфере Земли. И она делает это, подбирая по очереди участвующие «в игре» компоненты, пока не наткнется на лучший вариант. Тогда она сообщает: чтобы домна работала экономично и на полную мощность, надо температуру поддерживать такую-то.

Нечто похожее делает и наш мозг (только на более высоком уровне), когда ему приходится управлять подвижными мышечными «моторами». Да, пожалуй, и не только в этих случаях.

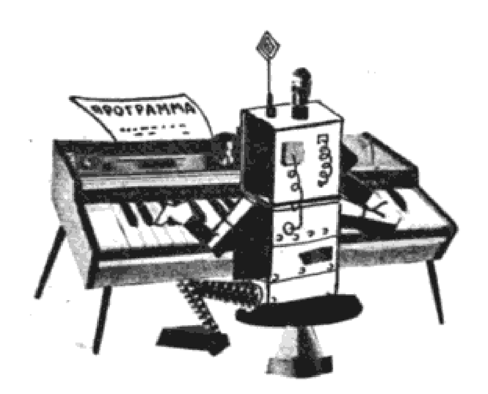
Мозговой телевизор

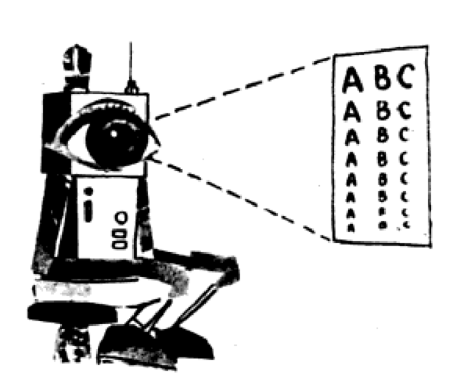
Вы идете по улице, рассеянно глядя по сторонам. Неожиданно

А ВНУТРИ НАС

Елена САПАРИНА

Рисунки М. Ушаца.

впереди из переулка появилась знакомая фигура и торопливо зашагала вам наперерез...

— Сережка! (или Петька, или Зина) — уверенно кричите вы вслед, хотя не успели толком рассмотреть ни лицо, ни вообще внешность своего знакомого. Вы узнали его по каким-то неуловимым признакам — характерной походке, угловатым движениям...

Вы еще не успели осознать увиденное, а мозг услужливо подсказывает вам: «Это же твой приятель!»

Как мы отличаем знакомые лица от незнакомых? Каким образом в нашем сознании запечатлевается образ человека?

Тщетно вы будете задавать эти вопросы физиологам. Им хорошо известно, как работает наш зрительный аппарат — устройство, специально приспособленное для «приема» и «передачи» изображений, вернее, информации о тех или иных изображениях. В этом смысле наша зрительная система напоминает... телевизор. И причем очень экономичный и хитрый, какие еще не научились строить инженеры. В нашей зрительной системе передаются, например, не подряд все кадры, а только сведения об изменении в изображении, то есть в предыдущем кадре. И не все изображение, а только контур его. Мозг же сам воссоздает полноценный образ.

Что же происходит в зрительном отделе мозга, куда приходят сообщения об увиденном? К сожалению, мы почти ничего не знаем о том, как мозг различает переданные ему изображения. Это одна из тех загадок, на которые еще не найден ответ, хотя попытки разгадать ее ведутся давно.

Предполагают, что у нас в мозгу есть как бы свое условное обозначение квадрата, круга и других подобных фигур. Может быть, и верно, что условные обозначения самых простых геометрических образов заложены в нашей нервной системе от природы. Так, повидимому, у нас есть специальные устройства, различающие в рисунке горизонтальные и вертикальные линии.

В мозгу обнаружены клетки, которые не реагируют на появление перед глазами стороны квадрата. Но если он входит в поле зрения углом, в них возникает сильное нервное возбуждение. И оно тем сильнее, чем больше кривизна изображения. Наконец, есть нейроны, которые улавливают направление движения предмета. Они возбуждаются, например, только если изображение движется слева направо, а не наоборот.

Но совершенно ясно, что нельзя заранее запастись условными обозначениями всех зрительных образов. Что, например, должно запечатлеться в нервных клетках мозга, которые месяцы и годы должны хранить образ стола, лампы, то есть те образы, условные обозначения которых никак не могли быть переданы мозгу по наследству? И это относится к большинству сложных зрительных образов.

Поэтому правильнее считать, что полный набор образов, своего рода зрительный словарь, не врожденный, а приобретается вместе с жизненным опытом. Первый используется лишь как основа для построения новых сложных образов.

Зная, что мозг избегает вычислений и бездумных, на авось, переборов всевозможных вариантов, мы можем предположить, что и в данном случае он прибегает к какому-то обходному пути. Есть все основания думать, что, опознавая зрительные образы, мозг не сравнивает все детали переданного изображения с хранящимся в памяти «эталоном», а производит выборочную оценку признаков. И скорей всего он это делает по тому же методу «шагов по оврагу», с помощью которого, не вычисляя, находит решение чисто математических задач.

Конкретнее говорить об этом трудно. Ведь тут ученые находятся еще в области догадок.

Казалось бы, пока этот вопрос не прояснится, нечего и пытаться создавать машины, способные различать предметы. Тем не менее эту трудность удалось обойти.

Если мы не знаем, как составить для машины точную программу работы, надо предоставить ей это сделать самой. Пусть учится на ошибках и извлекает из учебы опыт. А мы потом посмотрим, как она это делала, может быть, что-то в действиях машины, распознающей зрительные образы, подскажет принципы, которыми в аналогичных случаях пользуется наш мозг. Вот почему физиологи активно взялись за обучение узнающих машин.

Нелогичная логика

Создатели кибернетических машин очень гордятся «железной» логикой своих питомцев. «Их рассуждениям никакие случайности не грозят,— часто говорят они.— Будьте спокойны: машина не будет колебаться, ее ответы не окажутся неточными. Уж если она до чего «додумалась», то это сделано «железно», не то что в человеческих рассуждениях: то ли да, то ли нет. Ведь мы не всегда можем твердо ответить на поставленный вопрос, дать однозначный ответ.»

Но так ли уж это плохо, что человеческие мысли не всегда построены по железной схеме? Ведь и окружающий нас мир, закономерности которого мы познаем, не укладывается в жесткую схему. Он полон неопределенного, случайного, меняющегося. И человеческий мозг, сохранив за собой свободу логического выбора, только выиграл, а не проиграл.

Это особенно наглядно проявилось, когда вычислительную машину и человека «посадили рядом» и заставили делать одинаковые действия — нажимать кнопки на пульте.

Кнопок было две. Если нажать на них, в наушниках раздавался короткий щелчок. Но далеко не каждый раз. Схема звуковых ответов, неизвестная ни человеку, ни тем более вычислительной машине, была разной для каждой из кнопок. Предстояло за время опыта добиться возможно большего количества ответных щелчков.

И вот оказалось, что, решая эту сложную задачу, человек поступает не всегда логично. Он, например, неожиданно нажимал другую кнопку. Число таких внешне совершенно «нелогичных» перескоков достигало 65 из 100 нажатий кнопок.

Автомат же со своей неизменной логикой не отличался такой гибкостью поведения и потому... отстал от человека. Человек благодаря своей нежесткой логике быстрее разгадал закономерность случайных ответов и набрал больше очков.

По-видимому, такие отступления от строго логической, последовательной схемы рассуждений выгодны живому, думающему мозгу. Собственно, в гибкой, с обычной точки зрения, «нелогичной» логике работы мозга и проявляется, очевидно, все тот же ускоренный метод поиска правильного решения — уже известные нам «шаги по оврагу».

Мы пользуемся жестко логическими схемами рассуждений только в очень ограниченных случаях. Либо в самых примитивных, либо, наоборот, мы запускаем свой «живой арифмометр», когда творческие поиски уже позади и осталась черновая «вычислительная» работа. Если мы хотим, чтобы кибернетические машины хоть както приблизились по своим действиям к мозгу, надо снабдить их человеческой логикой, теми законами технологии, которыми пользуется мыслящий мозг.

* * *

А теперь давайте представим, что автоматы, в которых используются принципы живого мозга, уже созданы. Насколько совершеннее и «умнее» современных кибернетических машин они будут!

Что вы скажете о читающем автомате, об автоматическом сборщике на конвейере или кибернетическом лаборанте, считающем красные и белые кровяные шарики! А ведь всем этим будут заниматься «зрячие» машины, способные, подобно человеку, мгновенно узнавать в разных по форме и цвету предметах общие черты.

Такие машины очень мало будут похожи на обычные вычислительные. Они смогут находить решение быстрее и более экономными способами. И чем точнее такие машины будут воспроизводить принципы работы живого мозга, тем все дальше будут от него удаляться. Об этом позаботятся инженеры.

Они уже сейчас ищут способы усовершенствовать то, что сделано природой. Недаром на совещании по биологической кибернетике со своими предложениями выступали не только физиологи, но и математики, физики, инженеры.

ПОЛЬ ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ И РОМЕН РОЛЛАН

Четверть века тому назад, 10 октября 1937 года, умер Поль Вайян-Кутюрье.

Семь лет спустя, в конце 1944 года, ушел Ромен Роллан.

Поначалу многое разделяло этих двух больших людей: возраст, происхождение, воспитание и, главное, взгляды на пути переустройства современного общества, на революцию. Но время шло, и взгляды Роллана и Вайяна-Кутюрье все больше сближались. Особенно наглядно выступает это сближение в тридцатые годы. В борьбе против фашизма и войны они стояли в одном ряду. Ромен Роллан был почетным председателем Ассоциации революционных писателей и художников, Вайян-Кутюрье — ее генеральным секретарем. Но и раньше, в начале двадцатых годов, в решающих вопросах современности Роллану было по пути с революционными писателями.

В 1922 году вышел поэтический сборник Вайяна-Кутюрье «Красные поезда». Человек, которому принадлежат крылатые слова «Коммунизм — это юность мира», восславил социалистическую революцию. Символом революции является центральный образ книги — образ несущегося на всех парах поезда. Поэт воспевает освободительную борьбу французского народа и обращается к стране Октября.

Мы шагаем под ритм мирозданья,
Мы раскачиваем основанья,
На которых покоится все.
На широких дорогах России
Босоногие красноармейцы
Топчут черные гроздья империи.
Неплохие мы сборщики,
Неплохие давильщики сбора.
(Перевод Павла Антокольского.)

Поэт провозглашает:

Иди на Восток.
Земля там свободна.
(Перевод Е. Эткинда.)

«Красные поезда» посвящены памяти безвременно погибших друзей поэта — отважного писателя-революционера Раймона Лефевра и художника Жана Дэпуи. Оттенок горечи, присущий стихотворениям Вайяна-Кутюрье, связан с поражением солдатских восстаний семнадцатого года, ощущением того, что революционная ситуация во Франции идет на убыль. Но поэт уверен в том, что за временными поражениями и неудачами неизбежно придет победа.

Поэтический сборник Вайяна-Кутюрье — один из ярких образцов французской гражданской лирики — был тепло встречен современниками. Тихая улица на окраине Парижа. Скромная, очень скромная комната Марксистской библиотеки. Пожилой усталый человек перебирает папки. В одной из них — письма, полученные Вайяном-Кутюрье от Ромена Роллана, Анри Барбюса, Рене Аркоса, Леона Базальжета... В письме Р. Роллана читаем:

Понедельник, 23 апреля 1923 г.

Дорогой Вайян-Кутюрье,

Благодарю Вас за дружеское послание. В Ваших стихотворениях я ощущаю глубокую грусть. И она меня трогает.

Вы не можете высказать все. Но достаточно бросить взгляд, чтобы обнаружить трагедию.

«Иди на Восток!» Здесь ты погибнешь. Здесь не действуют и не могут действовать: здесь разговаривают и предаются наслаждениям.

Я часто думал о крепких англичанах XVII века, которые отправились в дальний путь, чтобы основать новую родину. Будь у меня дети, я бы тоже уехал.

Сердечно жму Вам руку
Ромен Роллан.

Приводится по фотокопии, полученной в Марксистской библиотеке в Париже.

Ф. НАРКИРЬЕР,
старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР.

Мой народ — садовник

Петря ДАРИЕНКО

Девушка подала мне яблоко. Большое, спелое. И румяное. И девушка тоже румяная. Глаза ее полны доброты: «Угощайтесь! Лучше наших яблок не найдете...» Она говорит эти ласковые слова не только мне, но и тебе и ему — всем друзьям из Сибири или Москвы, Белоруссии или Якутии.

Много в моей республике таких девушек. У них, у всех моих земляков, до завидного много друзей, о которых мы постоянно помним. И сейчас вот не просто девушка с яблоком стоит передо мной — то сама Молдова встала перед страной: погляди, мол, какая у тебя дочь!

— Какая же? — спросишь ты.

Благодатна земля Молдовы. Есть девушки, о которых не скажешь, что они некрасивы, но чего-то им не хватает. О таких в моем народе говорят: «У них нет «иди сюда». Молдова моя имеет это драгоценное «иди сюда».

В нашу республику приезжает немало зарубежных друзей. Они восторгаются землей, людьми, делами людей. Заворачивают к нам и недруги. Тоже восторгаются: даже у них не поворачивается язык сказать что-либо плохое об этой Советской республике. Чем же она хороша?

В первую очередь, конечно, садами и виноградниками. Но не только: у нас чудесно родят пшеница и кукуруза. Мы производим мясо и молоко, выращиваем свеклу, табак, подсолнечник. У Молдовы хорошее сегодня, у нее сказочное завтра. Закрою глаза и думаю о Молдове...

В 1959 году, вручая моей республике орден Ленина, товарищ Н. С. Хрущев сказал, что Молдавия должна стать садом Советского Союза. Слова Никиты Сергеевича пришлись по душе моим землякам: определено творческое лицо республики.

...Молодой парень тщательно перебирает груши. Завтра колхоз отправит их на север страны. Дел много. В этом году выращен богатый урожай фруктов. Надо, чтобы ни одно яблоко не пропало. Парню жарко, он до пояса разделся. Подобно веткам яблони или груши, его тело покрылось росинками. А в другом конце сада другой человек поливает посадки. Опять же не просто льет воду, он поднял своими руками над бескрайним садом целую радугу-красавицу. Она напоминает многоцветный венок — его заслужила моя земля, мои садовники.

Показываю моему другу давно знакомый мне колхозный сад. В душе я, честно говоря, чем-то недоволен. Подойдешь вплотную к яблоням или грушам — не найдешь дерева, чтобы было стройным. У одного ветки прижались к самой земле, а у того даже обломалась одна. Урожай испортил им «фигуру». Мой друг забрался под грушу и оттуда, из-под зеленой стрехи прижатых к земле веток, глядел на окружающий мир. Земля и деревья стонали от обилия плодов. Я подумал: во всем главное дело, как смотреть.

Сад требует к себе внимания и чуткости, как человек. Появились новые сады. Это радует нас. Но это ко многому и обязывает. С развитием садоводства возникают новые сложные задачи. Посадить сад — только полдела. Надо его вырастить, сохранить от вредителей, повысить урожайность. И это еще не все. Богатый урожай приносит свои хлопоты: не убрал вовремя — фрукты испортились. Убрать, быстро переработать, отправить в отдаленные районы страны, не допустить порчи — много проблем выдвигает жизнь! Солнечного тепла саду недостаточно. Садовники это знают хорошо и делают все возможное, чтобы яблони, груши, орех, слива, виноград, персики, абрикосы всегда чувствовали тепло человеческих рук и сердец.

В дни Великой Отечественной войны погибло много садов. И садовников... Потомственный садовод из села Чобручи Федор Самойлов ушел на войну с тремя сыновьями. Вернулся с одним. Такими же вышли из войны и сады Молдавии. Они были сожжены, изранены, порублены. За несколько лет самоотверженного труда сады были восстановлены и расширены: теперь они значительно лучше, чем до войны. Не ушел на покой инвалид войны Федор Самойлов. Снова его жизнь проходит среди деревьев. Он сторожит сады. От кого? Не знает. Просто не хочется расставаться с делом. Садоводом стал его младший сын Степан.

В прошлом году приезжала в колхоз имени Ленина делегация украинских колхозников. Знакомились с садами. Гостей по ним возил Федор Самойлов. Руководитель делегации смотрел на сады и на спидометр машины. И было трудно понять, что больше удивляло его. Едут, едут, а садам нет конца. Когда спидометр отсчитал двенадцать километров, он попросил остановить машину и сказал: «Вот такие сады надо и нам сажать!»

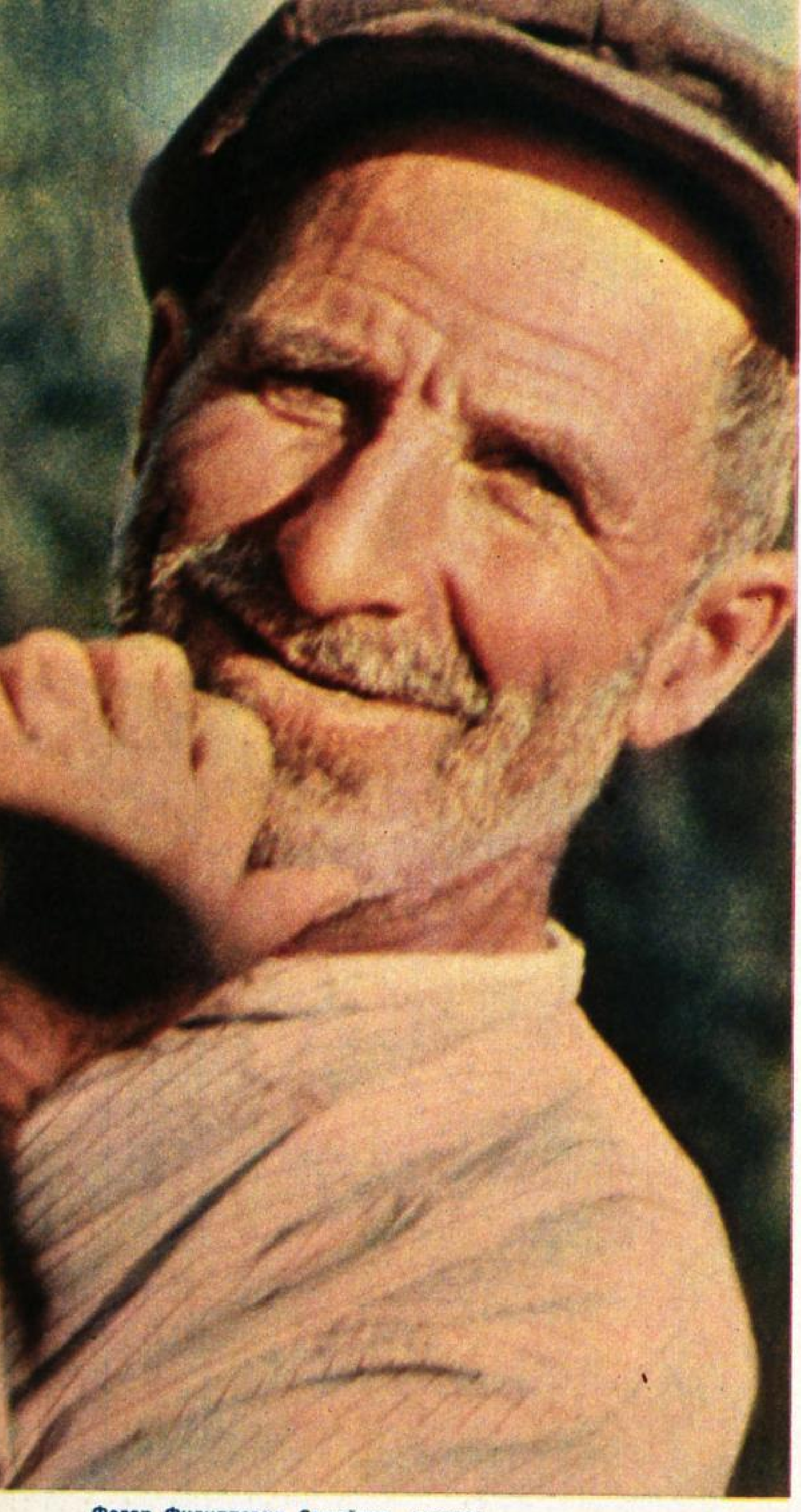
У нас любят сады земной непоказной любовью. Помню, лет пять назад решили в том же колхозе имени Ленина, села Чобручи, провести воскресник по посадке садов. А была как раз пасха. Только несколько старушек ушли в церковь, в соседнее село. Остальные — от мала до велика — вышли на посадку садов. После обеда старухи возвращались в село. Подходя к околице, перекрестились: свершилось чудо. На окраине их родного села простирались посадки молодых саженцев. Сто пятьдесят гектаров! Теперь этот сад плодоносит. С тех пор прошла не одна весна, а каждая весна имеет не одно теплое воскресенье.

Молдаване сажают сады. Да такие, чтобы они были видны из космоса. Фрукты и космонавтам в дорогу пригодятся! Циолковский в свое время говорил, что самым хорошим продуктом питания для космонавтов будет грецкий орех. Не знаю, брали ли с собой в космический полет грецкий орех наши космонавты, но мои-то земляки знают ему цену. Улицы Слободзеи и Чобручи, дороги, ведущие на Тирасполь, Оргеев, Котовское, обсажены ореховыми деревьями. Да, люди выкорчевывают акацию и сажают орех. Он живет сотни лет. Мой народ — садовник, он, как талантливый художник, хочет создавать произведения, которые бы жили века!..

Упакованные в ящики, пойдут молдавские фрукты во все концы страны.

Фото Б. КУЗЬМИНА

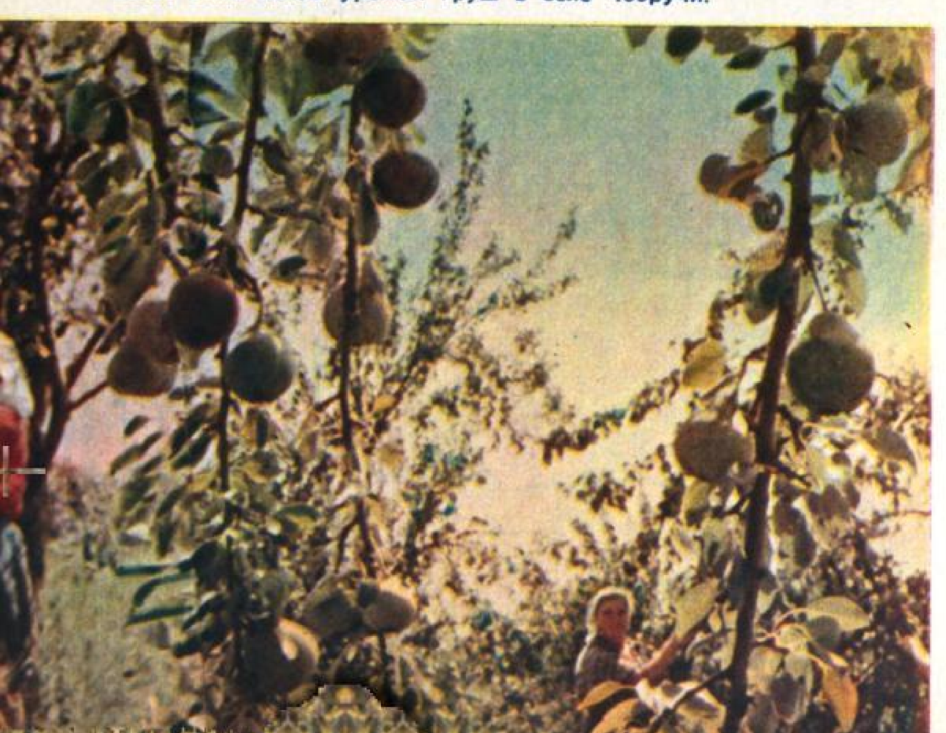
Вкусный компот приготовят из этих слив на Тираспольском консервном заводе.

Федор Филиппович Самойлов, садовод.

«Королева» — так называется этот сорт винограда...→

Богат этим летом урожай груш в селе Чобручи.

Вешенское лето

Анатолий **КАЛИНИН**

1

Жаворонки поют над зеленовато-бурым полем Базковского аэродрома близ Вешек, и трава пахнет так горько и так сладко, как только она может пахнуть в степи в полдень знойного лета. Тишина — после того как заглох мотор самолета — обступает такая, которую иначе и не назовешь, как первозданной. Нет, не нарушает ее, а, пожалуй, еще больше подчеркивает мягко наплывающий издалека рокот автомобилей и других машин.

И сразу же властно обступает настроение, которое издавна влюбленной струной дремлет в душе — только дотронься до нее. Как будто сродни оно и этому томительному запаху нагретой солнцем травы. А вот уже и ударил по глазам из-за свинцовой полосы Дона «шафранный разлив песков». Неужели это и в самом деле лампасы проглянули из зелени парка в центре Вешек? И хоть тут же убеждаешься, что это лампасы танцевального казачьего ансамбля базковских школьников — в станице межрайонный фестиваль,— а струна уже зазвучала громче. И как ей не зазвучать, если здесь все отзывается этой струне: здесь и колхозы носят названия «Тихий Дон», имени Шолохова!..

А вот он и сам спускается навстречу со ступенек террасы, как всегда — и все-таки на этот раз как-то по-особенному,— собранный и оживленный, как бы обдутый не только нашенским, степным, а и еще каким-то ветром. Впрочем, что же тут и гадать: он недавно вернулся из поездки по Англии.

И хотя здесь, на вешенской земле, почему-то вдруг особенно замечаешь, что те самые золотые колосья волос над прекрасным лбом, какими ты их впервые увидел четверть века назад, теперь лежат комьями талого снега, тут же, встречаясь с его глазами, радостно убеждаешься: все те же. И обласкать умеют, и посмеяться, и так потвердеть, что лучше уж человеку тут же чистосердечно и признаться, что слукавил, хотел показаться лучше, чем есть на самом деле.

А потом убеждаешься, что, несмотря на быстротечность времени, и вся атмосфера в шолоховском доме и во всем, что окружает Шолохова, не изменилась, осталась в чем-то самом главном прежней. Несмотря даже на то, что, казалось бы, и сам дом уже другой: старый пострадал при гитлеровской бомбардировке Вешек.

Та же, что и четверть века назад, сразу охватывает в этом доме поэзия нераздельности жизни и творчества Шолохова с жизнью окружающих его людей и всей страны. Та же поэзия высочайшей ответственности художника слова перед своим народом и перед всем человечеством.

Тогда, почти четверть века назад, Шолохов писал «Тихий Дон». Теперь он пишет книгу о другой, недавней войне, эхо которой еще не умерло в сердцах у многих миллионов людей и будит по ночам инвалидов, безутешных матерей и вдов.

2

Вспоминается Вешенская зима 1939 года. Метель, в степи темным-темно. Из Миллерова до Вешек нужно ехать полтораста километров по белому бездорожью. Машины ходили редко, Вешки были тогда настоящей глубинкой. Но «Комсомольской правде», снарядившей к Шолохову своего корреспондента, нет до всего этого решительно никакого дела. Известно, что Шолохов заканчивает четвертую книгу «Тихого Дона», и очень важно знать хоть какие-нибудь подробности о том, какой все-таки будет конец, к какому «пристанет» берегу Григорий Мелехов. Читателей всей страны волновал тогда этот вопрос; трудно назвать другую книгу в нашей литературе, за окончанием которой каждый следил бы с таким, можно сказать, личным интересом. В Вешенскую шли сотни писем, требующих, чтобы Григорий Мелехов непременно оказался с красными. Но были и такие письма, в которых говорилось, что ему не может быть пощады. Или — или, третьего не дано.

И сегодня, когда литературные критики уже успели написать на эту тему целые тома, волнение читательского моря вокруг судьбы Григория Мелехова нет-нет и вспыхнет с новой силой, а тут и жизнь все время подбрасывает новый «материал» о месте личности в истории, в борьбе своего народа. А тогда все еще было так свежо, так остро, и отблеск времени, в которое жили Григорий, Аксинья, Наталья, еще не померк, еще падал на лица людей, на вехи событий. Еще и критики не успели привыкнуть к мысли, что к героям Шолохова тоже нужно подходить как к литературным героям, к художественным образам. Нет, не только искали прототипов Мелехова, не только изучали во всех подробностях биографию одного вешенского казака, который и внешностью и деталями своей военной анкеты был «ажник вылитый Гришка», но и всерьез ходили по следам самого что ни на есть «доподлинного» Григория Мелехова, которого, по словам одних, зарубили красные на Каменском мосту через Северный Донец, а по словам других, видели где-то на Кубани. В Москве разговоров об этом было не меньше, чем на Дону.

И легко понять редакцию молодежной газеты, которая привыкла получать информацию из самых первых рук. А для этого можно снять одного из своих военных корреспондентов и с фронта начавшейся тогда советско-финской войны. Кстати, интересно бы знать, что думает об этой войне и Шолохов. В Финляндии он бывал.

А Шолохов, еще совсем молодой Шолохов (ему тогда было 34 года), хотя уже и автор трех книг «Тихого Дона», первой книги «Поднятой целины», увидев на корреспонденте газеты красноармейскую шинель, и рта не дает ему раскрыть для нетерпеливого вопроса «Что будет с Григорием?», а сам начинает «брать интервью» вопросом: «Ну как там, на фронте?» И, охлаждая молодой, воинственный пыл корреспондента, начавшего рассказывать ему «военные эпизоды», он начинает вставлять в его восторженную реляцию свои скупые реплики. Да, в Финляндии он бывал, страна эта не такая, которую можно закидать шапками. Не будет эта война, как, может быть, думают некоторые, увеселительной прогулкой. При этом глаза Шолохова внимательно-сочувственно ощупывают красноармейскую шинель на своем собеседнике, как бы к чему-то примериваясь и встревоженно предчувствуя, что вскоре в такие шинели оденется весь народ. И поэтому совсем неохотно переходит потом он к разговору о Григории Мелехове.

Теперь, издалека, можно, пожалуй, правильнее понять, почему он тогда с такой неохотой говорил об этом. Тут дело не только в том, что Шолохов и вообще не любит распахивать свою душу, рассказывать о своих замыслах, давать интервью. Эта черта присуща ему и сегодня. Но тогда он только-только подходил к концу своего повествования о поисках, блужданиях и заблуждениях людей на дорогах первой мировой войны, революции и гражданской войны. И вот, оказывается, опять надвигалась на его страну, на его народ война. Он и на Западе до этого бывал и своим художническим взором проницал, какая это неизмеримо более жестокая, нежели предыдущая, должна быть война. Он, разумеется, не мог предугадать тогда, что вал ее докатится до самого Дона, вплоть до станицы Вешенской, и что гитлеровские летчики будут бомбить его дом, убьют его мать, но он то и дело возвращался в разговоре к Германии, к Гитлеру, он прерывал восторженные молодые реляции и складочка по складочке ощупывал взором солдатскую шинель.

Заканчивая к тому времени «Тихий Дон», вынашивая его заключительные, всем знакомые теперь, обжигающие сердце строки о том, как Григорий, утопив винтовку, перешел по ростепельному, мартовскому льду Дон и поднял на руки сына, Шолохов не мог не задаваться вопросом: а и в самом ли деле уже навсегда остались позади все самые тяжелые испытания для его родного народа, и не приближается ли вплотную тот самый час, когда уже Мишатке, сыну Григория Мелехова, придется надевать солдатскую шинель? Не потому ли с таким скорбным сочувствием и ощупывал ее тогда взором автор «Тихого Дона»?

Полотно романа, озарившего с такой силой бурную жизнь нашего народа в годы первой мировой войны, революции и гражданской войны, дописывалось Шолоховым в то время, когда новая грозная война уже стояла у границ нашей Родины.

И вот теперь, почти четверть века спустя, все в той же, хотя и неузнаваемо изменившей свой облик донской станице Вешенской, та же рука завершает первую книгу романа о новой войне, которую вынесло на своих плечах уже поколение М и ш а т о к. Никакого сравнения у этой новой мировой войны не может быть с той, первой мировой войной, на дорогах которой проходил суровую науку жизни Григорий Мелехов. И по своим масштабам и по своей природе это была уже совсем другая война. Развязанная германским фашизмом, она превратилась во всемирную антифашистскую войну, в которой главное бремя испытаний, страданий и усилий и главную долю победы история предназначала советскому народу. Так что же это за народ? И какой путь был пройден за это время Мишаткой, в чьи глаза с такой жадностью заглядывал после своего возвращения из трагических странствий в родной хутор Татарский его отец Григорий Мелехов? Что дало М и ш а т к а м, одетым в солдатские шинели, силу выйти победителями из этой поистине не имевшей себе равных битвы?

Уже «Судьбой человека» Шолохов, верный суровому реализму жизни, сказал, что, отвечая на страницах литературы на этот вопрос, нельзя отделываться ни полуправдой, ни умолчанием о горечи поражений и тяжести страданий, ни таким смакованием мрачных подробностей войны, взятых в изолированном виде от всеобщей картины народного подвига, когда эти подробности начинают затемнять величие самого подвига. Вот почему шолоховский рассказ о судьбе советского русского человека Андрея Соколова стал одним из лучших произведений о Великой Отечественной войне. Сквозь судьбу одного человека просвечивает судьба всего нашего народа в тяжелые годы.

В западной литературе есть произведение, с которым «Судьба человека» вступает в прямой философский спор о пределах человеческих возможностей в борьбе с мрачными силами зла,— это повесть «Старик и море» американского, теперь уже покойного, писателя Эрнеста Хемингуэя, о чьем мастерстве всегда с высоким уважением отзывается Шолохов. И вообще за жизнью и творчеством этого писателя, исполненными поисков и тревог, Шолохов всегда наблюдал с неослабевающим интересом. Автор «Тихого Дона» и «Поднятой целины», создававшихся не только по живым, дымящимся следам, но и в самом центре драматичнейших событий в жизни своего народа, и не мог иначе

◀ Горят туристские костры.
Фото Г. КОПОСОВА.

относиться к писателю, который не только являлся автором таких книг, как «Прощай, оружие», «Старик и море», но и сражался в рядах республиканцев в годы антифашистской войны в Испании и открыто приветствовал победу на Кубе народной революции, возглавляемой Фиделем Кастро. Шолохов считает, что личное, гражданское мужество писателя неотделимо от мужества его таланта.

Но этого еще мало. Мужество художника слова только тогда в полной мере сообщается его героям, когда лучом мужественного мировоззрения он освещает лежащие перед ними дороги. И Шолохов не скрывает, что своим рассказом «Судьба человека» он вступает в полемику с повестью «Старик и море», утверждая, что мужество человека, одухотворенного высокой целью и борющегося с силами зла не в одиночку, а вместе со всем своим народом, не может иметь пределов. Если Старик в единоборстве с тягчайшими трудностями сгибается, то Андрей Соколов, пройдя через неизмеримо более тяжкие испытания войны и потеряв все самое дорогое, что только было у него в жизни, все же находит в себе силу жить ради того, чтобы у его плеча вырос его Ванюша — его приемный сын — и стал достойным сыном своей Родины.

Это и есть реализм социалистический, реализм нового мировоззрения новой эпохи.

3

Теперь Шолохов вернулся и к тем главам «Они сражались за Родину», которыми зачитывались в окопах наши солдаты и офицеры, и, судя по всему, раздвигает замысел, границы своей новой книги. Конечно, только самому автору и дано проницать «даль романа»; тут невозможно ни предугадать, ни предсказать, какими дорогами пойдут в дальнейшем герои книги «Они сражались за Родину», хотя, скажем, читатель уже вправе заключить, что Лопахин и его друг Стрельцов отступают в то горькое лето туда же, куда в то время, отступая, стягивал свои силы и весь наш народ,— к Волге.

Недаром же еще в годы войны так часто приезжает Шолохов в город-герой на Волге, и теперь, в послевоенное время, он там свой человек. Недаром для жителей города-героя, для его рабочих, партийных работников, для бывших солдат и офицеров он такой же земляк, как, скажем, и для ростовчан.

Шолохов ездит по местам боев, встречается с участниками волжской битвы, поверяет свои наблюдения, впечатления и переживания военных лет наблюдениями, впечатлениями и переживаниями людей — непосредственных участников великих событий. Его видят на тракторном заводе, на переправах через Волгу и на дорогах в междуречье Волги и Дона. В дни строительства Волго-Донского канала его видят на стройке, он как бы хочет навсегда оставить в памяти эти столь дорогие нашему народу места, которые завтра скроются (и теперь уже скрылись) под водой, и воочию увидеть в облике нового канала, новой Цимлянской плотины и ГЭС и восставшего из руин города-героя с другой, еще более мощной, чем Цимлянская, ГЭС, осуществление тех лучших надежд, во имя которых отдали свои жизни защитники этой народной крепости на Волге, подобные тому безвестному пулеметчику, о котором Шолохов уже написал в первых главах своего нового романа: «...солдатская смерть смилостивилась, не изуродовала его, и он лежал, картинно раскинув руки, весь целенький и, словно звездным флагом, покрытый золотыми лепестками подсолнуха»; «мягко слетел на убитого парня молодой подсолнуховый цвет, коснулся его лица, как последняя земная ласка». Но тут же Шолохов и напомнит с беспощадной прямотой реалиста: «Может быть, это было красиво, но на войне внешняя красота выглядит кощунственно, оттого так надолго и запомнился... этот пулеметчик в белесой, выгоревшей гимнастерке, раскидавший по горячей земле сильные руки и незряче уставившийся прямо на солнце голубыми потускневшими глазами...» Напомнит об этом, как бы предостерегая и авторов будущих книг о войне, чтобы они не забывали, какую цену заплатил наш народ за победу над германским фашизмом. Не забывали о страданиях, о потерях, но и не омрачали сердца читателей таким нагнетанием ужасов войны, за которыми не остается уже и уверенности, что все-таки и впредь, как бы ни испытывала судьба человека, он, этот «человек несгибаемой воли, выдюжит, и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина».

Самого Шолохова в его произведениях никогда не покидает эта вера в исполинские нравственные силы советских людей. Даже перед лицом тягчайших обстоятельств не утрачивают они присущего им юмора. Даже в окружении самой смерти успевает заметить солдат Лопахин: «В теплом воздухе неподвижно висел смешанный прогорклый запах горелого железа, выгоревшего смазочного масла, жженого человеческого мяса, но и этот смердящий запах мертвечины не в силах был заглушить нежнейшего, первозданного аромата преждевременно вянущей листвы, недоспелых плодов. Даже будучи мертвым, сад все еще источал в свою последнюю ночь пленительное и сладостное дыхание жизни». И другой русский солдат, фронтовой друг Лопахина, растроганно удивляется: «И шелест ветра в сожженной солнцем траве, и застенчивая, скромная красота сияющей белыми лепестками ромашки, и рыскающий в знойном воздухе шмель, и родной, знакомый с детства голос перепела — все эти мельчайшие проявления всесильной жизни одновременно и обрадовали и повергли Звягинцева в недоумение. «Как будто и боя никакого не было, вот диковинные дела! — изумленно думал он.— Только что кругом смерть ревела на все голоса, и вот тебе, изволь радоваться, перепел выстукивает, как при мирной обстановке, и вся остальная насекомая живность в полном порядке и занимается своими делами... Чудеса, да и только!»

И не раз еще вместе со своими героями порадуется этому и автор романа «Они сражались за Родину». Порадуется, делясь своей радостью с читателями, вопреки утверждениям, что на страницах современной литературы уже не осталось места для этих простых земных радостей, для картин вечно обновляющейся природы, для того же пейзажа. Ничего этого в наш век в литературе не должно быть, только телеграфный стиль...

Нет, всем своим не блекнущим от времени творчеством Шолохов утверждает, что не может быть литературы, равнодушной ко всем простым и радостным проявлениям жизни. Даже в самые трагедийные моменты этой жизни человек остается человеком.

Вспоминается, как летом 1952 года Шолохов стоял на гребне Цимлянской плотины и на крутобережной Кумшатской горе. До этого он побывал среди строителей, встретился там и с одним своим вешенским земляком. Вдруг бросились друг к другу рабочий в спецовке и всемирно известный писатель, обнялись, и оба не смогли удержать мужских слез.

...Потом Шолохов молча стоял, смотрел, как вода, разливаясь, заполняет Цимлянскую впадину. К этому времени уже был засыпан проран через Дон и направлена в новое русло древняя казачья река, воспетая с такой силой на страницах созвучной ей книги. Уходили под воду займище, стены покинутых переселившимися на новые места казаками станиц и хуторов, и свежие, оставшиеся после только что отгремевшей войны, и старые могильные курганы. Степь, изрытая и копытами казачьих коней и гусеницами танков, на глазах становилась морем. Заливались, затягивались водой все отметины, шрамы и рубцы.

И на все это смотрел автор «Тихого Дона». Это в те дни вырвалось у него:

«По правобережью среднего Дона много их, сторожевых и могильных курганов. Древней границей стоят они на высотах Дона, как бы озирая и сторожа задонское займище, откуда некогда шли на Русь набегами и войнами хозары, печенеги, половцы. В течение веков по левому берегу Танаиса— Дона двигались с юго-востока полчища чужеземных захватчиков, и вехами по их пути, как нерушимые памятники древней старины, остались курганы.

Затоплена водой Цимлянского моря древняя хозарская крепость Саркел, разгромленная еще Святославом. И странное чувство охватывает душу, и почему-то сжимается горло, когда с Кумшатской горы видишь не прежнюю, издавна знакомую узкую ленту Дона, прихотливо извивающуюся в зелени лесов и лугов, а синий морской простор...

Здравствуй же, родное Донское море, созданное волею большевистской партии, которую она вселила в сердца людей нашей великой родины, вложила в их богатырские руки!»

И, скорбно прощаясь и радуясь, смотрел тогда Шолохов на этот синий водный простор, который все больше захватывал цимлянскую степь, покрывая и заравнивая последние островки суши. С тем тягостным, что навсегда уходило под воду, ко всеобщему удовлетворению и счастью людей, населяющих эту степь,— с бедностью, с неурожаями,—на сухих горячих супесках и песках, уходило дорогое, что навсегда привязало людей к этой неласковой земле: и пролитый на ней пот, и пролитая кровь в борьбе за лучшую жизнь, и неповторимость первой любви среди этих курганов, заливных лугов и серебряных верб, и отцовские, материнские, дедовские могилы. А еще больше солдатских братских могил, потому что за всю историю человечества еще не было такого сражения, которое недавно отгремело, отбушевало в этой степи в междуречье Волги и Дона. И на все это смотрел теперь автор еще не оконченного романа о солдатах этой войны, о том, как в этих самых степях они сражались за Родину. Уходили под воду избороздившие землю шрамы и рубцы, но из народной памяти и из его, шолоховского, сердца они уже не уйдут никогда. Они-то и ноют, и напоминают, и властно зовут поведать всем о том, как, сражаясь за Родину, не щадили себя эти одетые в серые шинели советские люди. И что же это за неслыханной прочности новые люди, если им после всех тягчайших поражений первых месяцев войны все-таки оказалась по плечу эта задача?

Не так просто ответить на этот вопрос. Не просто ответить на него в тех горячих красках, в живых картинах, в идущих от самого сердца словах, как обычно отвечает в своих произведениях на жгучие вопросы современности Шолохов.

4

Вот и не меркнет свет в окне дома, вознесенного над вешенским крутобережьем, в те поздние часы, когда давно уже погасли все другие окна в станице. Вот и темнеет, облокотившись на перила балкона, задумчивая фигура и в тот ранний час, когда рассвет еще только начинает зажигать восточный свод неба, начинает пламенеть изузбренная вершина вешенского соснового бора, а под крутобережьем Дон то и дело меняет оттенки — от совсем почти черного, темно-синего, медно-красного до зеленовато-серого, серебряного, а потом и совсем ярко-голубого.

Вот и уезжает Шолохов на Хопер. Есть там такие места, где привыкли видеть его с удочкой на берегу. И хоть страстный, умелый рыбак он, а другие рыбаки иногда удивляются, почему это Михаил Александрович не замечает, как давно уже дергается поплавок. Смотрит на него и не видит. Или же на ранней зорьке вскинет на плечо ружье и бродит по степи, по займищу, в приозерных камышах. Охотник он неутомимый, стреляет метко, но иногда и весь день молчит его ружье. Просто ходит и ходит, как бы солдатским шагом меряя степь. Иногда остановится возле высотки, изрытой ячейками старых окопов, извилинами траншей, обвалившихся, размытых дождями и буйно поросших шиповником, травой, но все еще сохраняющих свои очертания и даже глубокие вмятины на склонах — отпечатки танковых гусениц, орудийных колес. Змеится вокруг кургана старый ход сообщения, моток телефонного провода зацепился за пенек дерева, обглоданного артогнем... А иногда сверкнет в траве и россыпь патронных гильз. Тихо и пустынно там, где еще так недавно бурлили драматичнейшие из человеческих

страстей, и свинцового цвета бессмертники растут на земле, обильно политой молодой и горячей кровью. Так это же никогда не должно повториться!

Есть и на берегу другой казачьей реки, Урала, охотничий домик, где были написаны некоторые главы второй книги «Поднятой целины» и еще не опубликованные страницы романа «Они сражались за Родину». Там, на реке Урал, как и на Дону, как и повсюду, Шолохов находит бывалых людей, вчерашних солдат, и они находят его. Не об одной человеческой судьбе, опаленной войной, услышал он у охотничьего костра в ночной степи. Не о сурово-прекрасной судьбе одного человека в годы войны пишет теперь Шолохов — о сурово-прекрасной судьбе всего нашего народа.

5

Критики сказали бы, что это будет многоплановый роман. Это уже можно было почувствовать и по тем главам, которые появились в печати. Тот зарубежный критик, который, помнится, сразу же после войны писал, какой великой значимости и трудности отныне стоит перед литературой задача создания эпического произведения о минувшей войне, такого, чтобы оно могло стать в ряд с «Войной и миром» и «Тихим Доном», не просто так остановил свой первый взгляд на Шолохове, как наиболее вероятном авторе такой книги. Конечно, не исключено, что на небосклоне литературы могут появиться и новые таланты, которым окажется по плечу эта задача. Но несомненно, что только писателю, чье творчество, подобно творчеству Шолохова, является неотделимой частью души своего народа, и дано будет до конца постигнуть народный и международный характер этой войны против германского фашизма. Зарубежный критик не ошибся, утверждая, что это скорее всего должен быть советский писатель, потому что волею истории советский народ и оказался в самом центре войны и стал той решающей силой, без которой была бы немыслима победа над гитлеризмом.

Нельзя предсказать путей развития романа о тех, кто, сражаясь за свою социалистическую Родину, сражался и за освобождение от угрозы фашистского порабощения всех других народов, но можно воочию ощутить, с какой ответственностью относится Шолохов к осуществлению своего грандиозного замысла. И по опубликованным уже главам романа, и по характеру тех новых глубоких архивных и иных разведок, поисков, которые предпринимает Шолохов, и по той творческой атмосфере, которая окружает его все эти годы, царит в Вешенской, можно представить себе, что пишется эпический антифашистский и антивоенный роман о войне и что все шире раздвигаются автором границы первоначального замысла, как это уже было с «Тихим Доном».

С вышки умудренности новым жизненным и творческим опытом взор художника видит и дальше и глубже. Читателю опубликованных глав романа, может быть, представляется, что это будет книга только о солдатах, но, кто знает, не будет ли это также книга и о советских генералах и о советских людях в тылу... В «Тихом Доне» рядом с типами и характерами обобщенными действуют и невымышленные исторические личности — и это также в духе шолоховского творческого метода. Слушает Шолохов рассказы солдат — участников войны, получает от них письма и дневники — человеческие документы потрясающей силы, горячо интересуется судьбой одного генерала, человека трагедийной и героической судьбы, поверяет свои новые впечатления и наблюдения впечатлениями, наблюдениями военных лет... В дни войны его видели на многих фронтах — и под Москвой, и под Ростовом, и под Сталинградом, и в Германии. Отбирается самое существенное, главное, то, что выносил и выстрадал в своем сердце народ. Все время художник вслушивается в биение этого большого народного сердца.

И снова отблесками сурового времени освещаются страницы рукописи, над которой он склоняется в доме на вешенском крутобережье. О чем думает в эти часы уединения писатель? «В такие вот часы встаешь и говоришь векам, истории и мирозданию»,— писал другой русский гений, Владимир Маяковский. Не о том ли думает автор романа «Они сражались за Родину», что сегодня нет более высокой задачи для художника слова, как задача найти такие слова, перед которыми отступили бы зловещие тени новой войны, наползающие на лицо земли по не остывшим следам войны, только что отгремевшей? Еще только вступают в жизнь дети Мишаток Мелеховых, а ненасытный Молох капитализма уже угрожает сжечь их в гигантской термоядерной топке. И для того ли лучшие умы и сыны человечества прорубали окно в космос, чтобы рука Молоха забрасывала потом сквозь это окно на нашу землю водородную бомбу?!

Роман «Они сражались за Родину» пишется в то время, когда невиданно возросла ответственность писателей, всех деятелей культуры и науки перед веками, историей и мирозданием. Внуки Григория Мелехова не должны превратиться в пепел, и из облаков, проплывающих в небе, должен выпадать на землю не стронций-90, а чистый, благодатный дождь, после которого все так буйно зеленеет и плодоносит, все дышит свежестью, теплом, лаской.

Так где же и как найти эти единственные слова, перед которыми попятилась бы и навсегда уползла в свое железобетонное логово термоядерная смерть?

И недаром же Шолохов ищет не только встреч с советскими людьми, но и встреч с людьми за рубежами нашей Родины, с жадностью вслушиваясь, а что думают обо всем этом они, на что надеются и чего ждут от художников слова, от деятелей культуры и науки? Из своей страны он едет в другие страны. После войны он объездил Европу и посетил Соединенные Штаты Америки, а теперь собирается в Азию: его давно приглашают в Индию и в Японию. Его всюду встречают как чрезвычайного и полномочного посла советской культуры; его книги изданы на всех языках мира. Нет другого на земле писателя, к слову которого с таким вниманием прислушивались бы люди. Благодарная Англия набрасывает ему на плечи, как крупнейшему писателю-гуманисту современности, мантию доктора права.

— А жена советника нашего посольства, увидев на мне эту мантию, вдруг по-русски, по-женски разрыдалась,— с раздумчивой улыбкой вспоминает он теперь об этом у себя в Вешках.

Еще бы не разрыдаться от полноты самых противоречивых чувств хорошей русской женщине, с юности влюбленной в «Тихий Дон» и увидевшей теперь, как его автор, подчиняясь ритуалу, преклоняет колени...

За рубежом Родины Шолохов, быть может, с еще большей пристальностью всматривается в черты разных людей — и тех, на кого, как на своих союзников, могут положиться советские люди в борьбе за сохранение всеобщего мира, и тех человеконенавистников, которые в подземных штольнях Невады и в заоблачной космической сфере совершенствуют методы термоядерного уничтожения густонаселенных городов и целых стран, считая, что методы, применявшиеся ими при уничтожении мирного населения Хиросимы и Нагасаки, уже безнадежно устарели. На смену атомной бомбе пришла водородная бомба, а на смену обычной водородной бомбе — супербомба и космическая бомба. Откуда же, из каких «артезианских» глубин художнику слова извлечь эти единственные слова, которыми можно раз и навсегда разрядить зловещую бомбу?

Шолохов встречается на Западе с рабочими и премьер-министрами, с фермерами и президентами, с учеными и такими крупными писателями, как американец Джон Стейнбек, англичанин Чарльз Сноу. Приветствуя автора «Тихого Дона», Чарльз Сноу напоминает, что до Михаила Шолохова титула почетного доктора права в Англии был удостоен еще один великий русский писатель — Иван Тургенев.

Только из глубин человеческого моря, из недр народного сердца и можно достать эти единственные слова, так необходимые художнику слова и всем людям... Шолохова видят в Берлине и Париже, в Варшаве и Лондоне, в Праге и Риме, в Софии и Хельсинки, в Копенгагене и Осло, в Стокгольме и Нью-Йорке. И после этого — опять родные, милые сердцу Вешки в «шафранном разливе песков».

6

Он в полном расцвете сил, проницательности и мудрости своего таланта. Но, ох, как же еще плохо берегут эти его силы, как часто и дома, в Вешенской, и издалека, и устно, и по почте обращаются к нему с заявками вроде той, о которой сам Шолохов недавно с грустноватой усмешкой рассказывал своим избирателям в Ростове: муж не сумел удержать жену, разлюбила она его и ушла к другому, и вот теперь он требует, прямо-таки требует, чтобы писатель вернул ее обратно. Иначе какой же он депутат, слуга народа, если он не исполнит такого дела!

Конечно, в том, что к Шолохову обращаются тысячи людей со всех концов страны,— и великое признание народом его таланта, безупречности его авторитета, свидетельство той роли, которую играет в жизни нашего общества художник слова. Нет в мире другого писателя, который не только живет среди героев своих уже написанных и только замышляемых книг, в центре бурных событий народной жизни, но и сам является активнейшим участником, так сказать, героем этих событий; не только пишет книги о коллективизации, но и сам принимает участие в строительстве колхозов, не только своим пером защищая их от наскоков и подкопов врагов колхозного строя, но и лично на себе испытывая, что это такое вражеские наскоки, клевета, ограждая в годы нарушений законности от необоснованных репрессий колхозников, местных партийных и советских работников. Да, личное мужество писателя неотделимо от мужества его таланта. В 1937 году надо было высокой закалки совесть иметь, чтобы открыто добиваться реабилитации людей, которым приклеивались ярлыки врагов народа.

В неповторимо суровое время пришлось Шолохову писать «Поднятую целину» и четвертую книгу «Тихого Дона». Умом и сердцем не мог поверить он, что те самые, подобные вешенским коммунистам Петру Луговому, Петру Красюкову, Тихону Логачеву, организаторы колхозов, чей повседневный подвиг все время стоял у него перед глазами, когда он писал своих Семена Давыдова, Макара Нагульнова, Андрея Разметнова,— не мог поверить, что эти люди якобы могли свернуть на путь измены партии, пойти против взлелеянных ими же самими колхозов. Если им не верить, то, значит, перестать верить и самому себе. В письме одному из вешенцев в то время Шолохов так и писал, что в таком случае и он не может снять с себя ответственности за те якобы преступления, в которых хотят обвинить честных вешенских коммунистов, организаторов и руководителей колхозов.

Он не хочет своими литературными заслугами отделить себя от своих товарищей, с которыми сроднился, сросся сердцем в трудные годы коллективизации на Дону, оградить себя, как стенами, томами «Тихого Дона» и «Поднятой целины», в то время как вокруг его товарищей по партии возводятся совсем другие стены. Есть вокруг Вешек склоны курганов, опушки и полянки в лесу, которые слышали и такие слова, когда Шолохов в упор начинал спрашивать у шофера, делившего с ним скромную дорожную трапезу:

— Ну, а как ты-то, Василий, веришь, что Луговой, Красюков, Логачев — враги народа?

Шофер, знающий, что здесь ему нечего опасаться, твердо отвечал:

— Нет, Михаил Александрович, не верю.

— Вот и я так думаю,— веселея, говорил Шолохов.

Вешенцы помнят Шолохова того времени исполненным мрачной решимости. То, что он видел вокруг себя острым зрением художника, и его собственная вера в людей не позволяли ему ни на минуту смириться с тем неверием в человека, которым руководствовались нарушители революционной законности в те годы. Мог ли он, олицетворяющий собой и своим творчеством высокую честность нашей литературы и ее деятелей в глазах народа, с эпическим спокойствием склоняться в это время над рукописью, изредка посматривая на все, что происходило вокруг, из окна своего мезонина, голубеющего над станицей!

Однажды он уже решительно отодвигал в сторону рукопись «Тихо-

го Дона», чтобы, не уповая на «дистанцию времени», немедленно рассказать народу о том, как поднимается плугом коллективизации многовековая единоличная целина, и о том, какие же они и в самом деле непреклонные герои, эти Давыдовы, Нагульновы и Разметновы, которым партия доверила «чапиги» исторического плуга. Теперь он отодвигает в сторону неоконченную рукопись по другой причине: прежде чем герои смогут сойти со страниц жизни на страницы литературы, надо отвести от их голов руку беззакония и произвола. Немедленным вмешательством надо попытаться защитить героев, которые еще не успели стать героями литературы, живых... Если письменные обращения по этому вопросу до сих пор не достигали цели, надо все отложить как второстепенное, и ехать из Вешек в Ростов, в крайком. Какие могут быть более важные дела и соображения, когда речь идет о жизни людей! Если в Ростове, в крайкоме, не прислушаются или не захотят прислушаться, надо ехать в Москву, в ЦК.

И такова была сила убежденности Шолохова, сила его веры в людей, так высок был авторитет автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» в народе, что даже в то время к его голосу не могли не прислушаться,— опасность от невинных, честных солдат партии была отведена. Когда-нибудь и об этом еще будет написана книга: о гражданском мужестве писателя, сильного своими нервущимися связями с партией, с народом.

7

Эта донская станица является одним из центров литературной жизни и по праву того, что здесь живет крупнейший писатель современности, «великий советский писатель», как назвал автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» Никита Сергеевич Хрущев во время своего памятного — и не только вешенцам — приезда в гости к М. А. Шолохову, и по праву того постоянного, хотя и не декларируемого влияния, которое оказывает Шолохов на творческую жизнь в стране, на развитие литературы.

Это сложилось естественно, иначе и не могло быть. Его выступления по вопросам литературы всегда исходят из того, из чего исходит Шолохов и в своем творчестве: только неразрывная связь с жизнью оплодотворяет талант художника. Проходит время, и даже те, которых выступления Шолохова вначале поразили своей необычайностью, новизной, не могут отказать себе в желании перечитать то, что он говорил три или четыре года назад, чтобы насладиться образностью слова, неповторимым шолоховским юмором живой речи и убедиться, что прошедшее время подтвердило правоту его суждений. Уже сослужили несомненную пользу нашей литературе горькие и мужественные слова Шолохова, произнесенные с трибуны Второго всесоюзного съезда советских писателей: «Спору нет, достижения многонациональной советской литературы за два истекших десятилетия действительно велики, вошло в литературу немало талантливых писателей. Но при всем этом остается нашим бедствием серый поток бесцветной, посредственной литературы, который последние годы хлещет со страниц журналов и наводняет книжный рынок». С высоты взыскательнейшего отношения к своему творческому труду автор «Тихого Дона», «Поднятой целины» с дружеской нелицеприятной суровостью напоминает и другим литераторам о том, что самообольщение — смертельный враг таланта. «Медаль — это дело наживное, а книга — выстраданное». В то время когда влияние культа личности еще продолжало сказываться на литературном творчестве, кто-то — и не кто-нибудь, а тот, чей авторитет в литературе общепризнан,— должен был открыто и прямо произнести эти слова о сером потоке.

Почти не осталось крупного центра в стране, где бы Шолохов не побывал, где бы не встретился он с читателями и писателями. В Москве, в Военно-политической академии имени Ленина, он встречается с теми, с кем вчера еще встречался на фронте на подступах к Москве, к Дону и к Волге и с кем все еще продолжает идти по горьким дорогам войны — по страницам романа «Они сражались за Родину». В Ленинграде, на Кировском, бывшем Путиловском заводе, он встречается с теми, кто посылал в хутора, подобные Гремячему Логу, двадцатипятитысячников, подобных Семену Давыдову. В Киеве на третьем съезде писателей Украины он говорит о том волнении, которое охватывает его, когда он видит вокруг себя своих родных братьев — украинских писателей.

— Это чувство волнения, естественно, усиливается у меня еще и потому, что моя мать — украинка Черниговской области — с детства привила мне любовь к украинскому народу, к украинскому искусству, к украинской песне — одной из самых звучных в мире.

А в Алма-Ате на третьем съезде писателей Казахстана он произносит свои слова о том, что молодых писателей, литературную смену следует воспитывать подобно тому, «... как беркут воспитывает своих птенцов, когда они начинают летать. Подняв их на крыло, он не дает им опускаться, а заставляет набирать высоту и гоняет их там до полного изнеможения, заставляя подниматься все выше и выше. Только при таком способе воспитания повзрослевший беркут научится парить в поднебесье... Своих молодых писателей мы должны учить таким же способом, должны заставлять их подниматься все выше и выше, чтобы впоследствии они были в литературе настоящими беркутами, а не мокрыми воронами, не домашними курами. Но беркут не ломает крыльев своим птенцам, не умеющим или боящимся на первых порах подняться на должную высоту. Наша критика не должна и не имеет права «ломать крылья» начинающим писателям».

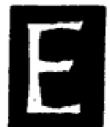
И после этого — опять Вешки. И сюда едут к нему молодые и немолодые писатели из Москвы, из Ленинграда, из Тбилиси, из Еревана и других отдаленных уголков страны. Идет в Вешенскую беспрерывный поток рукописей рассказов, повестей и романов. И это в дополнение к тем 70—100 письмам, которые вешенский почтальон ежедневно приносит в дом Шолохова. Идут письма от советских людей, идут из-за границы. И почти в каждом — исповедь, рассказ о сложной человеческой судьбе, обращение за советом и поддержкой. Приезжают редакторы литературных журналов, переводчики, композиторы, постановщики кинофильмов. Режиссеры и артисты уже прочно обжили Вешенский район, и местные старики теперь состоят при них в консультантах по поводу того, как раньше жили, как одевались, гуляли на свадьбах, обращались с конем и с шашкой донские казаки, как они «гутарили» и какие «играли» песни. Цветут на вешенских улицах лампасы киноартистов.

А тут приехали издатели из-за рубежа. А тут вслед за группой старых луганских большевиков, участников обороны Царицына, приехала группа донских писателей, и Шолохов открывает в конференц-зале Вешенского райкома партии литературный вечер, а потом допоздна засиживается с собратьями по перу у себя дома за большим разговором о литературе, о жизни. Во время разговора он вдруг встанет, обойдет стол, чтобы включить радиоприемник, послушать, обещают ли на завтра метеорологи дождь по северу области.

Из его слов явствует, что больше всего он озабочен правильным «беркутиным» воспитанием литературной смены. Его глаза суровеют, когда он заговаривает о тех мещанских поветриях, которые нет-нет и прихватывают крылышки некоторых модных литературных мотыльков. Спеша заработать себе дешевую популярность, они перепархивают с темы на тему, с предмета на предмет, ничего не узнавая до конца, занимаясь своеобразным литературным мародерством. Но без точного знания предмета, без выстраданности темы творчества не бывает. Настоящий художник руководствуется не надеждой на сомнительные лег-

ПОБЕСЕДУЕМ, ПОДУМАЕМ, ПОСПОРИМ

СЛЕДЫ ЖИЗНИ В

Есть ли жизнь на других планетах? Этот вопрос всегда занимал умы ученых и волновал воображение поэтов. Он стал особенно животрепещущим в наше время — в дни завоевания космоса.

Однако прямые доказательства существования жизни вне земли были получены совсем недавно ленинградскими учеными во Всесоюзном нефтяном научно-исследовательском геологоразведочном институте.

...Утром 18 июня 1889 года на глазах жителей в деревне Мигеи, бывшей Херсонской губернии (ныне Первомайский район, Николаевской области), упал метеорит. Его вес был около восьми килограммов.

Вот этим-то метеоритом и заинтересовались спустя более чем семь десятилетий ленинградские специалисты.

Что представляет собой метеорит «Мигеи»? Он содержит в основном черное, непрозрачное углистое вещество, в котором равномерно распределены мелкие шарики — хондры, состоящие из крупинок минерала оливина. Необходимо было разрушить шарики — хондры, обработать углистое вещество химическими реагентами и извлечь его в чистом виде, отделив от остальной массы.

На помощь пришел опыт технической обработки древнейших пород, из которых недавно стали извлекать растительные остатки. До этого такие породы считались «немыми». Теперь в них стали находить хорошо сохранившиеся микроскопически малые растительные остатки — главным образом оболочки одноклеточных водорослей и споры. Была установлена их поразительная способность выдерживать громадные давления и высокую температуру, сохраняться в породах при самых неблагоприятных условиях. Все эти обстоятельства навели на мысль заняться детальным исследованием пришельцев из космоса — метеоритов.

Кусочек метеорита «Мигеи» весом в пять граммов был раздроблен в ступке и затем обработан плавиковой кислотой для разрушения силикатных хондр. После этого исследуемый материал кипятился в крепкой азотной кислоте и в растворе марганцовокислого калия. Эти операции были только подготовительными. Отделение органических остатков остальной массы достигалось на электрической центрифуге в течение 10 минут при трех тысячах оборотов в минуту. Таким образом удалось отделить легкие органические остатки от тяжелых минеральных.

И вот долгожданный препарат лег под микроскоп. Постепенно вырисовываются какие-то сферические оболочки. Всего удалось обнаружить более двух десятков различных форм оболочек клеток. Все они состоят из органической материи. Оболочки имеют диаметр от 10 до 60 микронов, окрашены они в желтый, желто-серый и темно-серый цвета. Оболочки однослойные, различающиеся по толщине. Чаще всего они тонкие, иногда смятые в отчетливо очерченные складки. Поверхность оболочек гладкая, реже мелкобугорчатая. На одной из форм видно

кие лавры, а непреоборимым «не могу молчать». Доказательство этому и вся великая русская классическая литература и лучшие книги советских писателей.

Его глаза опять теплеют, когда он начинает говорить об этих книгах и их авторах. Обычно сдержанный на оценки, он щедр на похвалу, когда речь заходит о книге, отмеченной печатью неподдельного таланта. С интересом расспрашивает он о молодом рабочем поэте с «Ростсельмаша» Борисе Примерове, чьи стихи произвели такое хорошее впечатление на участников недавнего «форума писателей юга» в Ростове, и не может скрыть своего удовлетворения, узнав, что молодой поэт учится на вечернем отделении университета. И с явным огорчением говорит он об одном молодом прозаике, который, написав хорошую повесть о рядовом солдате, опубликовал потом недоношенную повесть из послевоенной жизни. Правда, тут же Шолохов замечает, что, быть может, в еще большей степени в этом виновата критика, которая не заметила настоящей талантливости первой повести писателя и не помогла ему увидеть и развить сильные стороны своего дарования. Более того, и редакторы из издательства немало повинны в порче автором своей второй книги. В литературу входил самобытный писатель, со своим видением жизни, со своим языком, а не знающие жизни советчики эту самобытность и постарались из него вытравить.

8

А на самом раннем рассвете в калитку к Шолохову опять постучит кнутовищем подводчица с хутора Максаева или с хутора Лебяжьего, приехавшая в Вешки за горючим для колхоза или за товарами для сельпо, но и не забывающая о своем личном интересе.

— Михаил Александрович, выдь-ка на-час, тут мне одну чудную квитанцию принесли за налог...

И Михаил Александрович выходит, разбирается вместе с нею в квитанции. А рукопись на столе ждет. Но и не может он позволить себе, чтобы человек его ждал. И в то время, когда он слушает слова колхозницы о налоге, он должен постараться, чтобы не ушли из памяти и те — единственные — слова, только что найденные им за письменным столом.

Но ведь такие же, как эта подводчица, и сотни, тысячи других людей, доверчиво открывающих перед ним свои сердца, и помогают ему находить эти слова. Все это и очень трудно, и так взаимосвязанно, и отнимает время, силы, и прибавляет сил.

А потом он и сам снимет трубку телефона и попросит зайти к нему Петра Ивановича Маяцкого, парторга производственного управления Вешенской совхозно-колхозной зоны. Петр Иванович Маяцкий — в недавнем прошлом секретарь одного из райкомов Ростовской области, а во время войны моряк. Флотский, обстрелянный парень. И за новое дело берется горячо, с умом, задумавшись прежде всего над тем, почему это в районах нынешней Вешенской зоны никогда раньше не задерживались специалисты сельского хозяйства: председатели колхозов и директора совхозов, агрономы, зоотехники, ветеринары. Повысить же культуру земледелия, поднять урожай, увеличить производство мясных и молочных продуктов можно только тогда, когда колхозы и совхозы обзаведутся постоянными кадрами хороших специалистов.

Шолохов доволен: парторг правильно понимает задачу. Что-то неуловимое сохранилось в лице, во всем облике парторга от моряка, так сказать, наследника людей, подобных Семену Давыдову. Везет Шолохову на интересных людей!

Беспредельна отзывчивость писателя, его повседневная заинтересованность в насущных делах и нуждах колхозников и партийных работников: в снабжении колхозов новой техникой, в организации новых совхозов, в облесении песков, в жилищном строительстве и в строительстве школ и больниц. Человеку, бывающему в Вешках не каждый год, сразу бросаются в глаза перемены. Протянулась нитка наплавного моста через Дон, надежно связав правый берег с левым. Сооружается новый кинотеатр. Строится новая дорога. Наконец-то северодонская «глубинка» перестанет быть глубинкой!

И во всем этом — огромная доля участия Шолохова, его труда, безвозмездно отданное на благо людей драгоценное время. А читатели ждут, они беспощадно нетерпеливы. Тем более беспощадно требовательны они к своему любимому писателю.

Иногда у него и у самого вырвется:

— А время-то уже накоротке.

Но и без всего этого, без этого повседневного слияния с окружающим, с надеждами, тревогами и нуждами людей он не представляет себе ни жизни, ни творчества. Так у него всегда было. Так, несомненно, будет и в дальнейшем. Не в этом ли и сила его таланта?! Шолохов не может перестать быть Шолоховым. Но и забывать о том, что Шолохов у нас один, не следует. «Они сражались за Родину» никто, кроме него, не напишет.

9

Возвращаясь из Вешенской на Средний Дон, долго едешь по изрезанной балками и перевалами степи дорогой, раздвигающей дремучую стену пшеницы, подсолнуха, кукурузы. Лето стоит буйное, сочное, яркое. Неслыханной силы бывают грозы, как будто артиллерийские огненные валы обкладывают ночное степное небо, беспрерывные молнии, сливаясь, освещают взлохмаченный ветром Дон, а из степи через станицы и хутора низвергаются в Дон бурные потоки, несут с собой глыбы глины и камни, а иногда и плетни, калитки, ульи. Но и солнца много, после грозовых ливней долго стоят жаркие, солнечные дни, а потом вдруг опять потянет прохладой, повеет освежающий ветерок, поднимет листья привянувший было подсолнух.

Озимая пшеница повсеместно уродила по 20, по 25, а нередко и по 30, на иных участках и по 40—50 центнеров с гектара. Конечно, сказались не только грозы и хорошие солнечные дни, а и то, что неоспоримо всеобщее повышение культуры земледелия, хотя самое главное в этом направлении и предстоит еще сделать. И донские виноградники предвещают редкий урожай, и сады, что называется, ломятся: черным-черно и красным-красно от вишен; лесные полосы, дворы в хуторах и станицах, пригородные сады в золоте абрикосов и жердел, ночью стучат по земле яблоки, падая с ветвей. Все уродилось в этом году на Дону, на Кубани — на всем юге, надо только по-хозяйски все убрать, сберечь, подсчитать и рассчитать. Да, и рассчитать. Донщина оказалась в состоянии в этом году продать государству хлеба столько, сколько она не продавала никогда, но ни в коем случае нельзя забыть и о том, что увеличилось в колхозах и совхозах стадо скота, необходимо оставить фуражного зерна и с учетом дальнейшего роста животноводства вплоть до урожая будущего года. Нельзя забывать ту истину, что стране нужны не только зерно, хлеб, но и мясо, масло, молоко. Не забывая уроков минувшей трудной зимовки, все это необходимо учесть, заглядывая вперед. Тем более, что хлеба уже продано государству неизмеримо больше, чем этого можно было ожидать. Щедрое лето было на юге, на Дону.

...И могучий талант любимого художника слова, как это буйное, полнозрелое лето. У читателей Шолохова впереди новые радости. Неувядающая рука снова и снова дотронется до самых мужественных, самых трепетных струн сердец, и они благодарно отзовутся ей звенящими, чистыми звуками.

НЕБЕСНЫХ КАМНЯХ

Б. ТИМОФЕЕВ,
кандидат геолого-минералогических наук

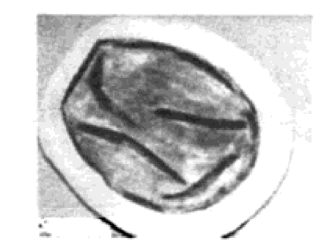
округлое отверстие — устьице, характерное для некоторых одноклеточных водорослей.

Многие из указанных находок могут быть сравнены с древнейшими на Земле ископаемыми одноклеточными водорослями (жившими более 600 миллионов лет тому назад), но их нельзя уверенно отнести ни к одной группе растительного мира нашей планеты. Это и не удивительно. Хотя живая материя повсюду состоит главным образом из углерода, азота, кислорода и водорода, формы жизни не могут не отличаться большим разнообразием на Земле и вне ее в зависимости от окружающих условий.

Обо всем этом мы рассказали на IV Всесоюзном астрогеологическом совещании, происходившем недавно в Ленинграде. Результаты исследований вызвали оживленное обсуждение и, говоря честно, некоторыми участниками совещания были восприняты скептически.

Но вскоре пришли известия о подобных же открытиях, сделанных учеными в других странах, например, канадским палеонтологом Франком Стаплином. Одноклеточные водоросли, споры и спороподобные образования были открыты им в четырех углистых метеоритах: в метеоритах «Оргей» и «Алэ», упавших во Франции в 1864 и 1896 годах, «Ивуна» (Центральная Африка, 1938 год) и «Тонк» (Индия, 1911 год). Интересно отметить, что в прошлом, 1961 году в метеорите «Оргей» были обнаружены углеводороды парафинового ряда (подобные тем, которые извлекают из пчелиного воска и кожицы яблок), а в метеорите «Миген» московским геохимиком Г. П. Вдовыкиным найдены битумы, близкие по составу к озокериту.

Появилось в печати также сообщение о находке в углистых метеоритах живых бактерий туркменскими учеными Ч. Байриевым и С. Мамедовым. Если в дальнейшем окажется, что эти бактерии действительно являются небесными пришельцами (а не земными поселенцами), то это приведет к оживлению взглядов о занесении жизни на Землю из других миров.

Так выглядят органические остатки, извлеченные из метеорита «Миген».

Фото автора.

На параде.

Нигер ды

Первое утро в незнакомой стране всегда полно нетерпеливого ожидания. Где-то в глубине души веришь, что именно этим утром встретишь нечто совершенно необычное. Немножко детское это предчувствие редко сбывается. Однако свое первое утро в Ньямее я долго не забуду.

Раньше я видел реку Нигер к югу от его слияния с голубой Бенуэ. Расшвырнув поворотом могучих волн скалистые холмы, он прокладывал последние километры пути к океану. Еще не оправившиеся от схватки с великаном гранитные скалы понурыми грудами лежат вдоль речных берегов. Кое-где они заросли лесом, а кое-где ветер вытачивает из них причудливые фигуры богов и героев местного эпоса.

Величествен Нигер в своей излучине, где вот уже много веков он воюет с Сахарой. Пески со всех сторон окружают реку, но, сотнями заводей и каналов обходя врага, Нигер оживает среди песков зелеными просторами рисовых и сорговых полей. У Тимбукту Нигер глубоко врезается в пустыню и лишь у Бурема, пройдя еще несколько десятков километров, решается он отступить, повернуть к югу.

Но нигде Нигер не прекрасен так, как у Ньямея.

С балкона моей комнаты открывалась широкая панорама: полотно реки, желтовато-серая саванна с плоскими холмами у горизонта, город, еле видный за кронами мимоз и акаций. Ветер дул с северо-востока, и над городом, рекой и саванной висело золотистое облако тонкой пыли. Ослепительное солнце тяжело поднималось над холмами.

Это был суровый пейзаж. Все крупно, значительно. В спокойном течении реки, в просторе саванны, в бескрайней широте неба было что-то эпическое, мужественное. Природа в этих краях сурова к человеку. Однако в людях здесь, должно быть, заключена еще большая сила, они должны обладать еще большей мощью, чем природа.

По пыльной дороге, проходившей мимо гостиницы, я спустился к реке. Прямо передо мной была переправа, где несколько грузовиков и десятка полтора пассажиров ждали парома. У длинных и узких пирог, чуть в стороне, трудились рыбаки. Рядом с ними стояли женщины. Их пестро раскрашенные лица напоминали маски.

Я долго стоял у переправы. Подошел паром, к нему с шумом метнулись люди, загудели автомашины. Куда вел этот путь?

Для большинства здесь был рубеж, граница, отделяющая родные деревни, где все было знакомо — и древние боги, и обычаи предков, и каждый клочок земли,— от широкого, незнакомого и, может быть, враждебного мира. От этого рубежа долгий путь вел на кофейные и банановые плантации Берега Слоновой Кости или на рудники и плантации Ганы. Сотни тысяч людей прошли этим путем.

Многие навсегда оставались на побережье океана, а те, кто приходил назад, приносили несколько кусков ткани в подарок родным и друзьям. Вернувшись, они не вспоминали о вынесенных унижениях, забывали о тяжести пройденной дороги и нелегком труде — это было и в родных деревнях; вечерами у семейных очагов они часами говорили о богатствах приморских городов, где люди живут в «поставленных один на другой домах», о заработках, о красоте тамошних женщин. И когда в сентябре кончались полевые работы, новые тысячи молодых парней, подвязав к поясу тыкву — флягу с водой из деревенского колодца, переправлялись через Нигер в поисках удачи...

Нигер у Ньямея.

Делает «тамтам».

Мечеть в Агадесе.

Пестрые циновки — украшение жилища.

ходит из берегов

Вл. ИОРДАНСКИЙ

Фото автора.

* * *

Американский журналист Джон Гантер, со скоростью метеорита объехав десяток африканских стран, изложил свои наблюдения «с птичьего полета» в громадном, больше чем на девятьсот страниц томе «Африка изнутри». Республике Нигер он посвящает ровно восемь строк. Право, было бы лучше, если бы он не написал об этой стране ни слова.

По своей территории республика в два с половиной раза больше Франции, а ее население чуть ли не в двадцать раз меньше. На севере страна начинается где-то у песков Алжира и Ливии, а на юге имеет общую границу с Нигерией и Дагомеей. Верхняя Вольта и Мали примыкают к территории республики с запада, республика Чад является ее восточным соседом. В зоне пустыни и сахеля (полупустыни) бродят кочевые племена скотоводов — туареги, берберы, фульбе, теда. Саванну заселяют земледельцы хауса, канури, сонгаи, джерма, много мелких племен. Многоязыкая, многонациональная страна, и восемью строками Гантера немыслимо удовлетворить интерес, который она вызывает.

Как началось для меня открытие Нигера?

Через несколько дней после приезда в Ньямей состоялся большой праздник. Караваны стекались к столице со всех уголков республики. На громадных белых дромедарах — одногорбых верблюдах — въезжали в город туареги, с лицами, затянутыми блестящими синими покрывалами. Медленно тянулась через столицу кавалерия фульбе, полтораста лет назад покорившая в священной войне — джихаде — страну земледельцев и язычников хауса и канури. Трубя в многометровые бронзовые трубы, мчались всадники в кожаных доспехах с притороченными к седлу щитами из гиппопотамьей кожи.

Мне вспомнилось, как когда-то я восторгался описаниями ловкости австралийских туземцев — охотников за страусами. Они приближались к осторожным птицам чуть ли не вплотную, замаскировавшись их оперением и тщательно подражая их движениям. На ньямейском празднике я видел охотников племени гурманче, мало чем отличавшихся от ловких австралийцев.

К головам охотников были прикреплены вырезанные из дерева головки и тонкие шеи королевского журавля. Охотники шагали, низко нагнувшись, деревянные шеи ритмично покачивались — словно шла цепочка живых королевских журавлей, редкой и осторожной птицы.

Стоявший рядом со мной французский журналист ежесекундно щелкал фотоаппаратом.

— Потрясающе! — воскликнул он, делая снимок. И снова произносил: — Изумительно!

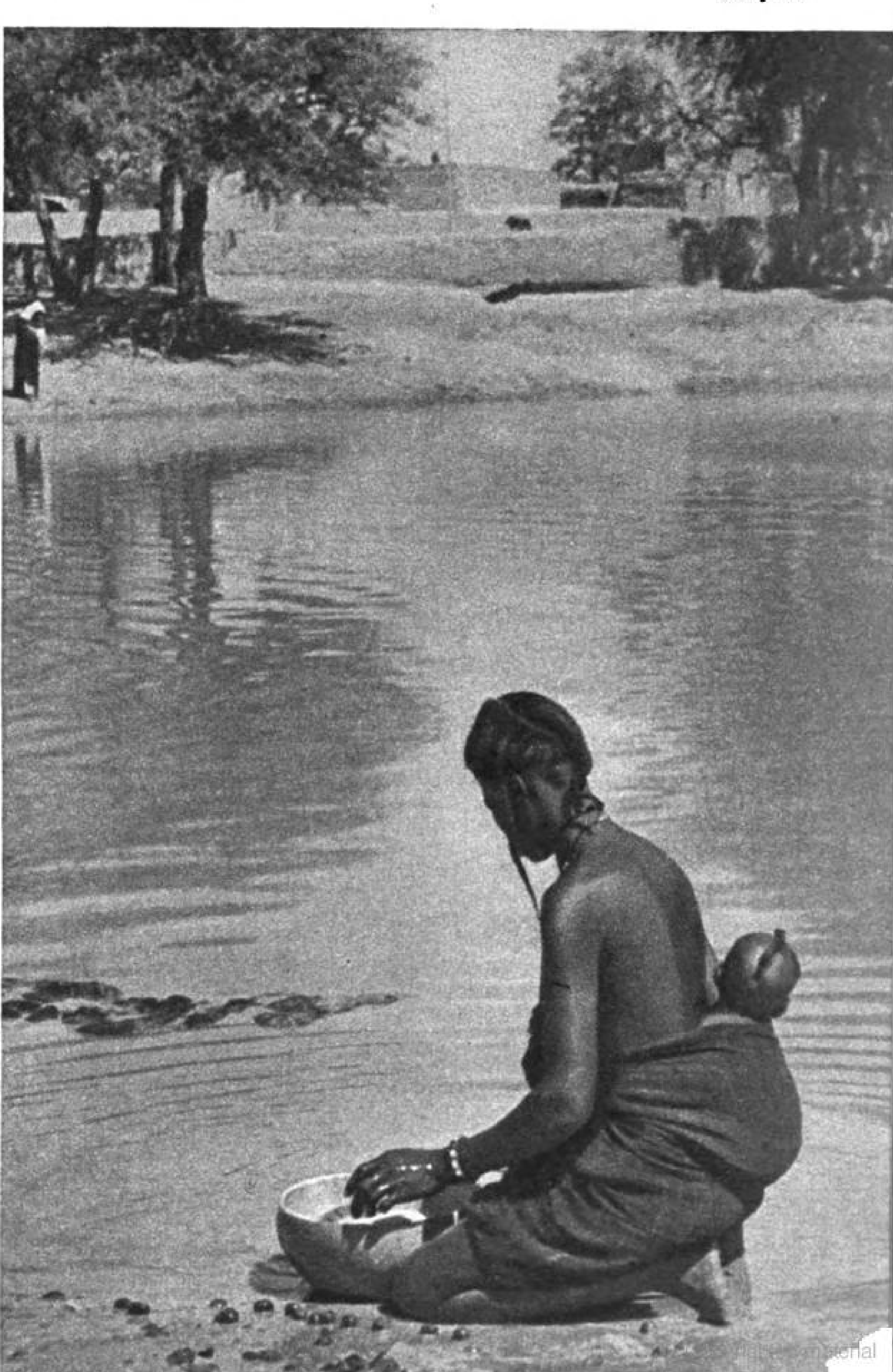
Но и самые восторженные возгласы не могут передать великолепия зрелища и его — иначе не скажешь — удивительности. Ведь перед нашими глазами развертывался не фильм из эпохи крестовых походов, нам показывали не «живые картинки» из быта давно исчезнувших народов. Нет, мы знали, что по городской площади проходили самые настоящие отряды султана Зиндера, верблюжья кавалерия аменокалов — верховных вождей туарегов Сахары, копейщики вождей джерма.

Вечером в ресторане я с недоверием вглядывался в сидевших вокруг меня людей в европейских костюмах; после виденного днем и эти люди и сам ресторан начали представляться мне чем-то нереальным и почти недостоверным на берегах великой, таинственной реки.

Этот праздничный день, вся красочность туарегской кавалерии, пестрота украшений были лишь лицевой стороной отстало-

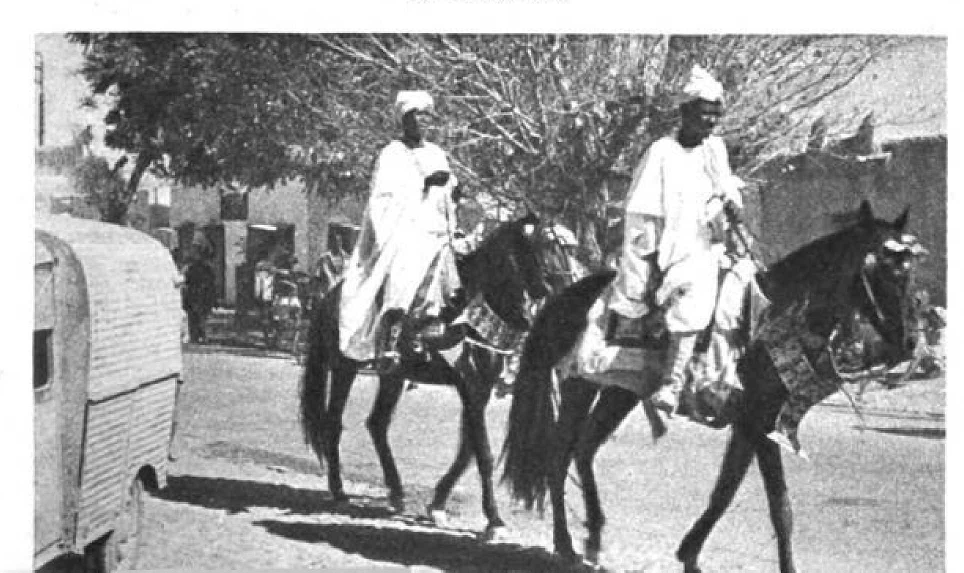

Торговля сувенирами.

Стирка.

На праздник.

сти страны, ее бедности, значительной даже по африканским стандартам. Три ремесленных училища, где учится меньше двухсот человек, ни одного сколько-нибудь значительного промышленного предприятия, ни одной железной дороги...

Пожалуй, нигде в Западной Африке не видишь так отчетливо, как здесь, каким мощным барьером на пути развития африканских народов был колониализм. В Дакаре мощь порта, небоскребы центра все же отчасти маскируют нищету жестоко эксплуатировавшегося сенегальского крестьянства. В Нигерии колониализмом была создана хотя бы сеть железных и шоссейных дорог (по которым вывозились богатства страны), есть кое-какие промышленные предприятия, рудники. Здесь же колонизаторы оставили после себя несколько военных баз, массовую нищету, повальную неграмотность. И только.

Когда едешь по дорогам Нигера, страна кажется бескрайней. Изредка путь может перебежать стадо жираф или антилоп. Ночами слышны вопли гиен, а охотники в придорожных деревнях знают повадки льва. Порывы ветра перегоняют по земле пепел, оставшийся после степных пожаров.

Деревни редки. Они окружены полями сорго или земляного ореха. В этих деревнях в круглых и квадратных, соломенных и глинобитных хижинах живут девять десятых населения страны. Именно эти люди, крестьяне-земледельцы и кочевники-скотоводы, заплатили самую тяжелую дань колониализму. Полуодетые, измученные, серые от пепла, устилающего их поля, они были на другом полюсе мира красочных копейщиков и всадников в снежно-белых тюрбанах. Они же и сердце этого мира.

Чтобы хорошо узнать жизнь этих людей, нужны годы.

Многие из европейцев, кого мне приходилось встречать здесь, говорили:

— Они счастливы. Конечно, они живут бедно, но ведь им почти ничего и не требуется.

Те, кто умнее, доказывали ту же мысль иначе:

— Посмотрите, как жизнерадостны их танцы, как расцветает ярким узором все, к чему прикасаются их руки! Разве несчастный, подавленный жизнью человек может породить столь жизнелюбивое искусство?

И потом впивались в мои глаза взглядом, ожидающим согласия с этим «сокрушительным» аргументом.

Талант народа... Вот тесный и безжалостно солнечный базар города Агадеса в Сахаре. В темных лавчонках, прижавшихся к стенам домов, сидят окруженные грудой товаров чернолицые торговцы. Они продают и серые плиты каменной соли, и длинные стальные копья с бронзовой насечкой, и сделанные местными мастерами тяжелые, серебряные, со стреловидными концами кресты — любимое украшение модниц пустыни. Медленно, молчаливо выбирают товар и долго и упорно торгуются туареги. Со стороны трудно понять, почему с такой внимательной тщательностью они перебирают седельные мешки, кожаные подушки, сбрую,— столь красиво, столь добротно все, что предлагает лебезящий торговец. Наверное, они видят что-то незаметное для чужого, не так наметанного глаза.

Действительно, красиво все, что создается нигерским ремесленником. Может быть, потому, что каждая линия орнамента, выбираемого ткачом для покрывала, каждый узор, которым горшечница украшает глиняные кувшины и миски, прошли многовековое испытание народного искусства.

Но счастливы ли здесь люди, правы ли те, кто упрямо уверял меня: «Этим людям мало нужно»?

Уже вернувшись из Республики Нигер, я встретил в окрестностях Такоради, портового города Ганы, крестьянина-джерма. Узнав, что я недавно был в его родных местах — небольшом городке Дассо, он стал относиться ко мне чуть ли не как к соотечественнику. В потемневшем от времени бубу, худой, морщинистый, он казался сделанным из ствола обожженного лесным пожаром дерева.

Взмахивая жилистыми руками, крестьянин рассказывал:

— Сначала я пробовал торговать. Поехал в Абиджан. Но товары кончились, деньги пропали.

— А здесь?

— Старейшина деревни дал мне за три фунта клочок земли в лесу. Когда расчищу его, посажу бананы.

Расчистить тропический лес — это мучительно тяжелый труд. Крестьянин показывал страшные мозоли на ладонях — да, он один рубил деревья, кустарники, выжигал заросли и перекапывал землю. Его жена, дети оставались на родине. Почему он сам приехал сюда?

— Ты же видел мою деревню. Земли мало, земля бедная. Здесь я могу заработать кое-что, привезти подарки жене, односельчанам.

Голос крестьянина дрожал от волнения при воспоминании о родных краях. И все-таки он уехал искать удачи на чужбине. Ему нужно немногое, но и это немногое не найти в родной деревне. Может быть, наступят лучшие времена?..

* * *

В Республике Нигер существуют две газеты. Одна печатается на ротаторе, выходит ежедневно и помещает главным образом правительственные сообщения и телеграммы агентства Франс Пресс. Вторая газета — еженедельник, и время от времени там публикуются обзорные статьи. Общий тираж двух изданий не превышает пяти тысяч.

Нигерцы гордятся своими газетами, и это понятно. Они первые печатные издания независимой страны, зародыш будущей большой прессы.

Пока же кто слышит голос этих газет и кто обращается к ним со своими мыслями? Они издаются на французском языке, чуждом и незнакомом подавляющему большинству населения. Лишь далекие отголоски будоражащих народ идей попадают на газетные страницы.

Впрочем, и во многих других африканских странах тот, кто желает узнать народные чаяния, лишь понапрасну потеряет время, роясь в газетных подшивках. На шумном деревенском рынке в разговоре с крестьянином, продающим несколько мешков арахиса, или в споре с молодыми парнями в полутемном и прохладном городском баре за немногие часы узнаешь больше о жизни страны, чем за месяцы блужданий среди библиотечных полок.

В этих краях самые повседневные слова имеют чуть иное содержание, чем у нас. Когда наш школьник рисует дом, он проводит несколько прямых линий и над крышей изображает клубы густого дыма. В тетрадях африканских ребятишек дом — это круглая хижина под коническим колпаком. Если нас спросить, что мы видим, если говорим «сельскохозяйственные орудия», в уме возникают плуг, трактор, жатка... Нигерский же крестьянин ответит: мотыга, тесак.

Многое из того, что ценно в глазах европейцев, не представляет никакого интереса для африканца. И наоборот. Часто европейцы не понимают этого и удивляются, если их речи и поступки оказываются истолкованными ложно. Они легко забывают, что обычно и сами не способны объяснить традиции и обычаи африканцев.

Как делать гарпуны для охоты на бегемота, легкие, хрупкие, с древком, ломающимся, как только острие гарпуна вонзается в тело животного? Какие обряды следует совершить при сооружении лодки, чтобы ее не смог ни расколоть, ни перевернуть разъяренный от ран бегемот? Где искать на реке редкого ламантина—пресноводного сородича тюленей?

Рыбаков сарко не зря называют «хозяевами воды». Они знают все, что можно знать о Нигере, проведя жизнь на его берегах.

Кузнец-джерма знает железо, из которого кует для деревни мотыги и ножи, так же как рыбак реку. Если он почувствует к встречному доверие, в словах его рассказа проскользнет обида на свое положение: его сторонятся, его труд считается нечистым, ни одна девушка деревни не согласится выйти за него замуж. Но кузнец может и намекнуть на свою тайную, магическую силу, возвышающую его над односельчанами, на знание древних и сугубо секретных способов принести счастье или горе всей деревне.

Он из презираемой и внушающей страх касты — «хозяин железа», без которого крестьянин будет беспомощен, а его поля не обработаны. Кузнец мечтает о равенстве, об уважении односельчан.

В деревне крестьяне будут говорить о земле. Они вспомнят о многолетнем споре с соседней деревней. Одни из крестьян с грустью помянут прошлое, те времена, когда старики по справедливости распределяли принадлежащую всей общине землю. Другие, что помоложе, расскажут о своей мечте получить собственный клочок бедной, выдуваемой ветрами земли. И вся деревня взорвется возмущением, вспомнив, что вождь не бросает попыток присвоить себе доверенные ему традицией общинные владения.

Земля, земля... Старики иногда удивляются, почему раньше ее хватало всем, а сейчас она словно сжалась, ссохлась от палящей жары.

Молодежь не помнит тех лет. Она видит, как лучшие поля расхватываются деревенской знатью, вождями, их приближенными, как остается свободной только дорога в изгнание, на побережье.

После многих и долгих бесед с крестьянами, с сельскими учителями, с работающими в деревнях чиновниками я начал понимать, что забота крестьян, деревенской молодежи о будущем общинных земель становится характернейшей чертой жизни страны.

Борьба вокруг земли все более четко и резко противопоставляет крестьянство и феодалов. В деревнях хауса, канури, джерма, сонгаи растет сопротивление произволу традиционных владык и их подручных. Требование покончить с феодализмом звучит и в городах, где профсоюзы, левое крыло правящей Прогрессивной партии Нигера добиваются от правительства решительных мер, чтобы искоренить пережитки прошлого. Влияние вождей сокращается, несмотря на все попытки феодалов возродить свой былой престиж.

Как-то вечером один из моих друзей пригласил меня совершить прогулку на лодках по Нигеру. Солнце садилось, оставляя на воде длинную серебряную дорожку, по которой и плыли две наши лодки. И вдруг у соседей кто-то сначала робко затянул «Полюшко-поле». Песню подхватили. Потом все вместе мы спели «Катюшу», потом зазвучала «Широка страна моя родная». Было что-то новое и чрезвычайно волнующее в этих песнях, с Волги долетевших до Нигера.

Когда песни затихали, вспыхивали споры. Говорили о будущем страны, о громадных трудностях ее обновления.

— Республика находится в полной экономической зависимости от Франции. Да и не только в экономической. Французские военные базы, французские торговые компании, французские чиновники — это большая сила,— рассказывали мои спутники.

— Но главная опора колониализма,— объясняли мне,— феодализм с его страхом перед происходящими в стране изменениями. Поэтому борьба крестьянства за землю, против местных угнетателей, оказывается, направлена и к полному национальному освобождению.

Мы возвращались, когда один из соседей обратился ко мне:

— Вы заметили, как быстро последние дни поднимается вода в Нигере, как быстро заливает она берега?

— Да. Но почему? Ведь дождей не было вот уже несколько месяцев. Сушь страшная.

Мой собеседник улыбнулся:

— Нигер у Ньямея выходит из берегов через четыре-пять месяцев после того, как у его верховий — в Гвинее и Мали пройдут дожди. Нужно время, чтобы вода докатилась сюда.

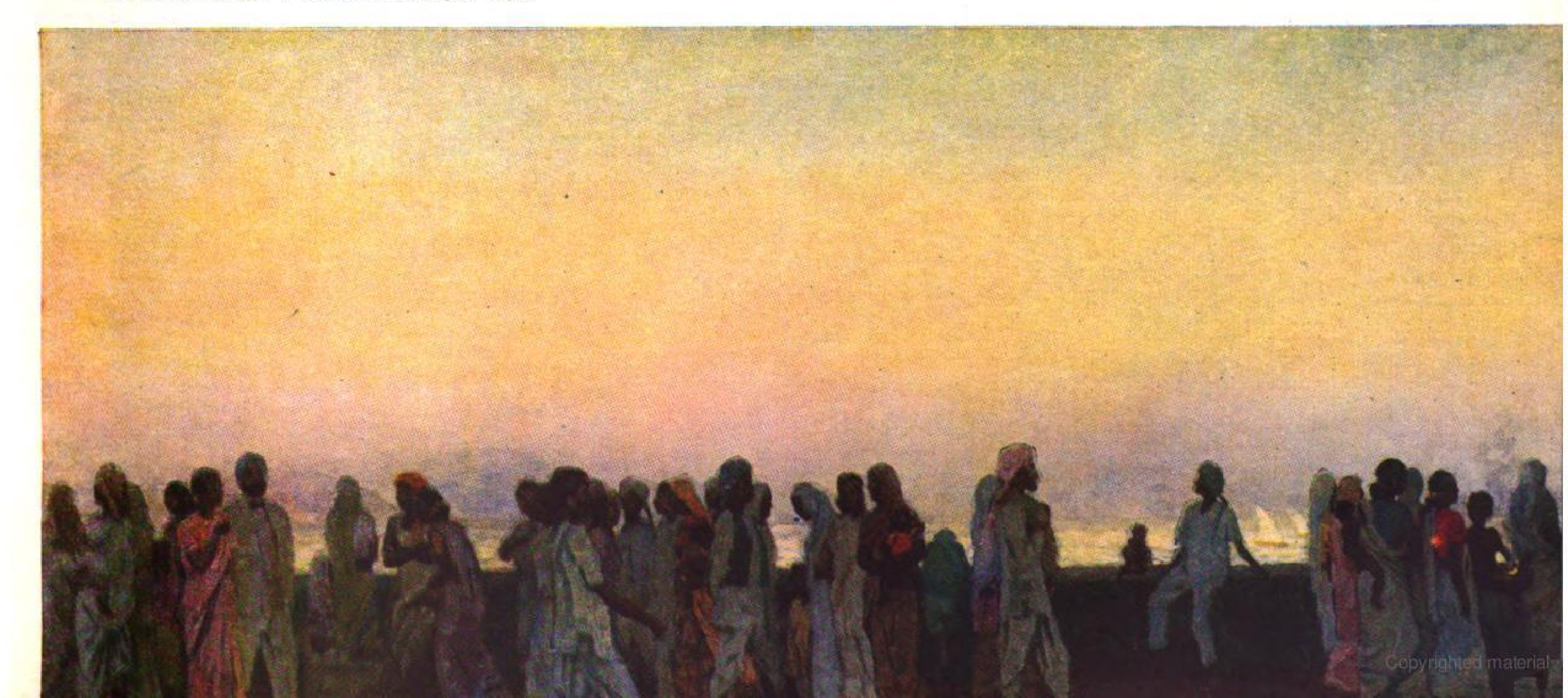
Тихо, словно боясь нарушить величавый покой реки, он говорил:

— Есть и в характере моего народа что-то общее с характером Нигера. Во многих африканских странах уже прошли грозы национально-освободительной борьбы. И вот наконец и у нас поток народной жизни все шире выходит из привычных берегов.

Он замолк. Бесшумно скользили лодки. Только в прибрежных тростниках журчала медленно прибывавшая вода.

С. Чуйков. ПЕСНЯ КУЛИ. 1959.

НА НАБЕРЕЖНОЙ В БОМБЕЕ ВЕЧЕРОМ. 1954.

С. Чуйков. ДОЧЬ СОВЕТСКОЙ КИРГИЗИИ. 1948.

КИРГИЗСКИЙ ПЕЙЗАЖ. 1946.

Сергей МИХАЛКОВ

Рисунки А. БАЖЕНОВА

ПЕТУХ-ТУНЕЯДЕЦ

Жил-был Петух — страшный лодырь. А жить хотел лучше всех.

Присмотрел себе Петух маленький, чистенький домик, в котором жили белые козлята, и попросился к ним жить:

— Пустите меня к себе на лето! У вас места хватит!

Добрые козлята согласились.

Переехал Петух к козлятам. Козлята целый день что-то делают: землю копают, цветы сажают, двор подметают. А Петух сидит на крыше, щелкает подсолнухи и плюет шелуху вниз. Не успевают козлята за ним прибирать.

Высадили козлята цветы в саду, а Петух всю клумбу разрыл — червяка себе искал...

Вырастили козлята два маленьких деревца. А Петух без разрешения повесил между ними гамак. Деревца сломались и засохли.

А по ночам, когда ему не спалось, вдруг начинал петь. Петь он не умел, и от его кукареканья козлята просыпались и не могли уже больше заснуть.

Однажды козлята сделали Петуху замечание, а он сразу полез драться:

— Что вы ко мне придираетесь! Какое ваше дело: я не в доме кукарекаю, а на крыше. Крыша — это место общего пользования!

Посоветовались козлята друг с дружкой и решили выселить Петуха из домика! «Если он такой лодырь, ничего не делает, ничем нам не помогает, то нечего ему тут жить! Пусть убирается куда хочет».

Сказано — сделано. Выгнали козлята Петуха из домика. Попытался он сопротивляться, но козлята не сдались и настояли на своем.

И живут теперь белые козлята дружно и спокойно. Никто им не мешает. Растут у них цветы на клумбе. Ожили, поправились деревца возле домика. А Петух сидит на старом заборе и всем, кто мимо идет, жалуется, как его козлята обидели.

ЗЕРКАЛО

Жил-был один Носорог. Он имел привычку над всеми издеваться.

— Горбун! Горбун! — дразнил он Верблюда.

— Дяденька, достань Воробушка! — смеялся он над Жирафом.

— Эй, толстокожий! — кричал он Слону.— Где у тебя нос, а где хвост? Что-то я не разберу!

— И чего это он ко мне пристает? — удивлялся добродушный Слон.— Хоботом своим я доволен, и он вовсе не похож на хвост!

— Это я урод? — возмущался Верблюд.— Да будь у меня на спине два горба, я был бы еще красивей!

— Сам-то он больно хорош! — откуда-то сверху сказал однажды Жираф.— Пусть на себя полюбуется!

Достали друзья зеркало и пошли искать Носорога. А тот как раз к Страусу приставал:

— Эй, ты, недощипанный! Голоногий! Летать не умеешь, а птицей называешься!

От обиды бедный Страус даже голову в песок спрятал.

— Послушай, друг! — сказал Верблюд, подойдя поближе.— Неужели ты сам себя красавцем считаешь?

— Конечно! — ответил Носорог.— Кто же в этом сомневается?

— Ну, тогда посмотри на себя! — сказал Слон и протянул Носорогу зеркало.

Посмотрел Носорог в зеркало и захохотал:

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо! Что это еще за уродина на меня смотрит? Что у него на носу? Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!

И пока он смеялся, глядя на себя в зеркало, Слон, Жираф, Верблюд и Страус поняли, что Носорог просто глуп, как пробка. И они перестали обижаться на все его насмешки.

ВЕРА МОЯ

Венедим СИМОНЕНОК

...Был вечер войны.
Было горелое небо,
Красный
Высокий и мутный
Душный пожар горизонта,
Красная пыль,
Обжигающая пламенеющей поземкой
Мои солдатские ноги.
Пахло пеплом,
Жженым железом,
Горечью отступления,
Кухня полевая
Дымила
Дымом горящих сел!..

Но, нетерпимый к неверию,
Я смеялся в лицо ему,
Непреклонно и дерзостно
Верил в победу,
Шел
И пришел к ней,
И обступил меня
Свежий шелест берез!..

Вера моя
Неотторжима от Родины,
И нельзя истребить ее,
Как нельзя истребить
Свежий шелест берез!

г. Дмитров.

БРАДОБРЕЙ БОНАПАРТА И СОЛДАТЫ БУНДЕСВЕРА

Начало этой истории восходит еще к тому времени, когда войска императора Наполеона удирали домой после разгрома в России. Предприимчивый немецкий брадобрей, некто Луи-Филипп Кольб, бежал вместе с ними из своего родного городка в надежде разбогатеть во Франции. История умалчивает, сопутствовала ли на чужой земле немецкому цирюльнику удача. И вряд ли о нем когда-нибудь бы вспомнили, если бы не... нынешний президент Франции.

Выступая с речью в Штутгарте во время поездки по Западной Германии, генерал де Голль, видимо, желая объяснить аудитории причины своих проникновенных чувств к идее франко-боннского сердечного согласия, сообщил: «Личные связи существуют между мной и вашей замечательной страной. Один из моих предков, Луи-Филипп Кольб, родился в Гретцингене, недалеко от Дурлаха».

Оказывается, не зря все же сорокалетний Кольб оставил свое насиженное гнездо. Особенно если учесть, что его германские потомки дальше мелких коммерсантов так и не пробились у себя на родине. И им, конечно, вдвойне приятно сознавать, что их кузен, достигнувший таких высот, вспомнил о «личных связях»...

Французский журнал «Пари-матч», поведавший миру всю эту историю, умолчал о других западногерманских «родственниках», правда, не фигурирующих в генеалогическом древе французского президента. Ведь если быть до конца последовательным, то к опубликованным в «Пари-матч» снимкам довольных Кольбов, пьющих французское шампанское, надо было бы присоединить и фотографии тех, кто, пожалуй, имеет больше оснований радоваться франко-боннским «личным связям». Альянс де Голля с западногерманской военщиной для него куда важнее, чем отношения с Кольбами. И если поспешившие в Париж «кузены» из Гретцингена остались стоять перед Елисейским дворцом, то другую свою «родню» из ФРГ — Аденауэра и его коллег в генеральских мундирах — французский президент принимает весьма охотно.

Такого еще не бывало: рейнские ворота во Францию распахнуты настежь. И шагают в них солдаты бундесвера. Вполне возможно, что кто-нибудь из западногерманских реваншистов «по-родственному» предъявит претензии и на президентское кресло Франции.

История с западногерманскими «родственниками» еще не дописана...

Л. АНДРЕЕВ

Перед Елисейским дворцом: «Мой генерал, это мы, кузены из Германии».

Фото из журнала «Пари-матч».

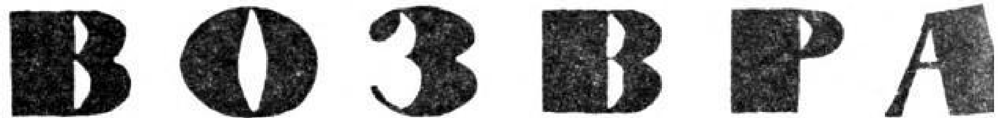
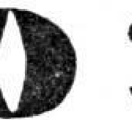
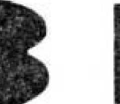
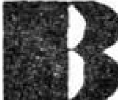

Здравствуй, земля родная!

А. СЕРБИН

Фото А. УЗЛЯНА

«...Мать-Россия,
Мать-Россия,
Мать — российская земля!..»

Из старой казачьей песни.

Несколько дней назад Щепелеев Лефер Потапович стал дедом. Сноха, жена старшего сына (Лефер Потапович — глава большого семейства, у него одиннадцать человек детей), подарила деду внучонка, шустрого и здорового.

За двести пятьдесят лет Щепелеев-внук был первым в этом казачьем роду, кто появился на свет на русской земле. С тех пор, как в начале XVIII века потерпело поражение казачье восстание под руководством Кондратия Булавина, как погиб сам Кондратий и один из соратников его, Игнат Некрасов, увел остатки булавинцев, спасая их, с родины на чужбину, в Турцию, никто из Щепелеевых не видел родной земли. Только пели о ней в старинных песнях.

И вот вернулись казаки!..

И Щепелеевы, и Саничевы, и Гаврилушкины, и Бокачевы — вернулись все, кто никогда не забывал об отчем крае, кто мечтал увидеть широкое небо над ним, вдохнуть воздух Родины.

Вернулись — и не оказались ни лишними, ни забытыми. Уже расселились все — тысяча человек — по трем совхозам Ставрополья и работают. Работают отлично.

Государство помогает казакам. Получили они по триста рублей новыми деньгами на главу семьи и по шестьдесят на каждого ее члена. И построиться будет не трудно: каждому семейству на льготных условиях отпущен кредит — по две тысячи. Половину этой суммы государство дает казакам безвозмездно.

В винодельческом совхозе «Левокумский», где живут теперь 498 казаков (считая и Щепелеева-внука), вновь прибывших встречали хлебом-солью. Пионеры вышли к ним с цветами. У казаков заблестели на глазах слезы, покатились по бородам.

— Как сынов встретила нас наша матушка, Россия наша! — рассказывал Василий Порфирьевич Саничев, один из инициаторов возвращения на Родину.— А там, в Туречине, все нижело и нижело наше житье.

Нелегко дались эти два с половиной столетия оторванным от Родины казакам.

Жили они все вместе в одном селе, недалеко от Мраморного моря. Село называлось Иски козаклар — Старые казаки. Пахали землю на быках, чуть ли не до самых последних дней — сохой. Сеяли из лукошка. Были среди казаков «рыболовцы». Большое озеро около села принадлежало, однако, не им, а государству, и богатые турки арендовали его и нанимали казаков ловить рыбу.

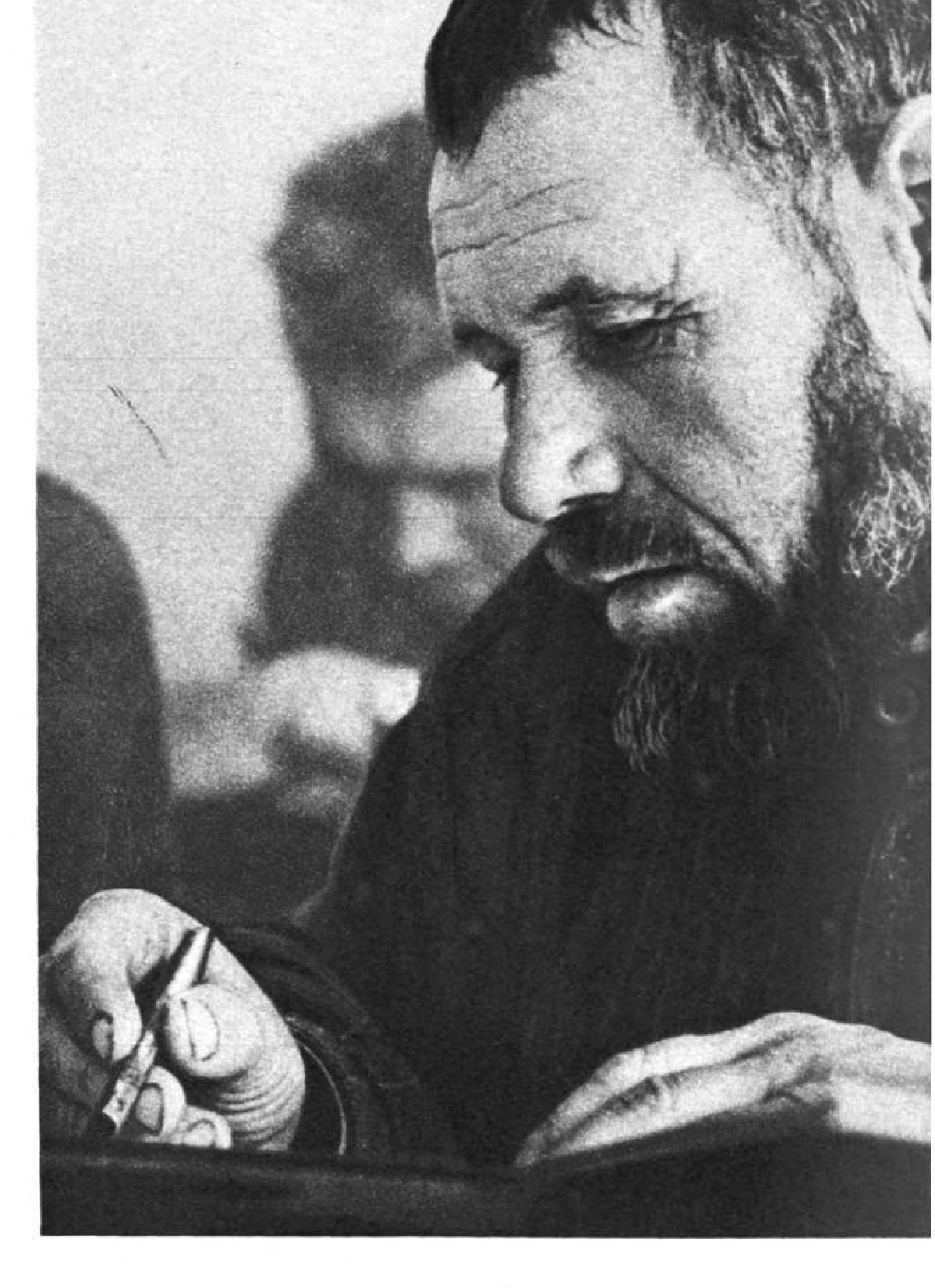
— Рыбы в озере много, да не стоит ничего,— говорит Щепелеев-дед.— Хозяин его снимет да и сдает его нам по двадцать копеек с кила, а сам по рублю продает. Он богатый, мы работаем, работаем, а денег все нет...

Не было в селе электричества, о кино знали только те, кто бывал в городе. В последнее время в селе появилась начальная школа. Это был предел образования.

Преподавали в школе на турецком языке. А о русском и речи не было. Среди тех, кто вернулся, немало таких, кто по-русски не умеет ни читать, ни писать. Но знают русский все. И хотя язык этот со старинными оборотами и словами не всегда и поймешь сразу, казаки привезли его как гордость свою, сохранили как доказательство своей любви к Родине.

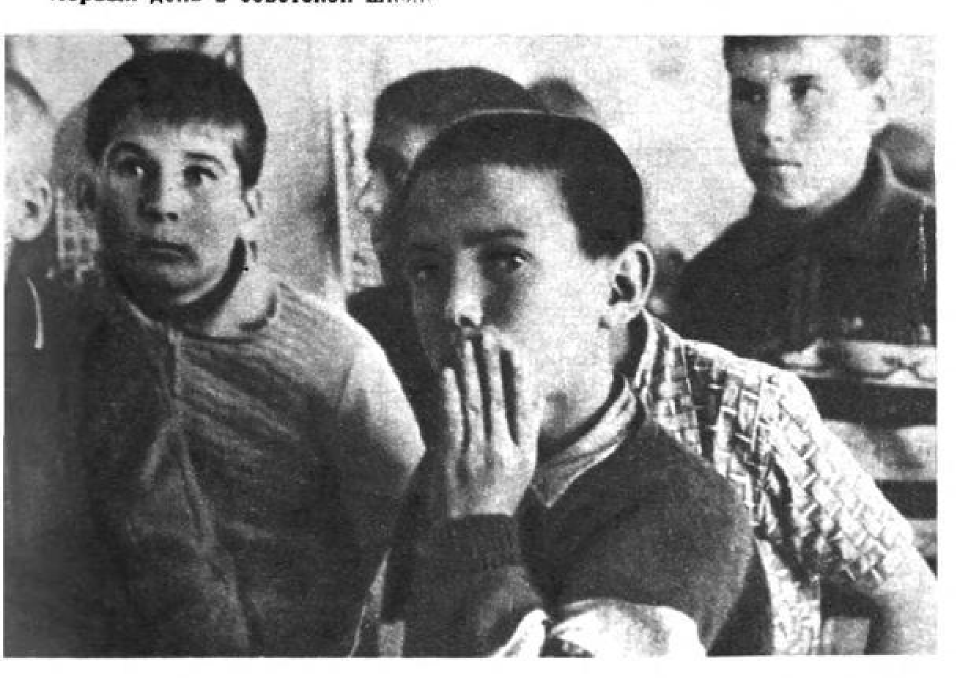

Здесь пашут не на волах.

Щепелеев-дед сел за парту.

Первый день в советской школе.

ЩЕНИЕ

А любовь эту пытались убить. В двадцатых годах этого века всем казакам поменяли русские фамилии на турецкие. И стали Беликовы — Варолами, Саничевы — Акелами, Бырыкины — Бираями. Поменяли даже и название села Старые казаки. По-новому оно стало Коджа гёль — Большое озеро.

Но все равно помнили о Родине русские люди. И за закрытыми дверьми отец учил сына по псалтырю русскому языку. У Саничева собирались мальцы, чтобы узнать премудрость русской грамоты. Когда о «подпольных» уроках узнавали власти, то приходили в дома с обыском, ища русские книги...

— По тревоге жили,— напевно говорит Василий Порфирьевич.— Был у нас старик, Петром звали. Когда проведали, что он деток учит русскому языку, взяли его жандармы. А как отпустили, так через двадцать четыре часа он и помер. И других забирали и тоже били. Все-то обиды припомнишь ли?.. Обидят, а жаловаться толку нет: все равно виноватым окажешься...

В числе вернувшихся Алексей Атаманов, тридцатилетний красавец, широкоплечий, высокий. В Турции он и на земле потрудился, и в армии турецкой отслужил, и в городе поработал. Жизнь повидал. Как услыхал, что казаки затеяли возвращаться, приехал назад в село, чтобы со всеми вместе отправиться в родные края. Он говорит так:

— Ведь в Турции-то я как ходил? Вот как я ходил.— Он пытается ссутулить свои широкие плечи, пригибает голову.— Чтоб не ворохнуть кого. А тут? Тут я вот как хожу! — Алексей распрямляется, смотрит весело.

...Два с половиной века прожили казаки на чужой земле, но так и не вжились в нее. Вести с Родины в последние годы стали приходить чаще. С жадностью ловили новости, хотя и нелегко было узнавать правду о Советском Союзе. С каждой весточкой с Родины сильнее становилось желание вернуться.

Путь этот оказался непростым. Когда стало известно, что казаки решили уехать, в селе появился некий православный священник Кирилл. В церкви он стал уговаривать казаков отказаться от своих планов. Пропаганда «святого отца» была нехитрой, приемы потрепанными. Он говорил казакам, что-де в Советской России не будет у них ни жен, ни детей, что придется им нищенствовать либо умирать с голоду. Пугал-пугал, но никого не испугал и, разозленный, уехал. Видели казаки на улицах своего села и каких-то дам из «толстовского фонда», которые пытались убедить казаков, что если и нужно куда-нибудь уезжать из Турции, то только в Соединенные Штаты или в Канаду. Но дамы эти даже не нашли кого-нибудь, кто бы захотел беседовать с ними.

...Вернулись казаки; новая жизнь для них только начинается. Им предстоит многое узнать. И старым и молодым.

Мы разговаривали с двумя юными потомками булавинцев. Одного из них звали Аверьяном, и было ему лет шестнадцать, другого, помоложе,— Иваном.

— Слышали ли вы что-нибудь о Гагарине, ребята? — спросили мы.

— Не-ет...— неуверенно протянули оба.

— А про спутники?

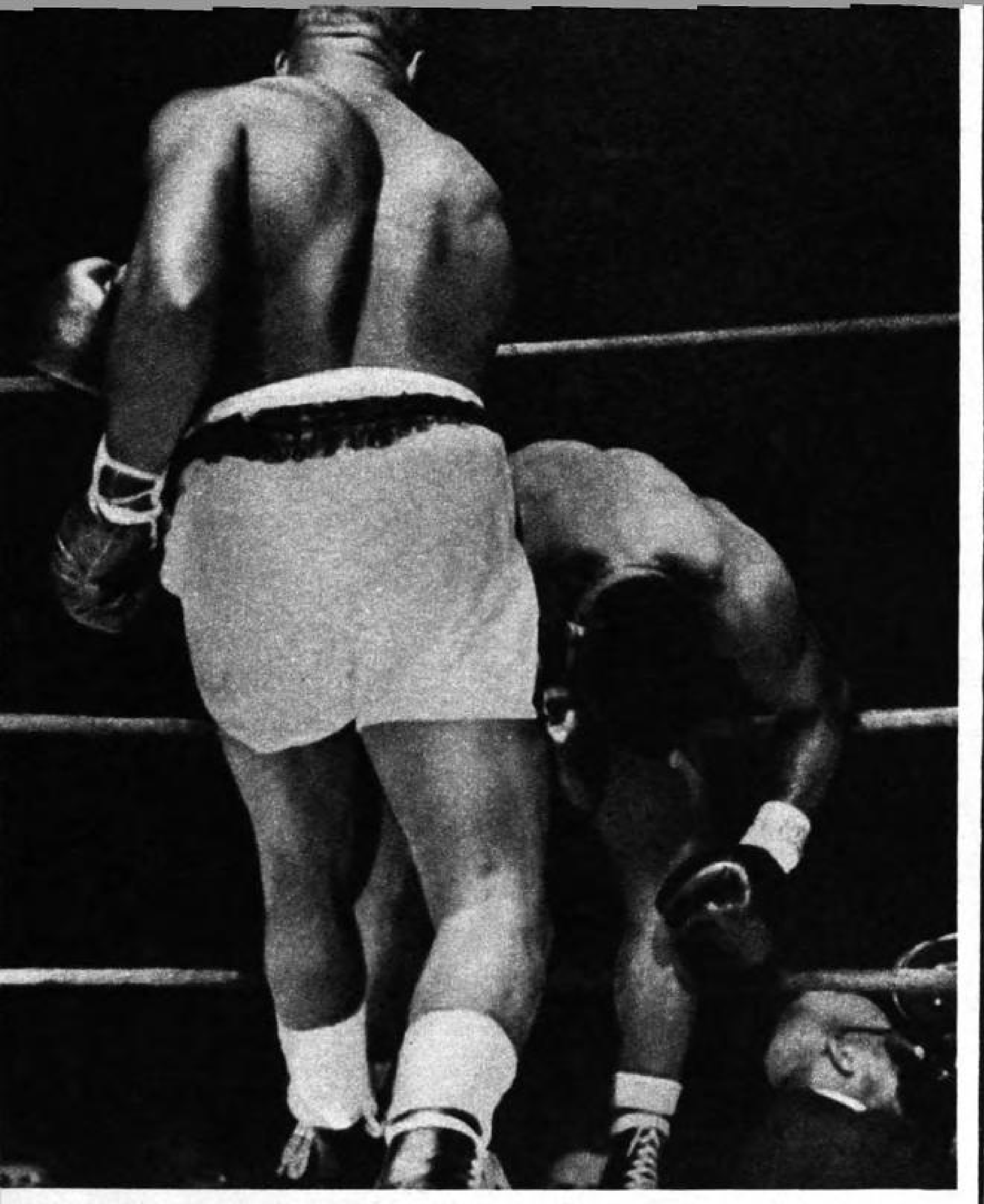
— Не слыхали...

— Неужели ничего не знаете о том, что люди вокруг Земли летают?

— Нет. Слыхали вот, что будто ктой-то на месяц летал.

Эти ребята учились в турецкой школе.

Теперь они начали ходить в советскую школу. Они узнают и о прошлом своей Родины и о новой ее славе. И будут любить ее так же крепко, как их отцы, еще крепче, чем отцы.

Сейчас последует удар — и Сонни Листон станет чемпионом мира...

Фото ЮПИ.

Нокаут в Чикаго

Улица — тюрьма — ринг. Такова вкратце биография нового чемпиона мира по боксу в тяжелом весе среди профессионалов Чарльза Листона. Всего лишь 126 секунд продолжался его бой на ринге чикагского парка Комиски против прежнего чемпиона мира Флойда Паттерсона. Молниеносным ударом левой в челюсть Листон послал своего соперника в нокаут и стал сильнейшим профессиональным боксером мира.

Нового чемпиона обычно называют не по имени, а по кличке «Сонни» («Сынок»). Это могучего сложения человек весом в 214 фунтов (около ста килограммов). Он неграмотен. Девятнадцать раз его арестовывали за кражи и драки, сопровождавшиеся тяжелыми увечьями, дважды приговаривали к тюремному заключению. «Я с детства привык воровать и бить направо и налево» — так он рассказывает о себе.

Листон, как и Паттерсон, вышел из «конюшни» Фрэнки Гарбо — босса гангстерского синдиката, хозяйничавшего в течение многих лет в профессиональном боксе Америки. Этот синдикат, как выяснилось в ходе специального судебного расследования, решал не только вопрос, где и когда будут проходить бои на звание чемпиона мира, но и определял, кому быть чемпионом. Все без исключения американские чемпионы мира состояли на службе у банды гангстеров, прикрывавшейся вывеской «Международного клуба бокса» («Интернэйшнл боксинг клаб»).

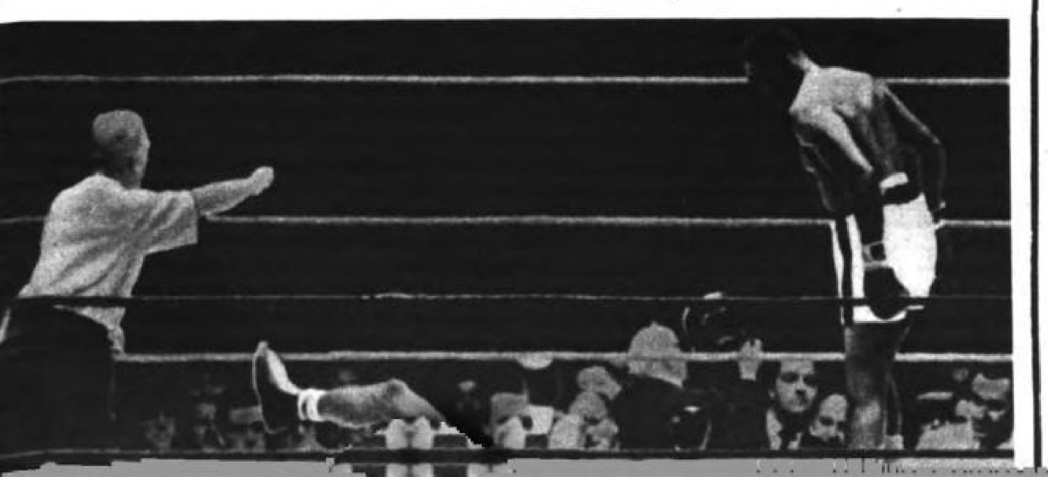
С помощью шантажа и террора каждого нового перспективного боксера гангстеры заставляли работать на себя. Если боксер пытался возражать, в дело вступали молодчики из «отряда убийц». Впрочем, мало кто отваживался протестовать: слишком уж непробиваемой была стена на пути к короне чемпиона мира, и лишь тот, кто был послушен всесильному «Международному клубу бокса», получал возможность ее оспаривать.

Гарбо и его подручные были приговорены к тюремному заключению на срок от пяти до двадцати пяти лет, а затем... освобождены под залог. Нет никаких гарантий, что их «бизнес» не продолжается и по сей день.

Среди боксеров тяжелого веса Сонни Листон давно уже считался «кронпринцем». Но, выиграл ли он бой благодаря своей чудовищной силе или просто потому, что это предусматривалось заранее разработанным сценарием, сказать трудно. Быть может, когда-нибудь это станет точно известно...

Г. АНДРЕЕВ

Паттерсон в нокауте.

ДВА ИЕРОГЛИФА

А. КИКНАДЗЕ

Что будет в Токио?

В конце 1959 года одна из наших газет опубликовала заметку «Восходят новые звезды», в которой рассказала о чемпионате Японии по гимнастике и чрезвычайно высоких, сенсационных результатах победителей.

Вскоре в редакцию пришло письмо из президиума гимнастической федерации СССР. Автор был явно недоволен. Он выражал сомнение в достоверности спортивных результатов японцев и настоятельно просил впредь не публиковать подобных заметок, ибо они «принижают имеющиеся достижения советских гимнастов и создают для них неблагоприятное общественное мнение».

Мне вспомнилось это письмо спустя год. Я, должно быть, не скоро забуду выражение лиц наших тренеров, выходивших из терм Каракаллы в тихий римский августовский вечер. В древних банях императора Каракаллы только что закончились олимпийские гимнастические соревнования мужчин. Вид у наших тренеров был такой, будто они и впрямь выходили из бани. Один из них горько сетовал на судей: мол, прижали наших ребят. Другой, не соглашаясь с ним, бросил: «Да что там говорить, здорово работали японцы. Молодцы!»

В тот вечер мы впервые проиграли команде японских гимнастов.

Через несколько дней, во время церемонии закрытия игр, на световом табло стадиона «Форо Италико» вспыхнули слова: «Арриведерчи а Токио» — «До свидания в Токио». До XVIII Олимпийских игр в столице Японии оставалось четыре года.

В истории последних Олимпийских игр бросается в глаза любопытная закономерность: организаторы игр преуспевают. На олимпиаде 1956 года в Мельбурне вслед за командой СССР и США в неофициальном командном зачете стали австралийцы. Игры в Риме принесли третье место команде Италии. А что будет в Токио? «Смогут ли японцы повторить традицию и подняться с седьмого места на третье?» — спрашивают одни. «Удовлетворятся ли японцы третьим местом?» — так ставят вопрос другие. Сейчас, на рубеже между играми, небезынтересно проследить, чего достигли спортсмены Японии в крупнейших международных соревнованиях.

Вернемся к гимнастам. 22-летний японец Мицукури пленил зрителей каскадом сложнейших элементов и поддержал честь японских мастеров на Всемирных студенческих играх 1961 года в Софии. Тренер рассказывал, что главным учебным пособием Мицукури были кинограммы упражнений советских мастеров — Шахлина, Чукарина, Титова. В специальной аудитории Токийского университета физической культуры по нескольку раз в день демонстрировались фильмы, героями которых были советские мастера, а операторами и режиссерами этих фильмов являлись японские тренеры.

На киноэкране возникало замедленное изображение замысловатого элемента, и гимнасты старались найти в нем малейший изъян. Потом они переходили в спортивный зал и здесь старались выполнить то же самое упражнение без малейшего огреха. Так продолжалось недели и месяцы. Фантазия подсказывала тренерам новые связки элементов, произвольные комбинации, и освоению их отдавались новые недели, новые месяцы.

Я помню слова Мицукури: «Моими помощниками были ваши мастера, наши киноаппараты, а еще трудолюбие, которое, как говорят, свойственно нам, японцам».

Летом 1962 года в Праге Мицукури в составе японской команды выступал на чемпионате мира. Японцы снова опередили нас. Советским мастерам оставалось находить утешение лишь в личной победе Юрия Титова. Итак, к победам японских гимнастов, как это ни печально для нас, мы начинаем привыкать. Но в те же летние месяцы 1962 года телеграф приносил из разных стран такие, например, вести:

...Никому не известные японские рапиристы победили на чемпионате мира в Аргентине итальянцев, слывших сильнейшими в мире.

...Во время турне по Европе прыгун Сугиоке дважды преодолел высоту 2 метра 9 сантиметров.

...На соревнованиях японских пловцов в Осака достигнуты результаты, способные украсить таблицу рекордов любой страны. 20-летняя Сатоко Танака побила мировой рекорд в плавании на 200 метров на спине.

Японский марафонец Накао, «легкий, как перышко, и неутомимый, как кенгуру», пробежал 42 километра 195 метров с результатом, которому может завидовать сам Абебе Бикила — олимпийский чемпион из Эфиопии.

Готовятся к Олимпийским играм японские мастера борьбы дзю-до и волейболисты. Эти два вида спорта впервые включены в

ПОБЕДА УМОМ

программу Олимпийских игр, что с ликованием встречено в Японии.

Москвичи помнят превосходную игру японских волейболистов, их каверзные подачи, кошачью цепкость в обороне и грозную силу в атаках. Недавно японки провели серию международных встреч, в каждой из которых добились убедительных побед.

Спокойны тренеры дзю-до. Им есть из кого выбирать претендентов в сборную команду. Ведь этой борьбой в Японии занимается несколько миллионов человек. Кстати, дзю-до в переводе значит победа умом.

Японские великаны

Моя новая встреча с японскими спортсменами состоялась нынешним летом в небольшом американском городке Толидо, собравшем сильнейших борцов мира. То, что японцы с блеском провели чемпионат по вольной борьбе, лишь немного уступив нашим мастерам, никого не удивило. А вот их выступление в классической борьбе было по-настоящему триумфальным. Страна, лишь три года развивающая этот вид спорта, прислала на чемпионат команду, опередившую известных атлетов Ирана, Румынии, Болгарии и других стран и сумевшую завоевать третий приз.

Примечательная деталь: раньше японским борцам приносили зачетные очки лишь атлеты первых четырех-пяти весовых категорий. В Толидо мы познакомились с сильными японскими борцами, выступавшими в средней и полутяжелой весовых категориях. Обратил на себя внимание и тяжеловес Секи.

Один из японских тренеров сказал журналистам:

— Мы были бы очень недалекими и ленивыми спортивными организаторами, если бы не постарались найти атлетов, способных успешно выступать в тех видах спорта, в которых решающую роль играют рост и вес.

Хорошим комментарием к этому заявлению может служить телеграфное сообщение о том, что в сборной команде Японии по баскетболу появились двухметровые игроки.

О японских баскетболистах мы пока знаем мало. На Олимпийских играх в Риме они выступали неудачно. Память сохранила лишь несколько колоритных эпизодов из матча Япония — США.

Американские баскетболисты словно заключили между собой договор выиграть у японцев со счетом 100:50. Эта игра, если можно так выразиться, проходила на разных этажах. Завладев мячом, американец неторопливо посылал мяч тому из своих товарищей, кто не считал за труд вскинуть вверх руки. После двух-трех таких передач мяч послушно ложился в корзину. Маленькие, очень юркие и быстрые японцы не могли помешать своим соперникам. Но, владея мячом, японцы демонстрировали порой истинную виртуозность. Как-то очень ловко, едва ли не под мышками у американцев, они проскальзывали к щиту.

Когда до конца игры оставалось 10 секунд и счет был 100:50, японцы завоевали 52-е очко. Американцы с досадой всплеснули руками, потом усмехнулись и за считанные секунды забросили в корзину еще два мяча. Видимо, японские тренеры хорошо запомнили тот матч. На Азиатских играх, открывшихся в Джакарте 24 августа, Японию представляли рослые, стройные баскетболисты.

Запомните имена Накао и Симо

В августе в Москве побывали два руководителя японской Федерации легкой атлетики — Иоширо Асакума и Судзуке Осака. Гости встречались с советскими тренерами, присутствовали на занятиях, осматривали спортивные сооружения.

Они без обиняков сказали Г. Коробкову, главному тренеру Федерации легкой атлетики:

— Мы считаем, что наши легкоатлеты смогут подняться до уровня наших гимнастов, если будут так же упорно осваивать опыт советской школы. Поэтому мы и приехали к вам.

А потом на протяжении часа гости отвечали на наши вопросы.

Некоторые из их ответов представляют интерес.

Вопрос. Рассчитывают ли японские атлеты на призовые места на предстоящих Олимпийских играх?

И. Асакума. Вы, должно быть, знаете, что на олимпиаде в Италии наши легкоатлеты не завоевали ни одного очка, и поэтому мой ответ может показаться нескромным. Но мы поставили перед собой цель: выиграть две золотые медали. Эти свои надежды мы связываем с именами марафонца Накао и быстро прогрессирующего мастера тройного прыжка Симо. Работает Накао чиновником в компании «Токио-экспресс». Работа у него сидячая. Поэтому он пользуется каждым свободным часом, чтобы побегать. Он неутомим, упорен и жаждет встречи с олимпийским чемпионом эфиопом Абебе Бикила. Что касается нашего прыгуна, то мы сулим ему большое будущее. Сейчас он прыгает за 16 метров 20 сантиметров.

Прага. 1962 год. Закончен чемпионат мира по гимнастике. Японские спортсмены Т. Оно и Н. Айхара подружились с победителем личного первенства Ю. Титовым.

Автор этого очерка снял в Толидо чемпиона мира по вольной борьбе Ватанабе (он сидит, подняв руку).

Вопрос. В печати появилось сообщение о том, что в Японии начат сбор средств, которые должны помочь вашим спортсменам выступать на олимпиаде?

И. Асакума. Да, и в этой кампании участвует очень много людей. Это одно из свидетельств того, с каким интересом ждет Япония олимпиаду. А сами атлеты полны энтузиазма, который, надеюсь, позволит им хорошо подготовиться к XVIII Олимпийским играм.

Вопрос. Могли бы вы сказать, какую главную цель поставили перед собой японские спортсмены?

И. Асакума и С. Осака. Мы хотели бы завоевать третье место в общем зачете.

* * *

В четвертый раз готовятся спортсмены СССР к борьбе на олимпийской арене. В Хельсинки они были старательными дебютантами, в Мельбурне неожиданно для многих стали спортивными мэтрами, а в Риме убедили в своей силе самых последних маловеров. Теперь у советских атлетов учатся, анализируют их опыт, взвешивают их возможности, и вот у нас на глазах возникает новая спортивная сила — японские гимнасты, борцы, легкоатлеты, волейболисты.

ПРЕЖДЕ, ЧЕМ РАЗДАСТСЯ СИГНАЛ «ПОДЪЕМ!»

Даниил ПИПКО

Пять лет назад на нашем, русском языке первооткрывателей восхищенный мир произнес победное слово «спутник». С него начинается летопись космических свершений, где каждая новая страница — это подвиг народов Страны Советов. Ракета «Мечта» и лунники, целая серия космических кораблей-спутников и, наконец, звездное братство наших героев — Юрия Гагарина, Германа Титова, Андрияна Николаева, Павла Поповича. Вчера был сделан первый шаг, сегодня идет глубокая разведка, а завтра — завтра смелое племя космонавтов устремится в глубины Вселенной.

Человек покинет родную землю. Много открытий совершит он в звездных далях, много загадок откроет Вселенная отважному путнику. А дорогу в неведомое ему прокладывают ученые-земляне, уже сегодня мечтающие о походах в глубины космические. Но прежде, чем раздастся долгожданный сигнал «Подъем!», им предстоит решить еще десятки, сотни, тысячи проблем.

«Арифметика» космоса

Человек пробил дорогу в космос с помощью ракетных двигателей (РД) на жидком и твердом топливе. Их достоинства неоспоримы. Они развивают громадную тягу на любых скоростях, в пределах земной атмосферы и в безвоздушном пространстве. Но эта универсальность оплачивается дорогой ценой — большими расходами топлива.

Достаточно сказать, что для того, чтобы забросить с помощью этих двигателей спутник в одну тонну, нужно израсходовать десятки, а подчас и сотни тонн топлива.

Мы не придумали законы механики — нам их подарила сама природа. И в этом подарке извечный спор между «скоростью—расстоянием» и «ценой билета». Чтоб ускользнуть от сил притяжения Земли и уйти к ближайшим планетам, нужно разогнать корабль до второй космической скорости — одиннадцать и две десятых километра в секунду. Приблизительно в полтора раза вторая космическая скорость больше первой. Как будто разница невелика. Невелика, если верить правилам арифметики, но старый закон «дважды два — четыре» отказывается служить космонавтам.

Представьте, что, отправляясь в туристический поход, вы взяли продуктов не на два дня, а на месяц. Месяц можно шагать, не теряя времени на «дозаправку». Но каждый из этих тридцати дней на ваших плечах будет лежать тяжелый рюкзак, который, увы, не прибавляет скорости. А если переложить все это на язык цифр, то окажется, что скрытые в продуктах калории не столько движут вперед туристов, сколько «несут» сами себя.

Примерно то же происходит и в ракетодинамике. Чем тяжелее ракета, чем больше в ней топлива, тем меньше энергии идет на разгон полезного груза и больше на перевозку самого топлива. Вот почему доставка тонны груза на Луну оплачивается уже примерно вдвое-втрое, а на Марс — почти в двадцать раз большими количествами топлива, чем запуск спутника Земли. Ясно, что проблема полетов к далеким планетам не может решаться путем непрерывного увеличения стартового веса кораблей. Нужны новые ключи к звездным воротам, и один из таких ключей — своего рода разделение труда, создание специальных двигателей для каждого этапа космического путешествия.

Атмосферное топливо

Водрузив на самолет реактивный двигатель, мы сразу записали его в число земных: он не может работать без кислорода, без воздуха. Но в погоне за скоростью и высотой полета мы упорно совершенствуем это сердце машин пятого океана планеты, не подозревая, что тем самым протягиваем нить в космические глубины.

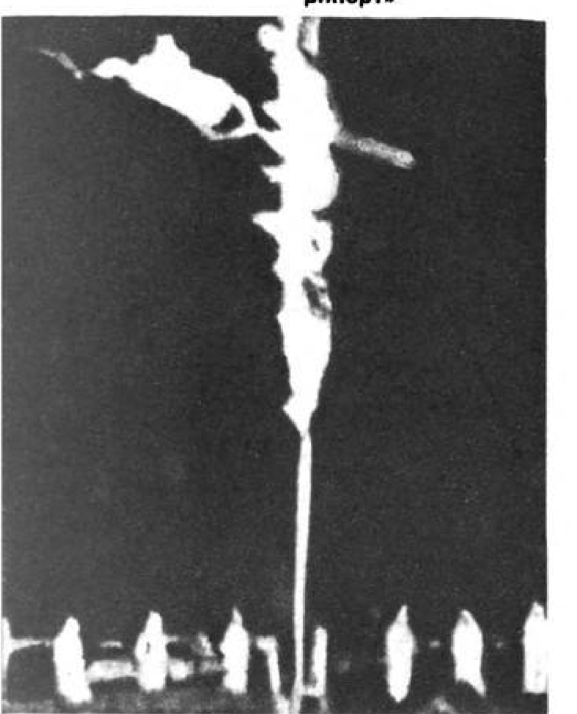
Уже сегодня можно смело говорить о реактивных двигателях, способных развивать большие силы тяги на скоростях почти в два раза больше скорости звука и высотах порядка тридцати—сорока километров. А ведь это почти треть расстояния до орбиты искусственного спутника!

Воздушные реактивные двигатели расходуют значительно меньше топлива, чем ракетные. Это свойство и наталкивает на мысль использовать их для старта тяжелых космических кораблей. Представить себе такой реактивно-ракетный корабль нетрудно. Первая его ступень будет как бы комбинация из двух типов воздушно-реактивных двигателей: прямоточных и турбинных.

У прямоточных воздушно-реактивных двигателей есть существенный недостаток — необходимое давление в их камерах сгорания создается за счет скоростного напора встречного потока воздуха. А это означает, что, прежде чем эти двигатели вступят в работу, корабль нужно разо-

---

Фото из журналов «Ньюсуик» и «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»

Огненные кресты зажег ку-клукс-клан на американском Юге.

«Мы убьем тебя, ниггер!» — надрываются расисты.

Г. ГУРКОВ

ТРАГЕДИЯ

«Я считаю, что все должны быть равными...»

Джеймс Мередит, гражданин США

Вечером 29 сентября министерство обороны США отдало приказ собрать на военно-морской и военно-воздушной базе в Мемфисе, штат Теннесси, отряд войск. «Пентагон не назвал, какие это части, и не указал ни величины, ни состава этого отряда»,— передавало агентство Ассошиэйтед Пресс. В кратком официальном сообщении говорилось только, что армия получила приказ в 10 часов по местному времени и «немедленно начала переброску нужных воинских частей».

Что стряслось на земле Соединенных Штатов? Какая угроза привела в действие вооруженные силы страны?

Специальному отряду, о котором идет речь, была поручена «операция Мередит». Район действий: университет штата Миссисипи. Боевое задание: спасти престиж Америки.

События, которые предшествовали «операции», не в новинку для южных штатов. То, что произошло, случалось и случается там достаточно часто и, как правило, не привлекает к себе широкого внимания.

Человек захотел поступить в университет. Человеку 29 лет, его зовут Джеймс Мередит, он отец двухлетнего ребенка. Как и полагается, учился в колледже, потом служил в военно-воздушных силах США.

Но у человека черная кожа.

И попечительский совет университета Миссисипи с благородным негодованием возвращает ему документы: за 114 лет существования этого учебного заведения негр ни разу не переступил его порог.

Однако Джеймс Мередит — человек упорный. Он знает, что конституция Соединенных Штатов признает за ним права гражданина, и решает биться за эти права.

Джеймс Мередит подает иск в суд. И различные федеральные судебные инстанции вплоть до Верховного суда США вынуждены напомнить расистам из Миссисипи о том, что гражданская война в свое время не принесла победы Югу, а потому надлежит соблюдать законы о равноправии негров.

Эти напоминания делаются в достаточно деликатной форме. Так, чтобы и волки были сыты и овцы целы. Этакое укоризненное покачивание головой в ответ на рев мракобесов и горящие кресты ку-клукс-клана.

Двадцать один месяц Мередит обивает пороги судов. И двадцать один месяц расисты угрожают ему смертью.

Но он смелый человек, этот Джеймс Мередит. И он приходит в университет, чтобы зарегистрироваться в качестве студента. Под улюлюканье толпы входит в здание, где его ждет сам губернатор штата Миссисипи Росс Барнет. Разговор короткий. «Вам отказано»,— бросает чиновный расист.

Во второй и в третий раз Мередит пытается добиться правды. Но правда не прописана в Миссисипи...

Личное мужество Джеймса Мередита, его решительность и достоинство, с которыми он отстаивает свои гражданские права, производят впечатление на американскую общественность. Повсюду звучат голоса в его поддержку. «Дело Мередита» выносится в газетные заголовки. Вся честная Америка требует: «Он должен учиться».

«Никогда!» — отвечает Барнет и клянется, что скорее сядет в тюрьму, чем выполнит постановление Верховного суда.

Расисты всех мастей, вдохновленные Барнетом и его коллегами из Миссисипи, поднимают голову. В Вашингтоне на пьедестале памятника Линкольну чья-то рука малюет расистское ругательство: «Покровитель негров». Это происходит на следующую ночь после церемонии в честь 100-й годовщины подписания Линкольном Прокламации об освобождении негров...

Небезызвестный американский ультра, генерал в отставке Эдвин Уокер, публикует заявление, в котором призывает десять тысяч человек от каждого штата «завербоваться добровольцами» и с оружием в руках отстаивать сегрегацию.

Правительство Кеннеди попадает в затруднительное положение. О «деле Мередита» говорят в Организации Объединенных Наций, о нем пишут в газетах многих стран. Повсюду возникает законный во-

гнать до достаточно большой скорости. Вот почему, чтобы оторвать ракету от Земли, ее придется снабдить и турбореактивными двигателями, подобными тем, что стоят на самолете «ТУ-104». Эти двигатели поднимут ракету в воздух и разгонят ее до скорости примерно в полтора-два раза выше звуковой. А здесь к ним подключатся двигатели прямоточные. По мере подъема на высоту турбореактивные двигатели достигнут верхней границы применимости и остановятся, а прямоточные двигатели поведут ракету дальше, до высоты примерно сорок — пятьдесят километров.

Звездная праща

Еще задолго до того, как первые корабли устремились в космос, ученые начали сравнивать различные траектории полета. Что лучше: вывести корабль на орбиту спутника и потом, словно снаряд пращи, разгонять до второй космической скорости или сразу, одним прыжком достичь эту скорость? И пока в расчетах участвовали только химические РД, результат был в пользу «прыжка». Но в последнее время положение изменилось. Заявку на жизнь подали принципиально новые «космические моторы» — электрические ракетные двигатели.

Волшебное слово «плазма», еще вчера призрачно встречающееся на страницах научных трудов, сегодня обрело реальное воплощение. И хотя прошлогодняя конференция физиков в Зальцбурге не принесла сенсаций, о плазме уже можно говорить как о средстве, сулящем человечеству громадные победы.

Плазма — это газ, который под действием какой-либо энергии (тепловой, электрической или термоядерной) превратился в смесь свободных электронов и положительных ионов. Естественно, что такая смесь подчиняется любому воздействию электрического или магнитного полей. А раз так, то с помощью этих полей ее можно разогнать до громадной скорости и, выбросив через реактивное сопло, получить силу тяги. Этот принцип и лег в основу проектов электрических ракетных двигателей. Правда, экспериментальный двигатель такой конструкции, работающий за рубежом, дал пока тягу всего в несколько сот граммов. Не много. Но в космосе, где сопротивление среды ничтожно, в больших тягах нет и необходимости. Стартовав с орбиты спутника, космический корабль с электрическим РД в отличие от современных ракет будет разгоняться до нужной скорости не сразу, а постепенно, наматывая виток за витком вокруг нашей планеты. Наконец, скорость его достигнет нужной величины, и, освободившись от сил земного притяжения, корабль уйдет к далеким планетам.

Правда, пока это произойдет, ученым предстоит решить немало проблем. Одна из них — источник электроэнергии. На борту такого корабля придется возить мощную электростанцию. Скорее всего атомную. Но расчеты показывают, что при дальних космических полетах вес такой электростанции вместе с запасами топлива будет намного меньше, чем если бы корабль стартовал с помощью химических РД.

От звезд на Землю

Космонавт возвращается. Позади миллионы километров звездных дорог, а впереди теплая, родная планета-дом. Как попасть на нее? Стоит пропустить момент и вовремя не перевести корабль на орбиту искусственного спутника Земли, как он вновь уйдет в просторы Вселенной. И в этот момент на пересечении звездных и околоземных трасс нужно осуществить сложный разворот, осуществить любым способом.

Один из таких способов — торможение двигателями. В точке встречи с атмосферой Земли пилот включит тормозные двигатели, сила реактивных газовых струй погасит скорость, и корабль перейдет на орбиту спутника. Этот способ связан с затратами топлива. Но можно обойтись и без них, призвав на помощь аэродинамические силы.

Всем хорошо знакомо крыло самолета. Оно удерживает машину в воздухе, а при отказе двигателей позволяет совершить посадку планируя. И если таким крылом снабдить космический корабль, то и здесь оно будет исправно нести свою службу. Правда, есть одна особенность: космические и земные обязанности крыла несколько отличаются друг от друга. Проектируя самолеты, конструкторы стремятся придать им такую форму, чтобы подъемная сила была направлена вверх, удерживала машину в воздухе. А для того, чтобы космический аппарат со звездной траектории перешел на орбиту спутника, его крылья должны создавать силу, направленную вниз, к центру Земли.

К одному аппарату не приделаешь два крыла, выполняющих прямо противоположные задачи. Но заставить одно и то же крыло работать за двоих можно. Приближаясь к Земле, пилот опрокинет такой космический «самолет» вверх ногами, и необходимая сила будет действовать вниз, в направлении к центру нашей планеты. Она-то и заставит корабль перейти на орбиту спутника, имеющую форму эллипса. Двигаясь по этой орбите, корабль будет периодически прошивать плотные слои атмосферы, силы лобового сопротивления будут периодически тормозить его, и орбита из эллиптической превратится в круговую. А спуститься с этой орбиты на Землю ему помогут те же крылья.

Соскользнув с орбиты спутника, крылатый корабль ворвется в плотные слои атмосферы. Пилот переведет машину в планирующий полет и постепенно, теряя скорость и высоту, приведет аппарат к заданному месту посадки.

У крылатого способа возвращения на Землю в последнее время появился опасный конкурент, заимствованный также из опыта авиации. В основе его лежит всем хорошо знакомый принцип вертолета. Авторы одного из проектов космического корабля предложили снабдить последний складывающимся винтом. При входе в плотные слои атмосферы этот винт будет раскручиваться встречным потоком воздуха и уменьшать скорость корабля. Затем ему предстоит выполнять обязанности тормозного парашюта, и лишь на посадке он будет играть по-настоящему вертолетную роль.

* * *

Трудно утверждать, что именно так, а не иначе будет решаться проблема дальних космических полетов. Время и люди непрерывно вносят новые поправки в самые, казалось бы, незыблемые законы и правила. Мы лишь вступили в новый для нас мир, и, как новичкам, нам предстоит еще многому научиться. Но придет день, и еще тверже станет космическая поступь человека, еще совершеннее техника покорителей звездных дорог. И если сегодня нам уже есть с чем их сравнить — разве это не победа!

В МИССИСИПИ

прос: если Росс Барнет и Эдвин Уокер — демократия, то что же тогда фашизм? И другой вопрос: чего ждет правительство США, почему оно ничего не предпринимает?

И правительство «решается».

«По сведениям из неофициальных источников,— сообщило Ассошиэйтед Пресс,— между губернатором Барнетом и министром Кеннеди (Роберт Кеннеди — брат президента, министр юстиции США.— Г. Г.) заключено перемирие. Сообщают, что в течение вечера губернатор и министр юстиции трижды говорили по телефону и пришли к джентльменскому соглашению, которое запрещает до 1 октября дальнейшие попытки добиться приема Мередита в университет».

Договорились...

Барнет получает отсрочку. Для чего? Журнал «Тайм» напоминает, что в истории штата Миссисипи прежде было два случая, когда негры отваживались зарегистрироваться студентами «белых» университетов. В первый раз это произошло четыре года назад. Тогда власти объявили смельчака... душевнобольным и упрятали в сумасшедший дом. Другой случай был в прошлом году — тогда негр, пытавшийся попасть на университетскую скамью, сел на скамью подсудимых: его обвинили в краже и приговорили к семи годам тюрьмы...

Джеймсу Мередиту удалось избежать и сумасшедшего дома и тюрьмы.

Его запугивали, но он стоял на своем.

Ему приносили сообщения:

«Губернатор Росс Барнет лично взял на себя командование полицейскими силами штата, разместившимися в университетском городке»...

«Поздно вечером во дворе университета, напротив административного здания, сожжен крест»...

«Один из руководителей «совета белых граждан» в Новом Орлеане, Дэвис, направил генералу Уокеру послание: «Мы, из Луизианы, обещаем поставить под ваше командование 10 тысяч добровольцев»...

Президент Кеннеди произнес речь по телевидению. Странное она производит впечатление: трудно понять, требовал ли президент уважения к закону или извинялся перед расистами...

А пока шла трансляция, в Оксфорде буйствовала толпа. Группа расистов забросала зажженными сигаретами брезентовый верх одного из грузовиков, в котором находились федеральные судебные исполнители. Брезент загорелся. Полетели камни, бутылки, осколки стекла. Раздались выстрелы. Были убиты французский корреспондент Поль Гиар и 23-летний мастер по ремонту фотоаппаратов Джордж Гантер. Десятки солдат и судебных исполнителей получили серьезные ранения...

1 октября агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл передало из Оксфорда:

«Мередит сегодня был зарегистрирован студентом университета Миссисипи в университетском городке, охранявшемся 400 американскими судебными чиновниками и 1 000 солдат федеральных войск».

Победа? Да.

Но чего стоит Джеймсу Мередиту каждый день учебы!

На занятия его сопровождает вооруженная до зубов охрана. В комнате, где он живет, день и ночь находятся полицейские. «Мы можем подождать,— заявил один из расистов, принимавших участие в кровавых стычках.— Эти солдаты не будут здесь вечно»...

Побывавший в Оксфорде корреспондент «Нью-Йорк Джорнэл Америкэн» Джон Гаррис пишет:

«Я задал вопрос, не случится ли чего-нибудь с Мередитом, члену миссисипской национальной гвардии, одному из сотен солдат, которые охраняют старый Миссисипский университет.

Его ответ был вполне исчерпывающим.

Этот охранник — коренастый фермер из глубинных районов штата Миссисипи, с приятным, располагающим к себе лицом — заявил с откровенностью, от которой стынет кровь в жилах:

«Сейчас я работаю для дяди Сэма, и поэтому я буду поступать, как мне велят. Но если бы это было не так, то я бы постарался убить Мередита. Тут не место для негров».

Он говорил без обиняков и не притворялся. Он произнес слово «убить», не моргнув и глазом.

Я поблагодарил его, он вежливо кивнул мне».

Защищая честь мундира, правительство Кеннеди сочло необходимым вмешаться в борьбу Мередита. Какие мотивы принимались во внимание, достаточно ясно дала понять газета «Нью-Йорк таймс». «Невозможно уйти от политического силлогизма, выражающегося в том, что Соединенные Штаты не могут претендовать на руководящую роль в борьбе за свободу, пока они не обеспечат этой свободы на родине... Заблуждающиеся люди, препятствующие социальному прогрессу (столь изысканно газета именует расистских мракобесов.— Г. Г.), безусловно, считают, что они не меньшие патриоты, чем остальные их соотечественники. К сожалению, дело обстоит не так. Их действия,— констатирует газета,— порождают возмущение у тех, кто мог бы быть нашими друзьями...»

Итак, Мередит стал студентом. Но трагедия в Миссисипи не закончилась. Она продолжается.

Хватит ли у Джеймса Мередита воли и отваги, чтобы в течение недель, месяцев, лет идти на занятия под градом издевательств, сквозь толпу, которая угрожает ему камнями и пулями?

Он будет изучать в университете политические науки. Будет слушать лекции о конституции США, о правах граждан, об американской демократии.

Первые практические уроки по этому предмету Джеймс Мередит уже получил.

ЛЕСНОЙ КРАСАВЕЦ

Познакомьтесь: эта пташка с пестрым оперением и с хохолком — свиристель, одна из самых красивых лесных птиц нашей страны. После долгой охоты с фотоаппаратом мне удалось ее снять.

Г. ВОРОНИН

Барнаул.

СИЛА ДЕРЕВА

Это дерево, расколовшее скалу, сфотографировал в Крыму читатель И. Х. Хоритонов из города Судогды, Владимирской области.

Наш корреспондент обратился в Институт физиологии растений имени К. А. Тимирязева Академии наук СССР к доктору биологических наук М. Х. Чайлахяну с просьбой объяснить этот случай. Ученый сказал: «Растительные клетки обладают большой силой давления, которую они развивают во время своего роста, всасывая воду вместе с содержащимися в ней питательными веществами. Приведу такой пример. Однажды затонуло груженное горохом судно. Сила давления набухающих семян гороха оказалась настолько велика, что через некоторое время судно разорвало. Известны также случаи, когда нежные всходы растений в процессе своего роста поднимают и разрывают асфальт и сдвигают камни. Вот и дерево, начавшее жизнь в расщелине скалы, в своем росте постепенно раскололо ее».

Гости рыбаков

Рыболовный траулер готовился выйти на промысел в Берингово море. Вдруг по трапу на борт поднялись тюлени. Когда к ним приблизились люди, самка бросилась в море, оставив своих детенышей. Я их сфотографировал.

А. СУЧКОВ

Находка.

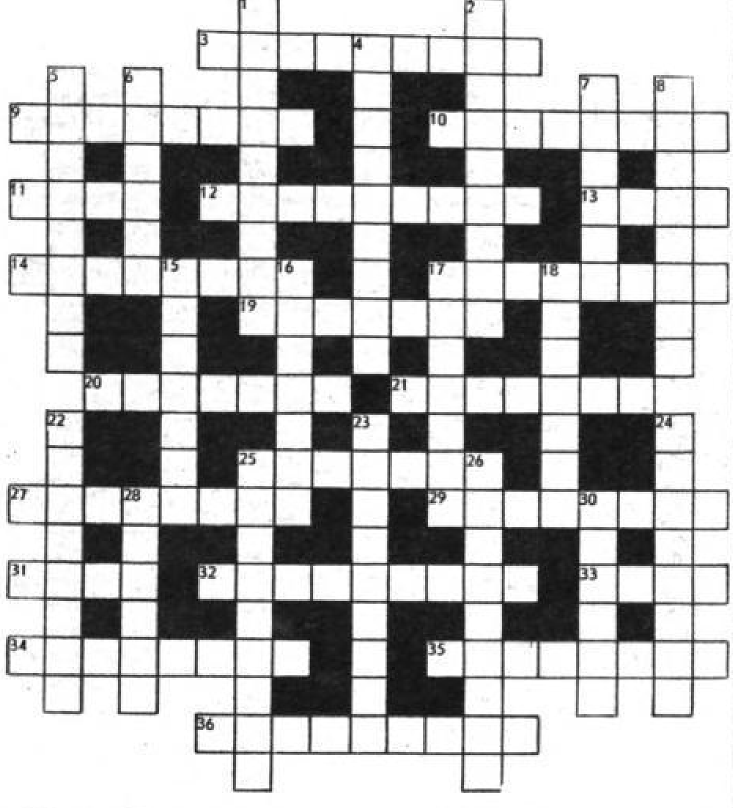
ПОСЛАНЕЦ КОСМОСА

Этот метеорит нашли в Антарктиде советские полярники, присвоив ему имя «Лазарев». Метеорит металлический, весит он 5 900 граммов. Теперь он экспонируется в Ленинградском горном музее.

О. КАРЫШЕВ

Ленинград.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Пушной зверек. 9. Сооружение в виде моста. 10. Поверхность над очагом землетрясения. 11. Парусиновый навес. 12. Игра. 13. Приток Оби. 14. Часть рыболовной снасти. 17. Съезд, совещание. 19. Душистое вещество, употребляемое в кондитерском производстве. 20. Советский авиаконструктор. 21. Роман Д. Олдриджа. 25. Изобразительное начертание. 27. Русский полярный исследователь. 29. Музыкальная пьеса в свободной форме. 31. Лошадь малорослой породы. 32. Стартовая площадка межпланетных кораблей. 33. Полудрагоценный камень. 34. Скульптурное изображение. 35. Озеро в Африке. 36. Порт в Норвегии.

По вертикали:

1. Народный артист СССР. 2. Гриб. 4. Стихотворение Н. А. Некрасова. 5. Небесное тело. 6. Тугоплавкий металл. 7. Мера земельной площади. 8. Столярный инструмент. 15. Вид транспорта. 16. Действующее лицо драмы Л. Н. Толстого «Живой труп». 17. Немецкий физик XIX века. 18. Спортсмен. 22. Земледелец. 23. Вид театрального представления. 24. Руководитель небольшого производственного коллектива. 25. Опера Д. Верди. 26. Прибор для нагревания воздуха. 28. Одноактная пьеса А. П. Чехова. 30. Специальность ученого.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

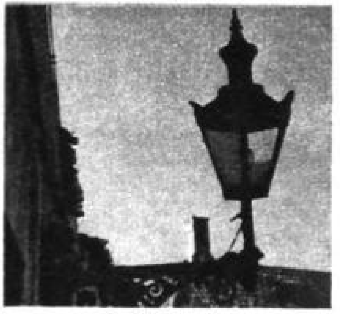
По горизонтали:

4. Левитан. 7. Марево. 8. Баланс. 9. Тангенс. 14. Фергана. 15. Гряда. 17. Алабама. 18. Достопримечательность. 19. Бальзак. 21. Купол. 23. Студент. 25. Паспорт. 28. Соффит. 29. «Зорька». 30. Ножницы.

По вертикали:

1. Теплота. 2. Филология. 3. Шарабан. 5. Шарада. 6. Сноска. 10. Чемодан. 11. Фабрика. 12. Балласт. 13. Сметана. 15. Гамак. 16. Автол. 20. Звонок. 22. Поползень. 24. Улитка. 26. Антонов. 27. Розница.

На первой странице обложки: Александра Самбурская — звеньевая колхоза имени Ленина, Тираспольского района, Молдавской ССР.

Фото Б. Кузьмина.

На последней странице обложки: Ростовский ипподром. Скачки.

Фото Д. Ухтомского.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление И. Михайлина.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00559. Подписано к печати 10/X 1962 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1677. Зак. 2715.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Подъезжая к Таллину, пассажиры с почтением разглядывают из вагонных окон гранитные бастионы Вышгорода, высокие трубы заводов, зеленые улицы пригородов, жирафьи стада портальных кранов на берегу бухты. Да, конечно, у Таллина есть свое лицо, богатая мимика, хорошие улыбки. Если на электромоторах, радиоприемниках, мебели и тканях стоит таллинская марка — значит, это хорошо! Если вы приехали в город гостем,— он порадует вас добрыми былями, легендами.

Вместе с Рудольфом Карловичем Кенкмаа, научным сотрудником Института истории АН Эстонии, мы стоим на Вышгородском плато. Историк вспоминает легенду:

Кто ходил в старинный Таллин,
Тот видал курган могильный,
Где потомки дедов много
Возвели красивых зданий,
Улиц, башен горделивых...

Это строчки из «Калевипоэга». По преданию, на Вышгородском плато, под могильным курганом, покоится герой эстонского народного эпоса Калев. Линда, вдова его, после похорон долго носила на курган гигантские камни. Однажды, усталая и печальная, она присела на камень отдохнуть да так и осталась здесь — сначала в памяти народа, а потом вылитая в бронзе эстонским скульптором А. Вейценбергом.

Еще один почетный гражданин города — Старый Тоомас. Вана Тоомас — воин-хранитель. Символическая фигурка флюгера ратушной башни напоминала гражданам о том, что у каждого есть перед городом гражданский долг. Здание ратуши, построенное в конце

С ЛЕГЕНДОЙ ПО ГОРОДУ

XIV — начале XV века, теперь реставрировано. По традиции в ней находится Таллинский горисполком.

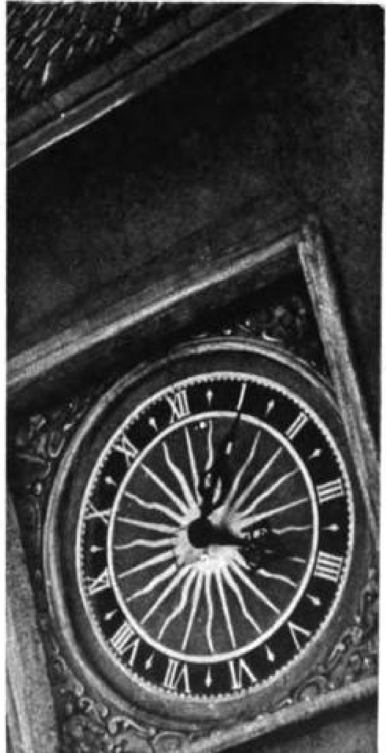
От ратуши со старинной площади как бы стекает вниз коротенькая узенькая улочка — Аптечная. Вот уже больше пяти веков (с 1422 года) помещается в одном из домов аптека. С 1538 по 1911 год ею владели представители семьи Бурхартов. Бурхарты продавали таллинцам порошок из волчьих костей от ревматизма, настои трав, табаки, фрукты, пряности и даже вина и шелковые ткани. Бурхарты были известными фармацевтами и врачами. Однажды представитель их пятого поколения был вызван к заболевшему Петру Великому... Над входом в аптеку вы видите копию старинной средневековой вывески. Она сделана в таллинской реставрационной мастерской.

Святодуховская церковь построена в XIV веке и знаменита самыми первыми в городе уличными часами (они установлены в 1684 году). Было время, когда часы, покрытые копотью, стояли. Несколько лет назад за них тоже взялись реставраторы, и теперь часы ходят.

И еще одна улыбка «таллинского лица»: спуски с Вышгорода — улицы Длинной Ноги и Короткой Ноги. Казалось бы, само собой разумеется, что по Короткой Ноге спустишься быстрее, чем по Длинной. Но не тут-то было. Здесь, на Короткой Ноге, обязательно задержишься и будешь долго смотреть на ворота, замыкающие спуск. Ворота и башня построены в XV веке. Очень толстая, очень крепкая дубовая доска закреплена огромными гвоздями с коваными шапками. Вот и все. Но в расположении ворот и в их освещении, в ритмическом повторении гвоздей есть особая, немного таинственная красота народного искусства.

Н. ХРАБРОВА
Фото А. УЗЛОВА.

Цена номера 30 коп.

